

05
Н-37

жс 16790

III-й годъ

НАША ЗАРИЯ

СОДЕРЖАНИЕ:

ОРТОДОКСЪ. О посмертныхъ художественныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого.

Н. ТРОЦКИЙ. Принципы и предразсудки. (Къ вопросу о борьбѣ за свободу коалицій).

Н. Р—КОВЪ. На два фронта. (Отвѣтъ Вл. Ильину и ред. "Наш. Зари").

Л. МАРТОВЪ. О томъ, какъ можно быть неправымъ на оба фронта.

А. СЕМЕНОВА. Новѣйшая выступленія германскаго ревизіонизма.

Жюстражное обозрѣніе.

Я. ПИЛЕЦКІЙ. Избирательная недоразумѣнія. (Письмо изъ Германии).

А. КОЛЛОНТАЙ. Женское избирательное право въ Шведскомъ парламентѣ.

Политическое обозрѣніе.

Ф. ДАНЪ. Послѣ "Лены".

Н. ЧЕРВАНИНЪ. Прогрессисты и кадеты передъ выборной кампанией.

Б. И. ГОРЕВЪ. Одиннадцатый съездъ Р. Р. С.

Новые книги.

№ 5.

СПБ. 1912.

Ц. 30 н.

III-й годъ изданія.

НАША ЗАРЯ

Ж/6790 Ежемѣсячный журналъ.

№ 5.

Вологодская губернская
Публичная библиотека

СПБ. 1912 годъ.

За статью В. Мирова въ №-рѣ 4-мъ „Предвыборные на-
строенія“ на журналъ наложенъ штрафъ въ 300 рублей.

Отъ редакціі.

За статью «Предвыборная настроение» въ 4-мъ №-рк «Нашей Зари» наложенъ штрафъ въ 300 руб. Нашему журналу, ведущему борьбу за свое существование вотъ уже $2\frac{1}{2}$ года, не разъ приходилось переживать тяжелыя времена.

Въ началѣ 1911 года журналъ «по независящимъ обстоятельствамъ» лишился цѣлаго ряда сотрудниковъ. Въ концѣ того-же года, и почти подрядъ, на три книжки журнала былъ наложенъ арестъ, а редакторъ О. В. Федорченко привлеченъ по 129 ст. Въ началѣ текущаго года въ квартирахъ цѣлаго ряда сотрудниковъ, открыто участвующихъ въ журнале, были произведены обыски; обыскана была типографія и контора журнала; изъяты денежные счета, взяты и не возвращены рукописи и иные редакціонные материалы. Больше того. Одинъ изъ сотрудниковъ журнала А. Н. Потресовъ былъ арестованъ, съ предъявленіемъ ему обвиненія по 102 ст. за участіе въ журнале, хотя журналъ и обязанъ своимъ двухлѣтнимъ существованиемъ исключительно частной инициативѣ. Наконецъ, мѣсяца три тому назадъ, на ряду съ редакторомъ, уже привлеченнымъ по 129 ст. по той-же статьѣ привлеченъ (за №7—8-й 1911 г., где была помѣщена ст. Мартова «Избирательная платформа») и издатель журнала А. Э. Дюбуа.

Органу типа «Нашей Зары», выступившему въ 1910 г. почти безъ всякихъ средствъ и выступившему въ періодѣ почти еще полнаго общественаго затишья, само собой разумѣется, и **безъ** этихъ независящихъ обстоятельствъ нуженъ былъ не годъ и не два для того, чтобы твердо и прочно встать на свои собственные ноги. Даже научному органу германской соц.-демократіи „Neue Zeit“, имѣющему за собой организованную поддержку германской с.-д. партіи, понадобилось чуть не два десятилѣтія, чтобы свести, наконецъ, свой бюджетъ безъ дефицита. Что-же сказать о такомъ органѣ, какъ «Наша Заря», не связаннымъ ни съ какой организаціей? И, однако, даже въ условіяхъ русской жизни, какъ показываетъ почти 3-лѣтній нашъ опытъ, можно было-бы смѣло питать надежду на значительно болѣе короткій въ этомъ отношеніи срокъ. Мы сказали: «Можно было-бы»... Единственное условіе для такой возможности: **постоянное содѣйствіе сочувствующаго журналу читателя.**

Въ настоящее время все говорятъ за то, что журналъ нашъ вступаетъ въ полосу жизни, еще болѣе тяжелую, чѣмъ раньше. Ясно: чтобы пережить и ее, чтобы преодолѣть всю и осяческія на своемъ пути препятствія, для него больше, чѣмъ когда-либо, необходимо то **постоянное содѣйствіе сочувствующаго**

О посмертныхъ художественныхъ произведе- ніяхъ Л. Н. Толстого.

„Какъ въ балаганѣ выскакиваетъ наружу паяцъ и предста-
влять разные фокусы для того, чтобы завлечь публику во
внутрь, гдѣ настоящее представлѣніе, такъ и мои художественные
произведенія играютъ такую же роль: они привлекаютъ вниманіе
къ моимъ серьезнымъ вещамъ“¹⁾). Такъ отвѣтилъ Толстой Меч-
никову, когда знаменитый ученый съ восгоргомъ заговорилъ о
его художественныхъ произведеніяхъ.

Этотъ обычный взглядъ на свое художественное творчество, это предпочтеніе „Войнѣ и миру“ „Круга чтенія“ не есть слѣд-
ствіе нерѣдко встрѣчающейся въ исторіи мысли и искусства
странности великихъ мастеровъ питать наиболѣе сильную при-
вязанность къ своимъ наименіемъ сильнымъ вещамъ.

Какъ большинство геніальныхъ людей Толстой глубоко созна-
валъ неизбѣжное роковое несоответствіе между творческимъ
замысломъ и практическимъ осуществленіемъ его. Проникнутый
сокровеннѣйшимъ и настойчивымъ стремленіемъ довести начатое
твореніе до возможнаго совершенства и чувствуя въ силу этого
же стремленія гложущую мучительную неудовлетворенность
полученнымъ результатомъ, онъ въ тоже время былъ совершенно
чуждъ наивной, ложной скромности, недоцѣнивающей достоинствъ
достигнутаго.

Поэтому, сравнивая свои классическія созданія съ фокусами
паяца, Толстой лишній разъ и въ болѣе чѣмъ яркой формѣ
выразилъ свое принципіальное отношеніе къ художественному
воспроизведенію вообще.

Философское или точнѣе аскетическое отрицаніе искусства
возникло у Толстого гораздѣ раньше, чѣмъ это отмѣчено кри-
тикой.

Уже въ „Войнѣ и мирѣ“ искусство подвергается жестокой и
ѣдкой насмѣшкѣ на тѣхъ страницахъ второго тома, гдѣ изобра-
жается оперное представлѣніе, на которое впервые попала Наташа.

Эти характерныя страницы истолковывались въ томъ смыслѣ,
что художникъ хотѣлъ высмѣять и показать слабыя стороны
специально оперного искусства. Такое толкованіе поверхностное
и потому совершенно ошибочное. Вотъ напримѣръ, первыя строки,
рисующія оперное представлѣніе: „На сценѣ были ровныя доски
по срединѣ, съ боковъ стояли крашенныя картины, изображавшія
деревья, позади было протянутое полотно на доскахъ. Въ сере-

¹⁾ „Два года съ Л. Н. Толстымъ“. Записки бывшаго секретаря Л. Н. Тол-
стого. Н. Н. Гусева; стр. 284.

динъ сцены сидѣли дѣвицы въ красныхъ корсажахъ и бѣлыхъ юбкахъ. Одна очень толстая, въ шелковомъ бѣломъ платьѣ сидѣла особо на низкой скамѣчкѣ, къ которой былъ приклѣнъ сзади зеленый кардонъ" и т. д. При самой незначительной вдумчивости въ эту отрицательную характеристику становится сразу яснымъ, что пунктомъ нападенія служать здѣсь не слабыя стороны оперы, а сущность искусства, какъ такового. Сухо разъудочное разрушеніе иллюзіи, развѣнчаніе символовъ—вотъ въ чемъ коренная основа этого описанія. Обстановка, декорация и дѣятели сцены выслушиваются тутъ не въ силу ихъ несовершенства, а просто потому, что вся специческая символика не есть дѣйствительность, а художественное возсозданіе,—игра. Смѣшны нарисованныя на полотнѣ деревья не вслѣдствіе того, что они составляютъ часть специально оперной обстановки, а потому что они нарисованыя, а не дѣйствительныя деревья и смѣшна дѣвица въ бѣломъ платьѣ, не въ силу того, что она скажемъ не драматическая актриса, а потому что она не дѣйствительный субъектъ происшествія, а играетъ ею. Однимъ словомъ, все описание проникнуто суровымъ отрицаніемъ сложнаго художественного возсозданія.

Далѣе, въ характеристицѣ третьаго дѣйствія выпукло выступаетъ рядомъ съ разоблаченіемъ символовъ аскетической моментъ—грѣховность и соблазнъ человѣческаго тѣла. „Въ третьемъ актѣ, читаемъ мы тамъ, былъ на сценѣ представленъ дворецъ, въ которомъ горѣло много свѣчей и повѣшены были картины, изображавшія рыцарей съ бородками. Въ серединѣ стояли, вѣроятно, царь и царица. Царь замахалъ правой рукой и, видимо робѣль, дурно пропѣль что то и сѣль на малиновый тронъ. Дѣвица, бывшая сначала въ бѣломъ, потомъ въ голубомъ, теперь была одѣта въ одной рубашкѣ съ распущенными волосами и стояла около трона. Она о чѣмъ-то горестно пѣла, обращаясь къ царицѣ; но царь строго махнулъ рукой, и съ боковъ вышли мужчины съ голыми ногами и женщины съ голыми ногами, и стали танцевать всѣ вмѣстѣ. Потомъ скрипки заиграли очень тонко и весело, одна изъ дѣвицъ съ голыми толстыми ногами и худыми руками, отдѣлившись отъ другихъ, отошла за кулисы, поправила корсажъ, вышла на середину и стала прыгать и скоро бить одною ногой о другую“. „Всѣ въ партнерѣ захлопали руками и закричали браво. Потомъ одинъ мужчина всталъ въ уголь. Въ оркестрѣ заиграли громче въ цимбалы и трубы, и одинъ этотъ мужчина съ голыми ногами сталъ прыгать очень высоко и семѣнить ногами“. „Потомъ танцевали еще другіе съ голыми ногами и мужчины и женщины“. Какъ видите, голыя ноги, голыя ноги мужчинъ, голыя ноги женщинъ подчеркиваются съ большой силой и истинно толстовской выразительностью. Такъ и чувствуется, что великій авторъ задался опредѣленной, ясной для него цѣлью внушить читателю, что балетное искусство, основанное на гибкости и разнообразныхъ движеніяхъ человѣческаго тѣла есть поэтому самому нѣчто постыдное грѣховное, дѣйствующее растлѣвающимъ образомъ на человѣческую душу.

Во многомъ еще деревенской, неиспорченной городской культурой Наташѣ показалось въ началѣ представлѣнія все происходящее на сценѣ „дико и удивительно“. Но оперная атмосфера дѣлала свое дѣло и молодая дѣвушка все болѣе и болѣе пьяня „уже не находила этого страннымъ“. Она съ удовольствіемъ радостно улыбаясь, смотрѣла вокругъ себя“. И на вопросъ Эленъ, „не правда-ли, что Дюпоръ (танцоръ. Ор.) восхитителенъ?“ отуманенная Наташа отвѣтила: „О да!“

Въ этомъ восторженномъ „о да“ сказалась создавшаяся въ этой „одурманивающей“ обстановкѣ та легкая чувственно-поэтическая воспріимчивость, на которой началь играть свою привычную игру Анатоль Курагинъ, вошедший какъ разъ въ этотъ моментъ въ ложу своей сестры, гдѣ находилась возбужденная Наташа.

Опера, гармонировавшая по мысли художника съ развратной и пошлой графиней Безухой, дѣйствовавшей въ свою очередь на страстную и неопытную душу Наташи, были главными психологическими условіями, обеспечившими роковой успѣхъ столичнаго повѣсъ. А увлеченіе Наташи Анатолемъ вѣдь стоило жизни Андрею Болконскому, одному изъ главныхъ героеvъ безсмертной эпопеи!

Ясно, стало быть, что этотъ моментъ имѣть въ „Войнѣ и мирѣ“ большое, первостепенное значеніе.

Воззрѣніе на искусство какъ на область вызывающую по преимуществу грѣховную чувственность идетъ рядомъ и стоитъ безъ всякаго сомнѣнія въ тѣснѣйшей психологической и логической связи съ развитіемъ общей аскетической идеи, также совершенно опредѣленно выразившейся въ „Войнѣ и мирѣ“.

Однимъ словомъ, принципіальный въ абсолютномъ смыслѣ разрывъ съ искусствомъ принялъ вполнѣ ясныя очертанія уже въ началѣ 70-тыхъ годовъ.

Но подобно тому какъ отцу Сергию трудно было усмирить свою бунтующую плоть, такъ невозможно было Толстому отказаться отъ творческой дѣятельности.

Естественнымъ выходомъ изъ этого тяжелаго для художника душевнаго разлада¹⁾ былъ компромиссъ, сущность котораго выражена въ вышеприведенномъ отвѣтѣ Мечникову.—Художественное воспроизведеніе — „фокусы паяца“, но эти фокусы могутъ сослужить хорошую службу для успешной проповѣди евангельскаго аскетизма.

Въ извѣстныхъ предѣлахъ и для такого геніального художника, какимъ является Толстой, такой взглядъ на искусство не исключалъ возможности художественного воспроизведенія нѣкоторыхъ сторонъ реальной дѣйствительности.

Дѣло въ томъ, что аскетическое ученіе, отвергая всю реальную дѣйствительность какъ таковую, обусловливаетъ собою требованіе радикальной критики и кореннаго отрицанія и такихъ

¹⁾ Этотъ основной истигно-фаустовскій конфликтъ выразился уже въ „Дѣствѣ, Отрочествѣ и Юности“. Зачатки этого конфликта обозначены въ моей книгѣ „Tolstois Weltanschaung und ihre Entwicklung“ (verlag Enke Stuttgart 1902) Подробное развитіе этого конфликта представлено въ статьѣ: „Душевная трагедія Л. Н. Толстого, какъ основа его вѣроученія“, которая появится въ „Современномъ мірѣ“.

элементовъ окружающей жизни, которая въ самомъ дѣлѣ „губели достойны“.

Этой возможностью Толстой пользовался широко.

Повинуясь своему художественному гenю и живому инстинкту протестанта, который, живой инстинктъ, существовалъ въ немъ рядомъ съ аскетическимъ началомъ, великий писатель часто забывалъ поставленные въ качествѣ эпиграфовъ евангельские тексты, то есть основную идею произведенія, увлекаясь стихийно и безсознательно средствомъ.

Этому спасительному и плодотворному забвенію цѣли во имя средства мы обязаны тѣмъ, что цѣлый рядъ явно тенденціозныхъ произведеній имѣютъ высоко художественное значеніе, являясь цѣнными вкладомъ въ всемирную литературу.

Глубоко захватывающее возсозданіе многихъ областей русской дѣйствительности въ „Аннѣ Карениной“ до такой степени заслоняетъ аскетическую основу, что читатель, не посвященный въ тайны мистическихъ и аскетическихъ ученій, рѣшительно не понимаетъ какой смыслъ имѣеть здѣсь грозный эпиграфъ: „Мнѣ отомщеніе, и Азъ воздамъ“.

И хотя въ произведеніяхъ, слѣдовавшихъ за „Анной Карениной“, до „Воскресенія“ включительно, тенденція выступаетъ все ярче и сильнѣе, торжествующимъ все таки оказывается художественное начало.

Но царство Божіе,— эта мистическая бездна, въ которую художникъ все болѣе и болѣе погружался, отрывала его чѣмъ дальше, тѣмъ вѣрнѣе отъ развертывающейся дѣйствительности, лишая его такимъ образомъ новыхъ источниковъ творчества.

Укрѣпляясь все болѣе и болѣе въ своемъ вѣроученіи, онъ считалъ „фокусами паяца“ не только искусство, но и всю современную, жизнь, со всѣми совершающимися въ ней внутренними глубокими процессами и коренными измѣненіями.

Вполнѣ естественно поэтому, что стѣсненная и со всѣхъ сторонъ гонимая музя великаго художника должна была, несмотря на свое энергичное сопротивленіе, сдѣлать серьезныя уступки аскетическому мыслителю.

Эта полная истинаго трагизма борьба и побѣда выразились сильнѣе всего въ посмертныхъ произведеніяхъ, большинство изъ которыхъ написаны въ теченіи послѣдняго десятильтія жизни великаго писателя.

II.

Природа одарила Толстого съ такой безумной щедростью, что нельзя найти среди его сочиненій ни одного, въ которомъ не было бы нѣсколько превосходныхъ истинно толстовскихъ страницъ. Даже въ исключительно проповѣдническихъ его трактатахъ мы находимъ высокохудожественная мѣста, проникнутыя психологической тонкостью, оригинальностью и мѣткостью наблюденій и полныя выразительныхъ образовъ и яркихъ сравненій.

Короче, огромная творческая сила великаго писателя даетъ себя чувствовать въ той или иной степени вездѣ и повсюду и во всѣхъ его сочиненіяхъ.

И это очень хорошо известно современному читателю, знакомому въ достаточной мѣрѣ съ особенностями и приемами толстовского творчества и умѣющему безъ помощи критики увидѣть и оцѣнить положительныя, блестящія стороны.

Имѣя въ виду коснуться здѣсь нѣкоторыхъ чертъ посмертныхъ произведеній нашего автора я не стану поэтомъ подробно восхищаться ярко нарисованнымъ образомъ Степаниды, которую читатель самъ видѣлъ своими собственными глазами каждый разъ, когда она приходила въ лѣсъ, къ оврагу на свиданіе къ Иртеневу; не зачѣмъ также доказывать, что характеристика Алешки Горшка классическая.

Ибо „безответственный“ Алешка Горшокъ, стоить передъ нами съ полной готовностью сбѣгать куда вздумается его послать и сработать двѣ работы, когда ему поручатъ одну. Очень ясны читателю также сила, мастерство и чарующая прелесть ритмического рассказа „Послѣ Бала“, ибо онъ самъ присутствовалъ на балу у губернского предводителя, самъ собственными своими ушами слышалъ вызывающіе, веселые звуки мазурки, слѣдя съ бальнымъ удовольствиемъ за легкими, граціозными движеніями восемнадцатилѣтней красавицы, танцовавшей съ любящимъ ее, еще молодцоватымъ отцомъ воинскимъ начальникомъ. А потомъ... потомъ „послѣ бала“ онъ читатель отправился сопровождать опьяненного любовью героя разсказа, очутившись вмѣстѣ съ нимъ на томъ полѣ, гдѣ происходили подъ командой того же воинского начальника истязаніе шпицрутенами солдата татарина за побѣгъ. Истязаемый татаринъ тоже совершалъ движенія и тоже подъ музыку. Но эти движенія, направлѣніе которыхъ зависило отъ направлѣнія ударовъ шпицрутенами по тѣлу жертвы были иные, не такія веселыя, какъ па мазурки, да и музыка была не та. „Это была какая то другая, жесткая, не хорошая музыка“. Короче, замѣчательныя, классическія страницы и отдѣльные вещи изъ интересующихъ настѣн посмертныхъ трехъ томовъ нисколько не нуждаются въ поясненіяхъ критики.

Кромѣ того когда дѣло идетъ о цѣломъ рядѣ произведеній бессмертнаго автора „Войны и мира“ приходится сдѣлать серьезныя усиленія воображенія и извлечь оттуда иной маштабъ, маштабъ пригодный для оцѣнки произведенія Толстого, а не Леонида Андреева или Федора Сологуба. Ибо то, что можетъ сдѣлать честь и славу этимъ писателямъ можетъ оказаться и несомнѣнно окажется весьма и весьма незначительнымъ рядомъ не только съ „Войной и миромъ“ и „Анной Карениной“, но и съ „Воскресеніемъ“ и „Властью Тьмы“.

Какимъ мастерствомъ не отличалась бы характеристика „Алешки Горшка“ для громаднаго Толстого это все таки небольшая вещь,—это мелочь генія.

Тоже самое относится и къ „Послѣ Бала“ и къ отдѣльнымъ образамъ, на которые указывала критика въ лицѣ ея наиболѣе вліятельныхъ представителей.

Исходя изъ только что изложенныхъ соображеній мнѣ представляется наиболѣе важнымъ критическое разсмотрѣніе идейной сущности данныхъ произведеній и обусловленное этой сущностью художественное и психологическое содержаніе.

* *

Согласно общему міровоззр'ю и мысли художника главными произведениями являются: „Дьяволъ“, „Отецъ Сергій“, „Фальшивый Купонъ“, „Послѣ Бала“, „Алешка Горшекъ“, „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“, а отчасти, Живой Трупъ“.

Остановимся съ указанной точки зрења, прежде всего на этихъ произведенияхъ.

Подобно „Аннѣ Карениной“, а впослѣдствіи „Крейцеровой Сонатѣ“, разсказъ „Дьяволъ“ посвященъ проблемѣ семьи, или, если угодно проблемѣ пола.

Герой рассказа молодой образованный помѣщикъ Евгений Иртеневъ, рѣшивъ жениться, начинаетъ присматриваться съ этой цѣлью къ барышнямъ, соотвѣтствующимъ его требованіямъ и его положенію. Выборъ палъ на дочь сосѣдней помѣщицы Лизу Анненскую и вотъ по какимъ соображеніямъ: „Почему Евгений выбралъ Лизу Анненскую нельзя объяснить, какъ нельзя никогда объяснить, почему мужчина выбираетъ ту, а не другую женщину. Причинѣ было пропасть и положительныхъ и отрицательныхъ. Причиной было и то, что она не была очень богатая невѣста какихъ сватала ему мать и то, что она была наивна и жалка въ отношеніяхъ къ своей матери, и то, что она не была красавица, обращающая на себя вниманіе, и не была дурна. Главное же было то, что сближеніе съ нею началось въ такой періодъ, когда Евгений былъ зрељъ къ женитьбѣ: Онъ влюбился потому что зналъ, что женится“. А Лиза, какъ и почему избрала она Иртенева? Вотъ мотивы и исторія ея любви: „Еще съ института, съ пятнадцати лѣтъ Лиза постоянно влюблялась во всѣхъ привлекательныхъ мужчинъ и была оживлена и счастлива только тогда, когда была влюблена. Вышедши изъ института, она точно также влюблялась во всѣхъ молодыхъ мужчинъ, которыхъ встрѣчала, и разумѣется влюбилась въ Евгения, какъ только узнала его. Эта-то ея влюбленность и давала ея глазамъ то особенное выраженіе, которое такъ плѣнило Евгения. Въ эту же зиму въ одно и то-же время она уже была влюблена въ двухъ молодыхъ людей и краснѣла и волновалась не только когда они входили въ комнату, но когда произносили ихъ имя. Но потомъ, когда ея мать намекнула ей, что Иртеневъ, кажется имѣть серьезные виды, влюбленье ея въ Иртенева усилилось такъ, что она стала почти равнодушной къ двумъ прежнимъ. Но когда онъ сталъ бывать у нихъ на балу, собраніи, танцевать, съ ней больше, чѣмъ съ другими и, очевидно, желалъ узнать только любить ли она его, тогда влюбленье ея въ Иртенева сдѣлалось чѣмъ то болѣзnenнымъ; она видѣла его во снѣ и на яву въ темной комнатѣ“.

Эти выдержки раскрываютъ съ полной ясностью всю психологическую основу союза Иртенева съ Лизой. Избравъ ее по моральному расчету Иртеневъ почувствовалъ къ ней привязанность тогда, когда рѣшилъ, что она избрана, что она, Лиза будетъ его женой, а не другая, чужая женщина. А Лиза въ свою очередь влюбилась въ него, какъ говорится безъ памяти, когда стало выясняться, что онъ дѣйствительно удостоить ее быть ея мужемъ. Съ пятнадцати лѣтъ она влюблялась во всѣхъ болѣе или менѣе подходящихъ молодыхъ людей, влюблялась, потому,

что каждый изъ нихъ могъ быть властелиномъ ея жизни и придать смыслъ и значеніе этой послѣдней.

Довольно таки безстрастное существо Лиза влюблена сразу въ двухъ, ибо неизвѣстно—кто же изъ нихъ сдѣлаетъ предложеніе, кто скажетъ столь тревожно ожидаемое слово. Но это слово было сказано третьимъ и этотъ третій сталъ въ ея глазахъ первымъ и единственнымъ человѣкомъ на всемъ свѣтѣ. Бѣдная, скучная Лиза!

Совмѣстная жизнь молодыхъ Иртеневыхъ приняла съ самаго начала характеръ обыденной семейной жизни, похожей, говоря словами Протасова, на квасъ безъ изюменъки. Лиза занималась домашнимъ хозяйствомъ и повидимому очень усердно, чувствуя себя на вершинѣ счастья особенно въ тѣ мгновенія, когда ея обожаемый властитель дарилъ ей любовнымъ взглядомъ. А Иртеневъ управлялъ своимъ имѣніемъ, стараясь поставить его на ноги и увеличить доходы; словомъ Лиза нашла свое истинное назначение женщины, а Иртеневъ рѣшилъ одинъ изъ вопросовъ жизни. Все шло прекрасно. Но увы! вдругъ всталъ передъ Иртеневымъ грѣхъ прошлаго въ видѣ страшнаго дьявола. Случайная встрѣча съ бывшей любовницей Степанидой возбудили въ немъ непреодолимую къ ней, чертовскую страсть. Иртеневъ бѣжитъ отъ „дьявола“, стараясь всѣми силами подавить неистовое влеченіе къ Степанидѣ, но напрасны усилия и тщетна неравная борьба! Дьяволъ страсти оказался могущественнѣе и молодой, здоровый, обеспеченный и съ точки зреія Толстого вполнѣ счастливый мужъ беззаконно преданной жены и матери его ребенка кончаетъ самоубийствомъ.

Вотъ содержаніе „Дьявола“. Въ чемъ же тутъ дѣло? Какая идея положена въ основаніи этой семейной драмы? и какие выводы вытекаютъ изъ нея?

Идейная сущность этого произведенія состоить въ отрицаніи половой любви, какъ источника наслажденія. Половая страсть или какъ обычно выражается Толстой, похоть плоти, волненія, радости, поэтическія настроенія и страданія, имѣющія своимъ кореннымъ началомъ половое влеченіе, служать могутъ препятствіемъ на пути къ нравственному усовершенствованію и потому самому противны волѣ Божьей, выраженной въ заповѣдяхъ Евангелія. Единственно терпимой и допустимой формой союза мужчины съ женщиной является семья, возникающая не подъ вліяніемъ романической любви, а на почвѣ чувства и сознанія необходимости совмѣстной жизни.

Чувствуя себя частью мужчины, женщина неспокойна, она не живеть, не ощущаетъ своего собственного существа пока не находить своего цѣлага. А мужчина связываетъ въ свою очередь свою судьбу съ женщиной именно, потому что она его часть, дополненіе къ нему.

Такими были по существу мотивы брака Иртеневыхъ, которые, плодясь и размножаясь, дожили бы въ полномъ, невозмутимомъ спокойствіи и благополучіи до золотой свадьбы, еслибы Иртеневъ не связался бы раньше съ дьяволомъ и не зналъ бы удовлетворенія страсти какъ таковой.

Такъ просто, элементарно и архиконсервативно разрѣшается сложная и все болѣе и болѣе усложняющаяся проблема семьи и пола въ „Дьяволѣ“.

Въ полной зависимости оть идейной сущности находится и психологическое содержаніе этого произведенія. Нѣть въ „Дьяволѣ“ той богатой, тонкой, толстовской психологіи, которой отличается изображеніе подобныхъ положеній и психологическихъ переживаній въ прежнихъ произведеніяхъ геніального художника.

Даже самая яркая фигура разсказа Степанида и она выступаетъ скорѣе своей эффектной, задѣвающей, страстной наружностью, нежели своимъ внутреннимъ міромъ. Она стоитъ и движется передъ нами въ своей неизмѣнной красной паневѣ (Толстой всегда мастерски одѣваетъ своихъ героинь, выдѣляя при помощи костюма ихъ характерные черты), какъ яркій образъ, но не какъ живой человѣкъ, способный думать, чувствовать любить и страдать. Мы ее видѣли много разъ, а знаемъ о ней только то, что она легко и страстно вступаетъ въ интимную связь съ мужчиной.

Авторъ замѣчаетъ мимоходомъ, что она очень умна и проницательна, но мы въ теченіи всего разсказа слышали оть нея одну, единственную фразу и та характеризуетъ не ея умъ, и проницательность а чувственную вольность. Отчего же это? Въ чёмъ причина скучности психологического содержанія? Причина въ томъ, что какъ человѣкъ Степанида не интересуетъ художника. Она соблазнительница, посланная въ міръ для соблазна, она дьяволъ, который существуетъ для преодолѣнія. Художественное изображеніе дѣйствующихъ личностей занимаютъ аскета мыслителя ровно постольку, поскольку ему необходимо обосновать стоящія въ качествѣ эпиграфа слѣдующіе стихи изъ Евангелія: „А я говорю вамъ, что всякий, кто смотритъ на женщину съ вождѣлѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“. „Если же правый глазъ твой соблазняетъ тебя, вырви его и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геену“ „И если правая твоя рука соблазняетъ тебя, отсѣкъ ее и брось отъ себя, ибо лучше для тебя, чтобы погибъ одинъ изъ членовъ твоихъ, а не все тѣло твое было ввержено въ геену“.

Этимъ евангельскимъ абсолютизмомъ и аскетическимъ мрачнымъ презрѣніемъ къ человѣческой природѣ объясняется также схематичность обрисовки внутренней драмы Иртенева.

Душевные конфликты этого рода чрезвычайно богаты тонкой психологіей, художественное изображеніе которой знакомитъ насъ съ интимными сторонами переживаній человѣка. И не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что несравненный знатокъ человѣческой души, авторъ „Дѣтства, Отрочества и Юности“, „Казаковъ“, „Войны и мира“ и т. д. раскрылъ бы при развитіи данного конфликта новая психологическая черты и оттѣнки, еслибы Евангеліе не брало верхъ надъ художественными стремленіями.

Но для Толстого аскетического мыслителя, сжившагося съ дуалистической доктриной, привыкшаго противопоставлять тѣло душѣ или дьявола Богу, упростилась и слилась вся сложность и все безконечное многообразіе человѣческой психики, принялъ суб-

станціальна, застывшія форми. Поселился въ Иртенева дьяволъ и тушевалась вся тонкая, причудливая діалектика чувствъ и ощущеній, свойственная борьбѣ страсти съ долгомъ. Ибо какъ гласить одиа изъ неподвижныхъ тезисовъ Евангелія: „Да, да, нѣтъ, нѣтъ, а что сверхъ того, то отъ лукаваго“. „Вѣдь она (Степанида. Ор.) чортъ, прямо чортъ. Вѣдь она противъ воли завладѣла мною“ говорить Иртеневъ, повторяя эту жалобу въ разныхъ выраженіяхъ нѣсколько разъ. И это въ самомъ дѣлѣ такъ. Поэтому что во всемъ конфліктѣ дѣйствуетъ ве Иртеневъ, а водворившійся въ видѣ самостоятельной, внѣшней силы, чортъ, который водить, путаетъ и въ концѣ ковцовъ губить его.

Поставьте, читатель Иртенева въ роскошную галлерею толстовскихъ типовъ и вы увидите сразу, что среди прекрасно и давно намъ знакомыхъ людей онъ кажется тусклой фигурой, ускользающей отъ нашего воображенія. Яснѣе всѣхъ героеvъ „Дьявола“—Лиза. Но что сложнаго въ этой рожденной женѣ, созданной изъ ребра Адама и стремящейся раствориться въ своемъ цѣломъ?

Два, три штриха опытной, чудотворной руки геніального мастера и портретъ готовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Ортодоксъ.

Принципы и предразсудки.

(Къ вопросу о борьбѣ за свободу коалицій).

Лозунгъ того могущественнаго массового движенія, которое рождено ленскимъ разстрѣломъ — свобода коалицій. Глубокій классовой и — въ своихъ послѣдствіяхъ — всеобъемлющій характеръ этого лозунга долженъ теперь раскрыться даже слѣпымъ.

Съ точки зреія демократическихъ идеологовъ свобода коалицій есть лишь частный, притомъ „само собою разумѣющійся“ выводъ изъ общихъ принциповъ политической демократіи. Для капиталистического либерализма свобода коалицій — „неизбѣжное зло“, которое нужно тѣмъ рѣшительнѣе ограничить и урѣзать, чѣмъ непримиримѣе становится классовая борьба. Совсѣмъ иначе стоитъ этотъ вопросъ для пролетариата. Свобода коалицій для него — основной, первый по времени и по значенію политической выводъ, который рабочій классъ дѣлаетъ изъ практики своего собственного движенія. Уже изъ первыхъ элементарнѣйшихъ потребностей коллективной самообороны и коллективнаго наступленія на капиталъ вытекаетъ для пролетариата необходимость свободы собраній, союзовъ и стачекъ. Требованія всеобщаго избирательнаго права, народнаго верховенства, милиціи, выборности судей и т. д. лишь въ той мѣрѣ становятся прочнымъ, неискоренимымъ достояніемъ пролетарскаго сознанія, въ какой они путемъ опыта вытекаютъ изъ потребностей классового общенія, классового сплоченія, классовой борьбы.

Растворять свободу коалицій въ программѣ политической демократіи, кафъ „сама собою разумѣющуся“ часть, могутъ лишь мелко-

буржуазные демократы-идеалисты да еще тѣ вѣсма сомнительные „марксисты“, которые просто цереняли отъ буржуазныхъ якобинцевъ республиканскую программу, но не пропитали ее соціальнымъ содер-жаніемъ классовой борьбы. Не свобода коалицій вытекаетъ для проле-тариата, какъ логической выводъ, изъ демократической программы, а наоборотъ: демократическая программа вытекаетъ для него изъ необ-ходимости свободы коалицій. Соціалдемократія борется за демократію въ интересахъ свободы классовой борьбы, т. е. прежде всего въ инте-ресахъ свободы союзовъ, собраній и стачекъ. Каждую государственную форму, въ томъ числѣ и полную демократію, мы оцѣниваемъ прежде всего въ зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ она гарантируетъ ра-бочимъ свободу ихъ классового движенія. Такимъ образомъ свобода коалицій для насъ не частный пунктъ демократической программы, а верховный классовой критерій надъ всей программой политической дѣ-мократіи.

По отношенію къ лозунгу — свободѣ коалицій — петиціонная форма борьбы имѣеть, разумѣется, подчиненное значеніе: это одна изъ воз-можныхъ формъ мобилизациіи пролетаріата, принципіально столь же пригодная, какъ и другія. Борьба нѣкоторыхъ группъ съ петиціей, шла одновременно по двумъ линіямъ: оспаривая ея лозунгъ, какъ „ча-стичный“, отвергалась ея форма, какъ недостойная пролетаріата.

Полемика противъ петиціонной кампаниіи — въ высшей степени безпринципная и внутренне-противорѣчива, какъ мы увидимъ ниже — внесла, однако, не мало смуты въ головы читателей и раздробила кампанию, тѣмъ самымъ ослабивъ ее. Сейчасъ, когда борьба за свободу коалицій обѣщаетъ принять совершенно иные размѣры, необходимо подвести итоги петиціонно-коалиціонной полемики и попытаться смысти съ дороги классового движенія хламъ старыхъ предразсудковъ.

I.

Съ самаго начала группа Ленина стала на точку зреінія, чисто-словеснаго радикализма: петиція нехороша тѣмъ, что она петиція. Зарубежная „Рабочая Газета“ этой группы рассказывала иронически о новомъ «планѣ „борьбы“:—обратиться къ Гос. Думѣ съ петиціей (т. е. съ ходатайствомъ, просьбой, прошеніемъ)» (№ 4—5, курс. нашъ). Это критика, какъ видимъ, имѣла чисто филологическій характеръ: въ латинскомъ словарѣ значится, что слово петиція озна-чаетъ ходатайство, а для крѣпости можно даже перевести и такъ: „слезница“, — и тогда станетъ ясно, что для рабочихъ это дѣло совсѣмъ неподходящее. Эта была первая, отправной доводъ — изъ глубинъ ла-тинского словаря.

Съ полнымъ одобреніемъ приводили тогда противники петиціі слѣдующія слова: „Русскій рабочій настолько выросъ изъ пеленокъ и такъ привыкъ къ организованнымъ выступленіямъ, что времена пети-цій должны быть уже только достояніемъ исторії“. Не писать петицій, т. е. ходатайства и слезницы, долженъ рабочій классъ, а — „бороться“. Эта незамысловатая мысль варьировалась на тысячу ладовъ. Свидѣтель-ствую о серьезному классическому образованіи, она не свидѣтельство-вала, однако, о большемъ политическомъ смыслѣ.

„Правда, — пишетъ по этому поводу Адольфъ Браунъ въ отвѣтъ на предпринятую нами анкету, — для специалистовъ язы-ковѣдѣнія, къ числу которыхъ, однако, рабочіе — по крайней

мѣрѣ у насъ—принадлежатъ лишь въ самомъ ничтожномъ количествѣ, въ словѣ „петиція“ заключается непріятный привкусъ ходатайства. Но каждый изъ насъ знаетъ, что понятія мѣняются, хотя слова и произносятся по прежнему”.

Ясно, что этотъ словесный доводъ противъ петиціи заранѣе отвергаетъ не данную только петицію, а всякую петицію вообще. И тѣмъ самымъ осуждаетъ почти всю международную соціалдемократію, неоднократно прибѣгавшую къ петиціонной формѣ мобилизаціи пролетаріата.

II.

Чувствуя, однако, рискованность такой огульной расправы—по латинскому словарю—съ международной соціалдемократіей, принципіальныe противники петиціи пытались опорочить не только имя, но и самыe текстъ обращенія къ Думѣ: „они пишутъ свою петицію такъ,—говорить Г. Зиновьевъ,—специалисты противъ „петицій“ и „коалицій“—что заурядный рабочій неизбѣжно понимаетъ ее, какъ члобитную, какъ ходатайство*)“. И тутъ же въ подтвержденіе этой опѣнки слѣдуетъ ссылка на „меньшевика Н—ва“. Мнѣнію „меньшевика Н—ва“ можно, однако, противопоставить кое-какія другія мнѣнія: мы дословно перевели текстъ петиціи на вѣмецкій языкъ и предложили нѣкоторымъ виднымъ представителямъ интернаціонала высказать объ этомъ документѣ свое мнѣніе. И вотъ какіе мы получили отвѣты.

„Текстъ петиціи—пишетъ Каутскій—отнюдь не составленъ въ тонѣ покорнаго просителя; онъ содержитъ не просьбу, а требованіе“. „Форма предложенной петиціи—пишетъ непримиримый революціонеръ Карлъ Либкнехтъ—прямо противоположна униженному ходатайству (ist das Gegenteil von erniedrigend)“. „Я нахожу тонъ этой „петиціи“—пишетъ цитированный нами Адольфъ Браунъ, марксистъ, богатый опытомъ германской и австрійской соціалдемократіи,—образцовымъ, серьезнымъ и достойнымъ. Никого содержаніе данной петиціи не можетъ навести на филологической смыслъ этого слова. Сильная и энергичная, говорящая языкомъ фактовъ, эта петиція, дающая выраженіе требованію рабочихъ, представляетъ собою отрадный документъ духовной жизни рабочаго класса“.

Ни одинъ изъ опрошенныхъ нами европейскихъ товарищѣй, политической компетентности и революціоннаго чутыя которыхъ никто, надѣемся, не дерзнетъ оспаривать, не открылъ въ текстѣ петиціи ничего, что было бы несомнѣнно съ достоинствомъ рабочаго класса.

Болѣе того. На вопросъ: не слѣдовало ли въ петицію съ самаго начала включить надлежащую опѣнку думскаго большинства, Каутскій отвѣчаетъ: „Петиція не кажется мнѣ подлежащимъ мѣстомъ для обзора партійныхъ отношеній“.

Чѣмъ же объяснить такое поразительное несовпаденіе опѣнокъ? „Члобитная“ и „слезница“,—говоритъ намъ Зиновьевъ. Нѣтъ, тре-

*) „Вопросы тактики“, 1912, стр. 40. Нѣсколько словъ обѣ этой брошюрѣ. Читать ее—одна мука. Это образцовое произведеніе молодого, но не подающаго надеждъ кружкового службиста. На протяженіи 60 страничекъ—какаято военно-писарская раздѣлка въ громбомъ, бездарно-бранчивомъ тонѣ—и все это безъ основной мысли, безъ ладу, безъ складу. Только въ герметически-закупоренномъ пространствѣ кружка, гдѣ привыкли не уважать читателя и не считаться съ нимъ, возможно еще такое сочинительство.

бованіе,—говорить Каутскій. Нѣть, прямая противоположность челобитной,—говорить Карль Либкнехтъ. Нѣть, образцовый, достойный и серьезный документъ,—говорить Адольфъ Браунъ.

Растерявшійся Зиновьевъ не знаетъ въ отвѣтъ ничего, кроме инсинуаціи: онъ заявляетъ, что текстъ петиціи мы сообщили европейскимъ товарищамъ „въ нѣсколько исправленномъ и улучшенномъ видѣ, напр., съ умолчаніемъ обѣ обращеній къ З-ї Думѣ со словами „господа народные представители“ (стр. 54). Разумѣется, это неправда съ начала до конца. Петицію мы сообщили въ томъ видѣ, въ какомъ она была намъ прислана (оригиналь хранится у наст.) и въ какомъ она была напечатана въ № 3 „Дѣла Жизни“, не прибавляя и не убавляя, конечно, ни одного слова. Противно нагибаться до такого рода обвиненій. Въ нѣмецкой партіи для такихъ окказій существуетъ Presskommission и другія партійныя учрежденія,—тамъ балующему первомъ „містостивому государю“, который мимоходомъ позволилъ бы себѣ облыжно обвинить противника въ „исправленіи“ „улучшеніи“ (т. е. въ фальсификаціи!) цитируемаго документа, очень внушительно и разъ на всегда объяснили бы, что рабочая пресса требуетъ прежде всего честнаго обращенія со словомъ.

III.

Петиція есть форма политического заявленія, выработанная практикой парламентаризма. Революціонное ли это орудіе или консервативное—это зависитъ не отъ названія, не отъ формы, а единствено отъ того, какой классъ этимъ орудіемъ пользуется и во имя какихъ цѣлей. Тоже самое приходится сказать относительно парламентизма въ цѣломъ. Формы, пріемы, обрядности и терминологію парламентаризма буржуазный либерализмъ выработалъ въ интересахъ буржуазіи. Соціалдемократія используетъ ихъ въ интересахъ пролетаріата. Право законодательной инициативы, право запросовъ, бюджетное право,—во всѣ эти формы буржуазного парламентаризма соціалдемократія вносить своей работой классовое пролетарское содержаніе. Но если право законодательной инициативы, право запросовъ и бюджетное право, осуществляя небольшой соціалдемократической фракціей въ стѣнахъ парламента, стали орудіемъ въ классовой борьбѣ пролетаріата,—то почему же не можетъ имъ стать право петиціи, приводящее въ движение самыя массы? И притомъ у насъ въ Россіи—въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ на Западѣ, ибо право петицій теряетъ свое значеніе именно въ той мѣрѣ, въ какой развивается въ странѣ общественно-политическая жизнь.

Георгъ Ледебуръ, одинъ изъ парламентскихъ представителей крайняго лѣваго крыла германской соціалдемократіи, слѣдующимъ образомъ говоритъ о примѣненіи разныхъ парламентскихъ формъ:

„Мы пользуемся въ парламентѣ различными формами заявленія нашихъ требованій и нуждъ: внесеніемъ законопроектовъ, поправокъ къ чужимъ законопроектамъ, внесеніемъ запросовъ, резолюцій (мотивированныхъ переходовъ къ очереднымъ дѣламъ),—почему же намъ отказываться отъ петиціонной формы, которая позволяетъ намъ въ порядокъ парламентскихъ работъ внести вопросъ, поставленный на очередь въ парламента? Если мы чего-нибудь достигнемъ при этомъ практическіи,—прекрасно! А нѣть,—агитационный результатъ во всякомъ случаѣ на нашей сторонѣ“.

Карлъ Либкнехтъ, тоже одинъ изъ крайнихъ лѣвыхъ въ партії, пишетъ:

„Внесеніе законопроекта или запроса по поводу права коалицій врядъ ли натолкнется въ русской партії на сопротивленіе или сомнѣніе; мы въ Германіи и Пруссіи примѣняли эти средства во всякомъ случаѣ безъ опаски и съ наилучшимъ успѣхомъ,—съ успѣхомъ прежде всего, разумѣется, агитационнымъ, который, однако, является рычагомъ всячаго другого успѣха... И поистинѣ нѣтъ никакой разницы въ томъ, черезъ какую дверь войдетъ такого рода агитационная дискуссія. Суть дѣла въ агитационномъ воздействиѣ на массы. И почему такого рода дѣйствіе должно быть отвергнуто только потому, что оно вызывается къ жизни самой массой, посредствомъ внѣпарламентскихъ силъ, этого мнѣниа ни за что въ свѣтѣ не понять“.

Но зато Зиновьевъ это отлично понимаетъ.

„Внести соціалдемократическій законопроектъ о свободѣ стачекъ—такъ пишетъ онъ—это у насъ въ Россіи возможно, это значитъ серьезно, а не на бумагѣ, использовать зѣю думской парламентаризмъ“.

Что значитъ „серьезно, а не на бумагѣ“? Почему Зиновьевъ думаетъ, что нельзя быть серьезнымъ — „на бумагѣ“? И на чёмъ пишутся законопроекты, по мнѣнію Зиновьева: ужели вилами на водѣ? И почему законопроектъ не долженъ быть, подобно петиції отброшенъ, „какъ средство легальной во что бы то ни стало борьбы“? За что такое послабленіе? Вѣдь какъ-никакъ предусмотрѣнное положеніемъ о Гос. Думѣ внесеніе законопроекта куда „легальнѣе“, чѣмъ запрещенная тѣмъ же положеніемъ подача петицій? И почему внесеніе законопроекта не можетъ быть истолковано, какъ нечестивое проявленіе борьбы за „частичное право“? Вѣдь такой законопроектъ ужъ во всякомъ случаѣ не приводить всей нашей программы, ни даже ея минимальной части, ни даже всего вопроса о свободѣ коалицій—вѣдь онъ, этотъ законопроектъ, беретъ только одинъ единственный вопросъ—о свободѣ стачекъ, рѣзко и безъ колебаній, точно бритвой, отрѣзаетъ его отъ всѣхъ другихъ вопросовъ и формулируетъ въ положительныхъ терминахъ закона. Чего же смотрять шаманы отъ нашего истинно-кальмыцкаго лже-марксизма? Или, можетъ, Зиновьевъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что при обсужденіи законопроекта будутъ произнесены рѣчи, которая приведутъ вопросъ о свободѣ стачекъ въ связь со всѣми другими вопросами? Но почему же нельзя такихъ рѣчей произнести при оглашеніи петицій съ думской трибуны? Почему? Въ чёмъ тутъ разница? Чего вы путаете, зачѣмъ вертитесь, зачѣмъ виляете? Зачѣмъ вносите смуту и хаосъ, въ головы читателя вмѣсто того, чтобы засѣсть за книжки и внести немножко ясности въ собственную голову? И когда, наконецъ, мы освободимся отъ этой проклятой азіатчины, которая даетъ возможность каждому—именемъ партії!—фотографически запечатливать всю ту самобытную чепуху, которая замѣняетъ ему образъ мыслей?

IV.

„Мы оспаривали,—заявляетъ неожиданно Зиновьевъ въ послѣднемъ своемъ „сочиненіи“,—не петицію вообще и вовсе не петиціонный способъ воздействиѣ, какъ таковой, независимо отъ условій мѣста и времени“.

Но вѣдь не такъ давно намъ говорили, что петиція по самому смыслу своему есть „ходатайство“, что петиція есть „бумажка“. Значить отъ латинскаго словаря мы теперь отказываемся? Прекрасно, хотя и слѣдовало бы это дѣлать съ менѣе побѣдоноснымъ видомъ. Но Богъ съ нимъ, съ видомъ: ясно, во всякомъ случаѣ, что петиція вообще допускается. Резолюція конференціи ленинцевъ прямо говорить: „при извѣстныхъ условіяхъ массовая рабочая петиція можетъ быть весьма пригодной формой протеста“... Однако при какихъ же это условіяхъ? Вѣдь изъ „Раб. Газеты“ мы уже знаемъ, что „руssкій рабочій настолько выросъ изъ пеленокъ...“, что времена петиціи должны быть уже только достояніемъ истории“.. Не приходится ли заключить, что петиція крайне пригодна была для прошлыхъ эпохъ, когда пролетаріатъ былъ „въ пеленкахъ“,—скажемъ, для эпохи Александра III—и совершенно не можетъ быть пригодна для будущаго?

Въ той же брошюре Зиновьевъ слегка помогаетъ намъ разобраться въ этихъ затрудненіяхъ. Подвигнутый петиціонной полемикой на ознакомленіе съ исторіей чартизма, онъ разсказываетъ намъ, что первой петиціей чартистовъ, поданной въ 1838 г., предшествовало 5000 митинговъ и собраній. Джонсъ произносилъ рѣчи, которыхъ „нельзя безъ живѣйшаго волненія читать и теперь“. Мало того: на собранія, происходившія „часто ночью, при свѣтѣ факеловъ“, тысячи людей являлись вооруженными. „За такое „петиціонное“ движеніе—заканчиваетъ Зиновьевъ—революціонные соціалдемократы въ Россіи стоять безусловно“. Хотя и эта формулировка не очень ясна, — ибо трудно понять, стоитъ ли Зиновьевъ за митинги, за факелы или за петицію,—но при нѣкоторомъ снисхожденіи можно все же мыслъ его истолковать такъ, что онъ готовъ признать петицію лишь въ томъ случаѣ, если она опирается на митинги и по возможности освѣщается факелами. Но вѣдь тогда уже окончательно становится яснымъ, что тотъ, кто годъ тому назадъ увѣрялъ, будто русскій пролетаріатъ переросъ петиціи—на дѣлѣ лишь льстиль пролетаріату, убаюкивалъ его классовую совѣсть.

И если петиція не собрала ни миллиона подписей, ни сотни тысячъ, хотя и гораздо болѣе, чѣмъ 1295 подписей,—на эту цифру съ недостойнымъ злорадствомъ разъ десять указываетъ Зиновьевъ,—такъ это не потому, что текстъ былъ плохъ, и не потому, что петиція по-латински значитъ ходатайство, и не потому, что петиція пишется на „бумажкѣ“, а не на дамасскомъ клинкѣ и даже не потому, что инициаторы петиціи вышли на улицы безъ факеловъ, а потому что пролетаріатъ и въ прошломъ году только еле-еле выходилъ изъ дремоты контроль-революціонной эпохи. И это общее состояніе пролетаріата одинаково отражалось на всѣхъ его выступленіяхъ, въ томъ числѣ и на первомайскомъ празднованіи. Разумѣется, можно спорить, цѣлесообразно ли было уже на данной стадіи пробужденія рабочихъ массъ прибѣгать къ петиціонной формѣ ихъ мобилизациі, не цѣлесообразно ли было бы выжидать, пока экономическое оживленіе и порождаемая имъ стачечная борьба еще болѣе раскачаетъ массы, заставить ихъ ярче и непосредственнѣе почувствовать необходимость свободы коалицій, и ужъ тогда объединить движеніе подъ знаменемъ „коалиціонной“ петиціи,—но это вопросъ практическаго учета, который встаетъ при каждой попыткѣ политического дѣйствія. На данномъ предпріятіи начать стачку можетъ быть выгоднѣе въ августѣ, чѣмъ въ январѣ; въ январѣ стачечный призывъ можетъ вообще не найти отклика,

но поднимать по этому поводу вопросъ о пригодности стачки, какъ средства борьбы, значитъ обнаружить свою полную непригодность—въ августѣ, какъ и въ январѣ.

Зиновьевъ нынче за чартистскую петицію—съ митингами и пр. Прекрасно. Но вѣдь какразъ около времени начала петиціонной кампаниі въ Петербургѣ произошло нѣсколько митинговъ протеста противъ преслѣдованія рабочихъ организацій, причемъ самъ Зиновьевъ неоднократно возвращается къ этимъ митингамъ какъ къ проявленіямъ истинной массовой политики. Положимъ, что митинги эти собрали всего 10 тысячъ рабочихъ, такъ что общая пассивность массъ въ полной мѣрѣ сказалась и на нихъ. Но все равно. Митинги были—и потому же самому вопросу—борьбы за свободу коалицій. И казалось бы, Зиновьевъ долженъ былъ всецѣло стоять за то, чтобы митинги эти—какъ у чартистовъ—выразили свое требование въ формѣ петиціи и такимъ путемъ изъ эпизодическихъ явленій превратились въ составные моменты общаго натиска рабочихъ на режимъ 3-го іюня. Аинъ, не тутъ то было. Вмѣсто того, Зиновьевъ съ упоеніемъ сообщаетъ, будто митинги проходили „прямо въ противовѣсъ петиціонной кампаниі“ (*). Теперь окончательно приходится предположить, что Зиновьеву, какъ романтику по натуру, не хватало для принятія петиціи только факеловъ.

V.

Ясно: петиція не ходатайство, а требование. Но могутъ ли рабочіе обращаться хотя бы и съ требованіями къ людямъ 3-го іюня, къ нынѣшней Думѣ или къ правительству, создавшему эту Думу? „Не проекты и требованія должны посыпать рабочіе въ настоящее время въ Думу,—такъ пишетъ, напримѣръ „Кр. Зн.“, органъ польской соціалдемократіи,—но единственно протести.., дающіе соціалдемократической фракціи матеріалъ для объявленія съ думской трибуны рабочихъ требованій,—т.-е, дающіе возможность использовать Думу... какъ агитационную трибуну“ (**)) и пр. Выходитъ такъ: рабочія массы не могутъ обращаться къ Думѣ съ требованіями, а только съ протестами; но соціалдемократическая фракція изъ этихъ протестовъ, какъ изъ „матеріала“, можетъ лѣпить рабочія требованія. Здѣсь устанавливается какое-то принципіальное качественное различе между борьбой соціалдемократического пролетаріата и его думской фракціей. Одно изъ двухъ: если предъявленіе требованій допустимо для соціалдемократіи съ думской трибуны, то оно допустимо и изъ-за думской ограды. Если же рабочая масса можетъ только протестовать и неготовать по поводу произвола властей, то и думская фракція не имѣть права формулировать пролетарскія требованія передъ лицомъ представителей всероссійского произвола. Нельзя устанавливать принципіальной двойственности въ работѣ партіи: нельзя смотрѣть на массу, какъ на поставщцу сырого матеріала или политического полуфабриката, изъ кото-раго парламентскіе „вожди“ чеканятъ политическая требованія. Но

*) „Вопросы тактики“, стр. 8, примѣч.

**) Другая с.-д. организація въ Царствѣ Польскомъ Р. Р. С.—„лѣвица“, стоять въ вопросѣ о петиціонной кампаниі въ общемъ и цѣломъ на той же точкѣ зрянія, какую мы здѣсь развиваемъ. Петиціонную кампанию Р. Р. С. проводить въ настоящее время практически. Подъ своей петиціей Р. Р. С. собрала около 2.000 голосовъ. (Отмѣтимъ тутъ же, что единодушно выступавшая Латышская с.-д. собрала 5.000 подписей).

нельзя также смотрѣть на думскую фракцію, какъ на грѣховный отростокъ партіи, который все равно зараженъ третьейюньюской проказой и которому по этому разрѣшаются такія дѣйствія, которыя могли бы только осквернить рабочую массу.

А затѣмъ: какой смыслъ имѣеть противопоставленіе протеста—требованію? Разумѣется, если протестъ касается дурного устройства солнечной системы или млечнаго пути, тогда онъ не заключаетъ въ себѣ никакого требованія. Но если протестъ направленъ противъ разгрома проф. союзовъ, то онъ тѣмъ самымъ означаетъ требованіе прекратить практику разгрома. Требованіе, обращенное къ людямъ 3-го юна вовсе не означаетъ надежды на то, что люди 3-го юна, подарятъ рабочимъ свободу коалицій; наоборотъ: оно означаетъ, что рабочіе одинаково непримиримо будутъ бороться и съ людьми 3-го юна и съ ихъ возможными либеральными преемниками—во имя свободы классовой борьбы.

Основная ошибка отвергающихъ петицію, какъ способъ мобилизациіи пролетаріата, состоить въ томъ, что они искусственно отрѣзываютъ петицію отъ всѣхъ другихъ формъ парламентарной работы. Если мы стоимъ на той точкѣ зрѣнія, что нельзѧ дѣлать правительству запросы насчетъ нарушенія закона 4-го марта и еще цѣлѣнѣе требовать отъ 3-ей Думы реформы этого закона,—тогда, конечно, петиція не должна имѣть мѣста; но тогда и с.-д. фракція не должна въ Думѣ дѣлать правительству запросы, вносить законопроекты, или поправки къ чужимъ законопроектамъ: тогда фракцію нужно отозвать; тогда правы отзовисты; тогда намъ нужно брать примѣръ съ соціалистовъ-революціонеровъ, у которыхъ въ Думѣ нѣтъ фракціи и которые благодаря этому, какъ извѣстно, совершаютъ нивѣсть какія революціонныя чудеса. Но если мы признаемъ цѣлесообразность использования думской работы и считаемъ необходимымъ для с.-д. думской фракціи пользоваться правомъ запроса и законодательной инициативы,—какъ же можемъ мы отвергать активное вмѣшательство самихъ массъ въ работу Думы?

На вопросъ, допустимо ли обращаться съ какими-либо опредѣленными требованіями къ Думѣ, какъ къ учрежденію, во-первыхъ, крайне реакціонному, во-вторыхъ, не обладающему дѣйствительной властью, Каутскій отвѣчаетъ.

„Если бы это (реакціонность и безсиліе Думы Н. Т.) могло служить основаніемъ для того, чтобы не обращаться къ Думѣ ни съ какими требованіями въ формѣ петиціи, тогда вообще не надо было бы имѣть дѣла съ Думой. Зачѣмъ тогда выбирать въ нее депутатовъ? Такъ же, какъ и выборы въ Думу, петиціи являются для пролетарскихъ массъ средствомъ сосчитать свои ряды, познать и проявить свою силу, внушить уваженіе противникамъ и достигнуть самосознанія. Эти положительные результаты получаются, даже если Дума реакціонна и безсилъна“.

„Болѣе того. Если бы Дума не была реакціонна и безсилъна, тогда не приходилось бы обращаться къ ней съ требованіями, тогда она уже дала бы и провела бы въ жизнь право коалицій. Какъ разъ потому, что она реакціонна и безсилъна, нужна мас-совая акція въ пользу права коалицій. И если при данныхъ усло-віяхъ петиція представляется наиболѣе подходящей формой для того, чтобы дать выраженіе волѣ массъ, то реакціонный харак-теръ Думы не является доводомъ, говорящимъ противъ этого“.

Да вѣдь это же размѣнивание конечной цѣли на частичные требования! Да вѣдь это же бернштейніанство, ревизіонізмъ и пр.! Не такъ ли?

Что вообще означаетъ обвиненіе въ размѣнивании революціи на борьбу за частные права? Внѣшнимъ образомъ это обвиненіе похоже на то, какое европейскіе марксисты направляютъ противъ оппортунистовъ, но по существу тутъ нѣтъ ничего общаго. Ревизіонисты (или оппортунисты) надѣются осуществить соціализмъ по частямъ, т.-е., дѣйствительно размѣниваютъ соціальный переворотъ на борьбу за частные реформы. По мнѣнію марксистовъ—и это мнѣніе, какъ нельзя лучше подтверждается общественнымъ развитіемъ послѣднихъ десятилѣтій—отдѣльные реформы въ рамкахъ буржуазнаго общества не могутъ привести къ соціализму, потому что весь нынѣшній государственный аппаратъ, находящійся въ рукахъ буржуазіи, какъ зѣница ока охраняетъ частную собственность на средства производства и слѣдовательно не допустить реформъ, упраздняющихъ капиталистический строй. Для осуществленія соціализма необходимо, говорятъ они, чтобы пролетариатъ вырвалъ государственную власть изъ рукъ буржуазіи и замѣнилъ частную собственность на средства производства—собственностью общественной. Это и есть соціальная революція. Но возставая самыми рѣшительнымъ образомъ противъ подмѣнивания соціализма соціальнымъ реформаторствомъ, марксисты отнюдь не возстаютъ противъ самой борьбы за реформы. Наоборотъ. Въ противоположность анархистамъ они считаютъ, что путь къ соціальной революціи лежитъ только черезъ борьбу за реформы. Мобилизациія массъ вокругъ всѣхъ требованій минимальной программы, независимо даже отъ большаго или меньшаго практическаго успѣха этой борьбы, сама по себѣ сплачиваетъ рабочихъ, дисциплинируетъ ихъ, сталкиваетъ съ враждебными классами, съ государствомъ и подготавливаетъ ихъ къ соціальной революціи.

Можно ли утверждать, что такого рода тактика означаетъ размѣнивание конечной цѣли на мелочную борьбу за отдѣльные права? Разумѣется, нѣтъ,—ибо это значило бы попросту осудить тактику всей международной соціалдемократіи и выкинуть за бортъ минимальную программу, какъ ненужный баластъ. Но группа Ленина полагаетъ, очевидно, что эта тактика, правильная сама по себѣ, не примѣнима у насъ въ Россіи, гдѣ нѣтъ еще условій парламентарного режима. Вести при этихъ условіяхъ кампанію за свободу коалицій значить, по ея мнѣнію, создавать иллюзіи, будто рабочія коалиціі совмѣстимы съ режимомъ 3-го іюня. Но это же самое придется сказать, очевидно, обѣ всей нашей осталльной минимальной программѣ. Вносить въ Думу соціалдемократический законопроектъ государственного страхованія значитъ создавать „иллюзіи“, будто Дума 3-го іюня можетъ его принять. Да и помимо Думы: развернуть въ странѣ первомайскую кампанію подъ лозунгомъ 8 часового рабочаго дня не значитъ ли создавать иллюзіи, будто 8-часовой рабочій день возможенъ въ столыпинской Россіи?

Еслибъ кто-нибудь рѣшился сдѣлать выводъ, что борьба за свободу коалицій должна сопровождаться примиреніемъ рабочаго движенія съ легальными рамками нынѣшней Россіи, тотъ обнаружилъ бы въ себѣ только наивнаго утописта и пошлого идолопоклонника легальности во что бы то ни стало. Такого рода тенденціямъ передовыя рабочіе должны неизмѣнно давать отпоръ. Но отказываться отъ агитации за свободу коалицій изъ-за опасности оппортунистическихъ выводовъ значитъ поистинѣ выплескивать изъ корыта ребенка вмѣстѣ съ мыльной

водой. Отказываться отъ планомѣнной агитациі за „частныхъ“ классовыя требованія пролетаріата значить по существу отказываться отъ классовой тактики. Ибо что тогда останется? „Извѣстная русская по-говорка“,—вотъ единственная „кампанія“, которую придется признать законной. Но ясно вѣдь, что движение, цѣликомъ подчиненное голову общедемократическому лозунгу, было бы совершенно лишено характера классовой борьбы. Оно означало бы полную капитуляцію соціалдемократіи, какъ партіи классовыхъ интересовъ пролетаріата, передъ общими потребностями политической демократіи. Мы не можемъ откладывать классовыя требованія „на другой день“ послѣ побѣды. Уже сейчасъ, въ нынѣшихъ условіяхъ, с.-д.-ія можетъ раскрыть все содержавіе своей минимальной программы—и не путемъ отвлеченной пропаганды только, а путемъ массовыхъ требованій, выступленій и наступленій. Сосредоточеніе политическихъ дѣйствій пролетаріата вокругъ очередныхъ, навязываемыхъ самой жизнью частныхъ требованій минимальной программы меньше всего способно вызвать мысль о примиримости интересовъ пролетаріата съ нынѣшимъ режимомъ: наоборотъ, только такимъ образомъ непримиримость пролетаріата и реакціи изъ-и-деи становится фактомъ, раскрывается въ дѣйствіи, приближаетъ эпоху открытыхъ конфликтовъ и дѣлаетъ пролетаріатъ способнымъ отстоять въ этихъ конфликтахъ свои классовые интересы, а не попросту выгребать для имущихъ классовъ каштаны изъ огня.

Такъ стоитъ вопросъ о взаимоотношеніи между частными требованіями и конечной цѣлью; таково же должно быть и взаимоотношеніе между различными частными требованіями: свободы коалицій, 8-час. раб. дня и государственной демократіи,—ибо вѣдь и законченная государственная демократія—„частное“ требованіе, о чёмъ слишкомъ склонны забывать нѣкоторые мнимые марксисты.

VI.

Изложивъ въ мѣру своего разумѣнія эти наши соображенія, Зиновьевъ что-то такое невнятное бормочетъ про экономистовъ, про ревизіонистовъ, про книжку Бернштейна и приходитъ къ тому выводу, что, признавая необходимость и въ данномъ режимѣ вести борьбу за частныхъ требованія, я тѣмъ самымъ оказываюсь экономистомъ и бернштейніанцемъ.

Посмотримъ, однако, какъ смотрѣть на этотъ вопросъ Карлъ Каутскій—тотъ самый, который далъ въ свое время уничтожающей отпоръ бернштейніанству.

Возраженія, будто „недопустимо ставить современному русскому правительству... какія-либо положительныя требованія (какъ, наприм., свободы коалицій), ибо этимъ-де возбуждаются иллюзіи“ и пр.,—эти возраженія—пишетъ Каутскій,—

„представляются мнѣ особенно сомнительными. Они направлены противъ того, чтобы вообще выставлять положительныя требованія, въ формѣ ли петиціи или въ другой формѣ, такъ какъ этимъ-де возбуждаются иллюзіи, будто правительство можетъ что-либо дать или будто современный русскій режимъ можетъ быть по частямъ высокобленъ. Такая точка зреінія логически приводитъ къ слѣдующему: мы ничего не должны дѣлать,—только подготовлять великую революцію. Всякое другое дѣйствіе эти

лукаваго. Всякая попытка добиться для пролетариата уже при данныхъ условияхъ нѣсколько большей свободы—должна быть осуждена.

„Эта точка зрењія: все или ничего, представляетъ самое роковое заблужденіе, которому можетъ подпасть социалистическая партія. Она означаетъ—паразитовать силы пролетариата до момента, о которомъ никто не знаетъ, когда онъ наступить, и который быть можетъ никогда и не наступилъ бы, если бы дѣйствовали, руководясь этимъ правиломъ. Ибо силы пролетариата растуть только въ повседневной борьбѣ, въ которой онъ завоевываетъ одну позицію за другой, пока не станетъ достаточно сильнымъ, чтобы дать решительный бой или чтобы предпринять штурмъ на твердыни врага.

„Совершенно извращенная точка зрењія—думать, что до тѣхъ поръ, пока силы пролетариата не способны завоевать всю политическую власть, онъ также недостаточны для того, чтобы оказывать политическое влияніе и чтобы добиться лучшихъ условій для политической и экономической борьбы и организаціи. И не менѣе извращенная точка зрењія—думать, что борьба за отдѣльные требованія, какъ за право коалицій, вредить революціонному сознанію массъ и отодвигаетъ революцію.“

„Россійская соціалдемократія не имѣетъ въ настоящее время болѣе важной задачи, чѣмъ борьба за такія отдѣльныя требованія. И чѣмъ энергичнѣе она будетъ вести эту борьбу, тѣмъ сильнѣе и революціоннѣе будетъ становиться пролетариатъ.“

Довольно ясно, не правда ли? Та точка зрењія, которая Зиновьеву кажется марксистской, по Каутскому оказывается „совершенно извращенной точкой зрењія“.

То же самое говорить и Адольфъ Браунъ.

„Позвольте мнѣ сдѣлать скромное замѣчаніе, что, какъ ни отличны россійскія условія отъ германскихъ и австрійскихъ, наши рабочіе, повѣрьте, не менѣе страстно желаютъ достижения нашихъ конечныхъ цѣлей и готовы за нихъ бороться. И если въ Россіи—хотятъ признавать только борьбу за всю совокупность нашихъ требованій, то это безусловно должно имѣть силу и по отношенію къ германскому и австрійскому пролетариату. Пожалуй, не безъ основанія можно было бы даже сдѣлать тѣль выводъ, что рабочіе къ западу отъ русской границы еще въ большей мѣрѣ обязаны отвергать всякое отдѣльное требованіе и признавать только борьбу за конечныя цѣли соціалдемократіи. И однако, рабочіе Германіи и Австріи борются за каждый вершокъ своихъ позицій, за каждую возможность успѣха, за каждое затрагивающее ихъ интересы слово въ законопроектѣ, въ парламентскомъ постановлѣніи и даже въ административномъ и судебнѣмъ рѣшеніи.

„Эта тактика, которой учить вся исторія германского и австрійского рабочаго движенія, отнюдь не ослабила революціоннаго настроенія, готовности къ борьбѣ и страстнаго стремленія къ осуществленію нашихъ конечныхъ требованій.

„Поэтому я думаю, что и рабочему классу Россіи петиціонное движеніе не принесетъ вреда, а, напротивъ, какъ я надѣюсь и желаю, и какъ учить опытъ с.-д.—и другихъ странъ, придастъ новыя силы. Русскіе рабочіе могутъ со спокойной совѣстью смо-

трѣть на это средство борьбы, какъ на оружіе противъ современ-
наго государственного и общественного строя, какъ на средство
просвѣщенія рабочихъ массъ и сплоченія ихъ для защиты ихъ
интересовъ, какъ на средство расширенія ихъ правъ, повышенія
ихъ способности къ борьбѣ, пробужденія спящихъ массъ и, тѣмъ
самымъ, какъ на средство увеличенія числа тѣхъ, которые го-
товы бороться съ абсолютизмомъ и съ капиталистической эксплу-
атацией, числа тѣхъ, которые готовы будуть, когда понадобится,
пожертвовать всѣмъ—жизнью, положеніемъ, свободой и семьею,—
чтобъ освободить Россію отъ оковъ рабства“.

„Совершенно несостоятельной, прямо таки абсурдной ^{*)})—за-
явилъ намъ по тому же вопросу Викторъ Адлеръ—является, съ
моей точки зре́нія, мысль, будто частная требованія вообще не
могутъ выставляться въ настоящее время русскими рабочими.
Требованіе свободы коалицій не есть комплиментъ существую-
щему правительству, а есть то, что есть: требованіе. Да и какъ
же иначе поступать? По каждому поводу предъявлять весь ка-
талогъ нашихъ требованій? Но это упраздняетъ политическую
борьбу. Искусство политического дѣйствія именно и состоить въ
сосредоточеніи всѣхъ силъ на очередномъ требованіи. Такъ у насть,
въ Австріи, было со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Какъ
много можно завоевать въ каждомъ данномъ случаѣ—это вопросъ
другой. Но всегда нужно мобилизовать массы вокругъ наиболѣе
остраго ихъ интереса и направить по линіи наименьшаго сопро-
тивленія, на наименѣе укрѣпленныя позиціи врага. Только такъ
могно идти впередъ, другого пути я не знаю“.

Надѣемся, все это достаточно ясно и краснорѣчиво.

VII.

Когда Зиновьевъ уже додѣлывалъ свое сочиненіе противъ пе-
тиціи, а равно и за петицію, но за такую петицію, которая бы не
была петиціей, и когда онъ мнилъ себя уже у типографской пристани,—
появился № 23 рабочей газеты „Правды“^{*)}), съ письмами и заявленіями
Каутскаго, Виктора Адлера, Адольфа Брауна, Отто Бауэра, Меринга,
по поводу петиціи. Изъ приведенныхъ выше цитать читатели видѣли,
что всѣ тѣ „принципіальныя“ соображенія, какія Зиновьевы выдвигали
противъ петиціи,—противъ имени, противъ формы и текста ея, про-
тивъ самого факта предъявленія требованій людямъ 3-го іюня, противъ
предъявленія „частичныхъ“ требованій,—что всѣ эти „принципіальныя“
соображенія показались авторитетѣйшимъ нѣмецкимъ марксистомъ со-
вершеннѣйшими пустяками. Немудрено, если столкнувшись подъ са-
мый конецъ, съ нашей анкетой, Зиновьевъ пріобрѣлъ видъ человѣка,
который у входа въ свой домъ, наступилъ на хорошия и прочныя грабли.
Но во-первыхъ: лобъ свой, не покупной, а во-вторыхъ... во-вторыхъ:
„не-впервой“^{*)}. Выступать противъ Каутскаго, Меринга, Брауна, Бауэра,
Ледебура, кружковые шаманы не смѣютъ: ибо тогда ужъ окончательно
никто не повѣрить, что ихъ бормотанье есть подлинное „словесное мо-
локо“ марксизма. Но зато они весьма горазды препарировать Каут-

^{*)}) Не можемъ умолчать, что въ бѣсѣдѣ В. Аллеръ употребилъ тутъ куда
болѣе крѣпкое и выразительное слово! Н. Т.

^{*)}) Та газета „Правда“, что издается заграницей. Ред.

скаго подъ Зиновьевъ, а если это, какъ въ данномъ случаѣ, окончательно невозможно—заявить отводъ. Отто Бауэръ, какъ и Каутскій начинаютъ свои письма съ того само собою разумѣющагося заявленія, что они никакъ не могутъ рѣшать, цѣлесообразно ли начинать петиціонную кампанию въ данный моментъ,—какъ они не могли бы отвѣтить на вопросъ, цѣлесообразно ли сейчасъ призывать рабочихъ къ стачкѣ или къ демонстрації. Но если бы какой-нибудь изъ политиковъ истинно-русскаго Домостроя сталъ доказывать, что стачки только затемняютъ классовое самосознаніе, ибо поселяютъ-де иллюзіи, что путемъ частичныхъ конфликтовъ рабочие могутъ достигнуть освобожденія; или еще: что „желѣзный законъ заработной платы“ обрекаетъ экономическую борьбу на безплодіе; или еще: что во время стачекъ „ликвидаторы“ произносятъ плохія рѣчи въ отлічие отъ Джонса, произносившаго очень хорошія рѣчи; что по совокупности всѣхъ этихъ соображеній стачки должны быть отвергнуты,—тогда всякий европейскій соціалдемократъ непремѣнно скажетъ: „цѣлесообразна ли сейчасъ стачка у углекоповъ донецкаго бассейна я не знаю, но что нѣкоторыхъ русскихъ якобы марксистовъ необходимо сводить въ баню, это для меня несомнѣнно“.

VIII.

Но такъ какъ спасительная баня политического опыта для Зиновьевыхъ еще впереди, то пока-что они пытаются держаться тактики „запирательства“.

Чтобъ снова и снова—въ 1001-ый разъ!—доказать, что петиціонная кампания подъ лозунгомъ свободы коалицій есть „экономизмъ“, Зиновьевъ приводитъ курсивомъ цитату по № 1 заграничнаго журнала „Заря“ 1901 г.: „... возможно-ли хотя бы на одно мгновеніе—возвращала „Заря“ экономистамъ,—допустить существованіе такого монстра, какъ всероссійскій абсолютизмъ, уживающійся съ свободой союзовъ и т. д.“. И Зиновьевъ, для котораго различіе эпохъ исчезаетъ за сходствомъ цитатъ, противопоставляетъ эту мысль нынѣшней борьбѣ за свободу коалицій.

Что чистый абсолютизмъ не можетъ уживаться со свободой союзовъ, это безспорно. Но вѣрно ли, что у насъ—чистый абсолютизмъ? Если признать это, тогда какъ быть съ тѣмъ фактамъ, что нынѣшняя наша государственность все же терпить до нѣкоторой степени рабочіе союзы и рабочую печать? Одно изъ двухъ: либо, вопреки мнѣнію „Зари“, абсолютизмъ можетъ быть сочетаемъ со свободой коалицій, либо вопреки мнѣнію Зиновьева—у насъ нѣтъ уже чистаго абсолютизма. Мы думаемъ, что вѣрно второе. Мы считаемъ—вопреки нѣкоторымъ мнѣніямъ радикаламъ,—что революція 1905 года не прошла безслѣдно ни въ какомъ смыслѣ, что она внесла объективныя перемѣнныя огромной принципіальной важности и поставила государственную власть—несмотря на переворотъ 3-го іюня—въ условія необходимости допускать до извѣстныхъ предѣловъ и свободу союзовъ и свободу печати. До извѣстныхъ предѣловъ, сказали мы. Но съ такимъ же правомъ можно было бы сказать: до неизвѣстныхъ предѣловъ. Ибо эти предѣлы не могутъ быть теоретически предопределены, они расширяются или съужаются въ зависимости отъ дѣйственнаго раскрытия общественныхъ силъ, т. е. живыхъ борющихся классовъ, въ рамкахъ режима 3-го іюня. За пять-шесть лѣтъ контръ-революцій рабочее движеніе успѣло отъ широкихъ организацій эпохи революціи прийти почти къ полному ту-

нику и затмъ опять сумъло расширить оставшіяся „возможности“ или завоевать новыя. Кто посмѣть утверждать, что на этомъ пути дости-гнуть уже *maximum* возможныхъ завоеваній?

Итакъ, нынѣшній режимъ можетъ быть примиренъ съ полной свободой коалицій? Что касается полной свободы, отвѣтимъ мы, то ея нѣтъ нигдѣ; но мы не думаемъ и того, что современный режимъ можетъ—безъ серьезныхъ потрясеній—дать мѣсто сколько-нибудь широкой свободѣ союзовъ. Поскольку забота о самосохраненіи не позволяетъ государственной власти вернуться вспять, къ чистому абсолютизму, поскольку она вынуждена мириться съ Думой и с.-д. фракціей, съ оппозиціонной прессой, постольку она открываетъ пролетаріату и с.-д.—и возможность расширять свои открытые позиціи. Это означаетъ, въ свою очередь, ростъ политической силы и самоувѣренности пролетаріата, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обостреніе его отношеній къ режиму диктатуры бюрократіи, опирающейся на имущіе верхи. Отсюда вытекаетъ не только вѣроятность, но и неизбѣжность открытаго соразмѣренія силъ—внѣ даже и весьма „расширительно“ использованныхъ рамокъ Зѣюнъского права. Можно держаться разныхъ взглядовъ на счетъ времени, характера и содержанія этихъ вѣроятныхъ или неизбѣжныхъ потрясеній, всѣ предсказанія на этотъ счетъ могутъ имѣть только относительную цѣнность,—но ясно одно: противопоставлять самодовѣрѣющую „подготовку“ и этимъ потрясеніямъ борьбы за всѣ и всякие „частичные“ интересы и права пролетаріата въ данныхъ условіяхъ значить превращать и классовую борьбу и политич. переворотъ изъ живой исторической реальности въ надъисторическую руководящую „идею“ и тѣмъ обезплодить обѣ. Кто думаетъ, что нынѣшній государственный строй не допускаетъ расширенія свободы коалицій, что кампания подъ этимъ частичнымъ лозунгомъ способна только породить иллюзіи, не давъ къ тому же никакого завоеванія, тотъ неизбѣжно долженъ замѣнить политическую работу мнимой „подготовкой“ къ великому дню. Такъ и ставить вопросъ Зиновьевъ: хочешь свободы коалицій—борись за коренной политический переворотъ. Но именно эту точку зрея Кautскій, какъ мы видѣли, клеймитъ, какъ

„самое роковое заблужденіе, которому можетъ подпасть со-циалистическая партія. Она означаетъ—парализовать силы про-летаріата до момента, о которомъ никто не знаетъ, когда онъ наступить, и который быть можетъ никогда и не наступилъ бы, если бы дѣйствовали, руководясь этимъ правиломъ. Ибо силы пролетаріата растутъ только въ повседневной борьбѣ, въ кото-рой онъ завоевываетъ одну позицію за другой, пока не станетъ достаточно сильнымъ, чтобы дать рѣшительный бой или чтобы предпринять штурмъ на твердыни врага“.

IX.

Широкая массовая борьба возобновляется послѣ пятилѣтняго перерыва—но не сначала. Измѣнились сами противники, измѣнились условія борьбы, преобразовались и усложнились ея методы.

До октября 1905 г. передъ нами стоялъ обнаженный абсолютизмъ, непосредственно не поддерживавшійся никакимъ классомъ общества. Нынѣшняя, пореволюціонная государственность увѣнчиваетъ союзъ бюрократіи, дворянства и крупнаго капитала.

Но и врагъ ея сталъ сильнѣе, ибо опора реакціи въ низахъ уменьшилась,—выросла ихъ сознательность. Правда, годы реакціи подняли цѣлое новое поколѣніе пролетаріата, по которому только скользнулъ накопленный опытъ,—поколѣніе, которое почти не бастовало, не протестовало, политически не боролось,—которое впервые теперь, въ учащающіхся на основѣ промышленного подъема стачкахъ, начинаетъ со всей остротой сознавать потребность въ свободѣ коалицій. Но и эта новая масса уже не прежняя стихійная сила, которая напираеть, не оглядываясь назадъ и не заглядывая впередъ. Опытъ революціи и трехъ думъ просочился до самыхъ ея глубинъ. А верхній, руководящій слой ея состоитъ изъ рабочихъ, прошедшихъ серьезную политическую школу, привыкшихъ ориентироваться, учитывать, взвѣшивать. Эти передовые рабочіе не будутъ переходить на новыя позиціи, не укрѣпивъ за собой старыхъ. А политически укрѣпить позиціи значитъ для соціалдемократіи сдѣлать ихъ позиціями самой массы.

При такихъ условіяхъ борьба обѣщаетъ быть въ высшей степени упорной и настойчивой, но въ то же время и болѣе планомѣрной. Борьба, какія бы формы она ни принимала, какіе бы неожиданные эпизоды ни порождала, не будетъ уже развиваться въ стихійныхъ катастрофахъ, обгоняющихъ сознаніе самихъ участниковъ. Дума создаетъ для борьбы политический центръ, соціалдемократическая фракція естественно выдвигается на роль политической руководительницы массъ, легальная рабочая пресса—черезъ всѣ препятствія—несетъ въ борьбу ясную политическую мысль.

Борьба за свободу коалицій является основой какъ ленской трагедіи, такъ и ея могучаго отголоска въ странѣ. Отсюда, изъ этого лозунга, будетъ дѣйственно развиваться вся программа рабочей демократіи. Какъ ленскіе рабочіе отстаивали свое право бастовать и требовали освобожденія арестованного стачечнаго комитета, такъ и птиловцы въ Петербургѣ выносятъ на свое митингѣ 16 апр. резолюцію протеста противъ арестовъ, произведенныхъ наканунѣ. Демонстраціи, протесты, стачки—все упирается въ свободу коалицій, этотъ краеугольный камень въ программѣ рабочей демократіи.

Огромная апрѣльская манифестація является первымъ этапомъ массового движенія противъ режима 3-го іюня—подъ лозунгомъ свободы коалицій. Это требование будетъ неустанно раздаваться во время избирательной кампаниі. Четвертой Думѣ придется несомнѣнно на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности встрѣтиться съ требованіемъ свободы коалицій, предъявленнымъ ей отъ имени десятковъ, если не сотенъ тысячъ рабочихъ.

Нѣть сомнѣнія, это требование стоитъ и будетъ стоять въ центрѣ мобилизаціи пролетаріата во всю эпоху промышленного подъема. Только на этой основѣ лозунги политической демократіи снова овладеютъ сознаніемъ массъ.

Промышленный подъемъ—годомъ раньше или позже—смѣнится кризисомъ, который будетъ тѣмъ глубже и острѣе, что основныя потребности соціального и политического раскрытия страны не разрѣшены. Кризисъ экономической долженъ будетъ въ такихъ условіяхъ стать предпосылкой глубочайшаго политического кризиса. И ужъ отъ пролетаріата, отъ степени его сознательности и готовности, будетъ зависѣть сдѣлать этотъ кризисъ для стараго режима роковымъ.

Незачемъ и говорить, что въ наступающую эпоху политического возрождения пролетариата значение борьбы за свободу коалиций, какъ и всякаго вообще массового выступленія рабочихъ, будетъ тѣмъ шире, многостороннѣе и глубже, чѣмъ рѣшительнѣе и самостоятельнѣе проявить себя въ этомъ движениі соціалдемократическая партія, какъ партія. Ибо: если со стороны партіи было бы непростительной ошибкой отгораживаться отъ открывшейся кампаніи, а тѣмъ болѣе выступать противъ нея, то въ равной мѣрѣ ошибкой было бы безслѣдно растворяться, скажемъ, въ петиціонномъ выступленіи. Партія, въ которой сосредоточенъ весь опытъ прошлого и теоретическое предвидѣніе будущаго, не можетъ ограничиваться тѣмъ, что отдѣльныя группы ея членовъ принимаютъ активное и даже инициативное участіе въ массовомъ выступленіи подъ лозунгомъ свободы коалицій. Партія, какъ та-ковая, съ самаго начала выскаживаетъ предъ массами свой взглядъ на вопросъ. Различными способами она выясняетъ вовлеченнымъ въ „коалиціонное“ движеніе массамъ внутреннюю связь между свободой коалицій и остальными требованиями рабочей демократіи и шагъ за шагомъ освѣщаетъ движеніе свѣтомъ соціалистической критики. Если мы не можемъ выступать, какъ штрайкбрехеры, по отношенію къ массовому движенію, какъ бы элементарны ни были его формы,—при томъ условіи, что данное выступленіе идетъ по великой дорогѣ классовой борьбы пролетариата,—то мы не можемъ, съ другой стороны, забывать, что во всякомъ движеніи пролетариата соціалдемократическая партія представляетъ не только его сегодняшній, но и его завтрашній день.

На эту сторону вопроса съ своей обычной прозорличностью обратилъ особое вниманіе Каутскій въ своемъ отвѣтѣ на нашу анкету.

„Только противъ одного момента въ этомъ петиціонномъ движеніи,—говоритъ Каутскій,—я могъ бы выскажаться, но онъ, конечно, объясняется россійскими условіями. Въ запросѣ (ред. „Правды“) происхожденіе петиціоннаго движенія представлено такъ: „Въ послѣдніе мѣсяцы нѣкоторые товарищи въ Петербургѣ приняли рѣшеніе побудить сами массы обратиться съ петиціей протеста къ Думѣ“.

„Въ Западной Европѣ массовое дѣйствіе какого бы то ни было рода было бы дѣломъ не „нѣкоторыхъ товарищѣй“, а самой партіи. Возраженія противъ дѣйствія могутъ выдвигаться до тѣхъ поръ, пока оно еще въ проектѣ. Но когда оно рѣшено, оно должно быть проведено единодушно. Всякое разстраиваніе уже проводящагося партійнаго дѣйствія со стороны партійныхъ критиковъ—всегда встрѣчается, по крайней мѣрѣ у насъ въ Германіи, самое рѣзкое порицаніе, и это вполнѣ правильно. То-то и прискорбно въ Россіи, что тамъ нѣтъ единой соціалдемократической партіи, вызывающей массовыя дѣйствія и руководящей ими, и что каждый членъ партіи считаетъ себя вправѣ разстраивать массовыя дѣйствія, которыя ему не по душѣ.“

„Въ этомъ состояніи дезорганизаціи соц.-дем. партіи я вижу главное основаніе того, почему рабочее движеніе въ Россіи такъ медленно оправляется отъ ударовъ контрѣ революціи. Что пораженіе революціи отняло у пролетариата, такъ это вѣрно въ себя и въ свое дѣло, въ свою партію, соціалдемократію. Да и откуда

взять ему къ ней довѣріе, когда она распадается на многочисленныя фракціи, изъ которыхъ каждая не пропагандируетъ въ пролетариатѣ ничего другого, какъ только недовѣріе къ другимъ фракціямъ? Какъ можетъ пролетариатъ рѣшиться развернуть какое-нибудь дѣйствіе, если каждое дѣйствіе, одобренное одной фракціей, наталкивается на неодобрение и помѣхи со стороны другихъ?

„До тѣхъ поръ, пока соціалдемократія находится въ этомъ состояніи внутренней дезорганизованности и вражды, она становится прямо-таки помѣхой для всякой дѣятельности массъ, и тѣмъ большей помѣхой, чѣмъ сильнѣе сохранилось ея вліяніе. Объединеніе различныхъ фракцій для совмѣстныхъ дѣйствій становится такимъ образомъ предварительнымъ условіемъ всякаго успѣшнаго выступленія, становится важнѣйшей практической задачей нашихъ русскихъ товарищѣй.

„При современномъ состояніи фракцій русскаго соціализма, вопросъ: что надо дѣлать? имѣеть гораздо меньшее значеніе, чѣмъ то, чтобы все, что дѣлается, дѣлалось сплоченно. Насколько я могу прослѣдить, дѣйствительныя разногласія, раздѣляющія огромное большинство русскихъ соціалистовъ, недостаточно велики, чтобы оправдать ихъ организаціонное раздѣленіе и ихъ взаимныя противодѣйствія.

„То, что раздѣляеть, это скорѣе воспоминанія прошлаго, чѣмъ противорѣчія теперешней работы. Пусть каждая фракція имѣеть свои изѣяны, но и самое прекрасное дѣйствіе никуда не годится, если оно порождаетъ фракціонные раздоры. Съ другой стороны, дѣйствіе, даже и не вполнѣ удовлетворяющее каждый критической глазъ, можетъ все же оказать большое вліяніе и внести оживленіе въ пролетариатъ, если оно является общимъ дѣломъ всѣхъ фракцій и снова показываетъ массамъ соціалдемократію, сплоченную, сознавшую свои цѣли и вѣрящую въ себя.

Возстановить такую россійскую соціалдемократію, еще до ближайшихъ выборовъ въ Думу—надъ этимъ должны работать всѣ товарищи, которымъ дорого наше дѣло. Передъ этой задачей должны отступить на задній планъ всѣ желанія и склонности каждого въ отдѣльности.

Если удастся это великое дѣло, тогда и пролетариатъ Россіи снова пробудится и мощно подымется, и его выступленія, въ будущемъ, въ иной, правда, формѣ, будутъ достойны его героического прошлаго,—они будутъ еще плодотворнѣй и могущественнѣй.

Я заканчиваю пожеланіемъ, чтобы вскорѣ образовалась единая россійская соціалдемократія, и шлю Вамъ лучшіе привѣты. Вашъ Карлъ Каутскій“.

На этихъ словахъ мы и закончимъ нашу разросшуюся статью.

Н. Троцкій.

На два фронта *).

(Отвѣтъ Вл. Ильину и редакціи „Нашей Зари“).

Моя статья „Современное положеніе Россіи и основная задача рабочаго движенія въ данный моментъ“ („Наша Заря“ 1911 г. № 9—10) вызвала возраженіе Вл. Ильина („Звѣзда“ № 32) и редакціи „Нашей Зари“ (въ примѣчаніи къ статьѣ моей). Это очень важно въ интересахъ правильнаго освѣщенія и решенія вопроса, которому посвящена моя статья. Я никако не претендую на безошибочность своихъ сужденій. Въ ошибкахъ, если бы онѣ были мнѣ показаны, я готовъ сознаться, готовъ ихъ исправить. При всемъ томъ приходится признать, что пока ошибочность моихъ предложеній мнѣ доказанной не представляется. Это обязываетъ меня возвратить,—притомъ на два фронта: предлагаемой мною планъ существеннѣйшимъ образомъ отличается и отъ той тактической и организаціонной линіи, которая кажется единоспасающей Вл. Ильину и его единомышленникамъ, и отъ позицій, занимаемыхъ редакціей и сотрудниками „Нашей Зари“.

Вл. Ильинъ въ своей полемической статьѣ противъ меня употребилъ пріемъ запугиванія: онъ изобразилъ меня пугаломъ, чудовищемъ, „рыжимъ уродомъ“ или, что то-же,—„либераломъ“. Не сомнѣваюсь, что, употребляя этотъ пріемъ, онъ расчиталъ до извѣстной степени правильно, тѣмъ болѣе, что по обстоятельствамъ, отъ меня независящимъ, я не могъ помѣстить свою статью въ „Звѣзду“ или „Мысли“, а вынужденъ былъ обратиться къ „Нашей Зарѣ“: робкіе умы, конечно, повѣрять ему на слово и испугаются. Но твердо вѣрю, что овечь души представляютъ собою среди рабочихъ и участниковъ рабочаго движенія меньшинство и потому обращаются къ неослѣпленному авторитетамъ большинству съ просьбой выслушать мои возраженія.

Мнѣ неоднократно—и въ томъ числѣ на страницахъ „Звѣзды“ и „Мысли“ приходилось говорить объ объективныхъ задачахъ времени,—о такихъ задачахъ, съ почвы которыхъ не можетъ сойти ни одинъ классъ. Никогда я не игнорировалъ при этомъ классовыхъ задачъ и классовыхъ различій. Не игнорировалъ я ихъ и въ своей статьѣ въ „Нашей Зарѣ“. Я всегда признавалъ и признаю теперь, что задача рабочаго класса въ данный моментъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать процессъ образованія культурнаго капитализма въ Россіи возможно болѣе скорымъ и возможно менѣе болѣзненнымъ для широкихъ массъ населенія. Къ этому направлены формулированныя въ моей статьѣ программа и тактика „Общества защиты интересовъ рабочаго класса“, въ которыхъ даже Вл. Ильинъ не могъ найти ничего „либерального“. Въ этомъ смыслѣ я признаю и гегемонію рабочаго класса въ борьбѣ за демократический строй. Содержаніе тутъ вовсе не „выпотрошено“, такъ какъ программа „Общества“ глубоко содерожательна: это въ сущности программа всѣхъ с.-д. партій запада Европы съ необходимымъ въ силу русскихъ условій дополненіемъ опредѣленныхъ аграрныхъ требованій. И это „либерализмъ“? Полноте, Вл. Ильинъ, вы или шутите или морочите людей, спекулируя на ихъ безусловное преклоненіе передъ вашимъ авторитетомъ.

*) Автору настоящей статьи было отказано въ ея помѣщеніи „Звѣздой“ и „Просвѣщѣніемъ“. Чтобы дать ему возможность высказать свои возраженія, какъ противъ В. Ильина, такъ и противъ насъ, мы дали мѣсто его статьѣ на стр. „Наш. Зари“. Ред.

Такъ падаютъ два важныхъ возраженія Вл. Ильина: 1) будто я игнорирую, „какіе классы или слой классовъ въ освобождающемся либеральномъ обществѣ ведутъ ту или иную конкретно опредѣленную линію этого освобожденія“, 2) будто признаніе мною гегемоніи рабочаго класса въ борьбѣ за демократическій строй—„прямой куръезъ“ съ „выпопрошенымъ“ содержаніемъ“.

Невѣрно и то, „что классовыи характеръ нашей контрреволюціи улетучился“ у меня: говоря о масѣ интеллигентіи, ея нытьѣ и ренегатствѣ, я разумѣль, конечно, мѣлко-буржуазную—по соціальному составу и міровоззрѣнію—интеллигентію, а „вдумчивыми наблюдателями“ я называлъ тѣхъ, кто усвоилъ себѣ классовую точку зрѣнія пролетаріата. Напрасно Вл. Ильинъ полагаетъ, что либералы согласятся со мною во взглѣдѣ на „удачу“ или „неудачу“ революціи: неужели онъ не знакомъ съ хныканьемъ и нытьемъ „Рѣчи“ и „Русскихъ Вѣдомостей“? Само собой разумѣется, я не имѣль здѣсь въ виду совершенной полноты: у меня была конкретная прѣль намѣтить опредѣленную тактическую и организаціонную линію. Смѣшно было бы по каждому вопросу говорить обо всѣхъ другихъ (*de omnibus rebus et quibusdam aliis*).

Я вывожу эту тактическую и организаціонную линію изъ опредѣленной опѣнки момента. И въ этомъ пунктѣ корень моихъ разногласій съ Вл. Ильинымъ: онъ думаетъ, что господами положенія являются Пуришкевичъ и Марковъ 2-ой, я думаю, что—націоналисты съ октѣбристами, причемъ близокъ компромиссъ тѣхъ и другихъ съ прогрессистами и кадетами. Въ статьѣ своей я приводилъ фактическія доказательства своего мнѣнія, Вл. Ильинымъ не опровергнутыя. Количество этихъ доказательствъ можно теперь умножить: сюда относится, напримѣръ, дальнѣйшее разложеніе „Союза русскаго народа“ (инцидентъ Б. Никольскаго—Марковъ 2-ой), слабость надеждъ Пуришкевича и Маркова 2-го пройти въ 4 Думу, крушеніе блока правыхъ съ націоналистами и октѣбристами въ Кіевѣ, рѣшеніе октѣбристовъ и націоналистовъ голосовать за правыхъ к.-д., постановленіе к.-д. конференціи голосовать за лѣвыхъ октѣбристовъ, примиреніе „сферъ“ съ оппозиціей прогрессистовъ и к.-д. въ будущей Думѣ, начало превращенія объединенаго дворянства въ союзъ аграріевъ безъ различія сословій, „безпартійный“ прогрессизмъ и т. д. А какія доказательства своего взгляда привелъ Вл. Ильинъ? Во первыхъ онъ заявилъ, что то, что онъ утверждаетъ „общезвѣтно“ (вотъ такъ доказательство!), во вторыхъ, онъ сослался на господство въ Пруссіи, Ольденбурговъ и Гейдебрандовъ, назвавъ ихъ „prusскими Пуришкевичами“: указалъ, что прусскій ландтагъ обезпечиваетъ ихъ „всесиле“. Онъ не хочетъ знать, что Ольденбурги и Гейдебранды вовсе не крѣпостники—Пуришкевичи, а сельскохозяйственные буржуа, хотя и дворяне, и игнорируетъ то обстоятельство, что кромѣ ландтага политическое значеніе для Пруссіи имѣть и рейхстагъ. Мимоходомъ онъ колетъ мнѣ глаза тѣмъ, что я будто бы игнорирую „сложность и скачкообразность процесса приспособленія политической надстройки къ перерожденію хозяйства“. Но я именно потому ианализировалъ тенденціи разныхъ общественныхъ силъ и соотношеніе этихъ силъ, что признаю „сложность приспособленія“, что же касается „скаккообразности“, то вѣдь я какъ разъ разбираю вопросъ о возможности и необходимости „бури“ въ данномъ случаѣ; ясно, что я „скаккообразность“ не игнорирую, я только не возвожу ее,

какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, въ принципѣ вѣчный и нерушимый при всѣхъ обстоятельствахъ: это было бы не по марксистки.

Будетъ ли „скакекъ“ („буря“) или нѣть—компромиссъ между отдельными группами буржуазіи и неизбѣженъ. Весь вопросъ лишь въ томъ, каково будетъ содержаніе этого компромисса. Отклонить это содержаніе возможно далѣе влѣво можетъ только рабочій классъ при своей активности. Что компромиссъ неизбѣженъ—это я старался показать анализомъ тенденцій, намѣчающихся въ разныхъ слояхъ буржуазіи. Чтобы сдѣлать такой анализъ яснымъ я методологически оставлялъ пока въ сторонѣ рабочій классъ. Ни одинъ марксистъ не можетъ мнѣ поставить въ вину такой пріемъ и усмотрѣть въ немъ „либерализмъ“. Другое дѣло, если бъ я совсѣмъ оставилъ въ сторонѣ рабочій классъ. Но этого я какъ разъ и не сдѣлалъ: вся вторая половина моей статьи посвящена именно выясненію классовой позиціи, тактической и организаціонной линіи пролетаріата. Что же касается крестьянства, то при всемъ моемъ „глубокомъ убѣждѣніи въ демократическихъ тенденціяхъ“ даже „крѣпкихъ“ крестьянъ, большой политической активности я признать за нимъ не могу. Упрекъ будто я оставляю въ сторонѣ пролетаріатъ и крестьянство, является такимъ образомъ совершенно мною незаслуженнымъ.

Отмѣчаю мимоходомъ, что я считаю совершенно невѣрнымъ сближеніе 3-ей Думы съ Chambre intrawable и настаиваю на своей параллели современной Россіи съ Франціей 60-хъ годовъ и Германіей 80-хъ г., и что невѣрно утвержденіе Вл. Ильина будто „въ Германіи 1878—1890 г.... не было широкой и открытой политической организаціи“: широкая была, была она и болѣе открытой чѣмъ у насть, теперь. Если бы теперь достигнуть того у насть, что было тогда въ Германіи—можно было бы вздохнуть съ облегченіемъ.

Перехожу къ пункту, который, на мой взглядъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ,—чуть ли не самымъ важнымъ: Вл. Ильинъ считаетъ мой планъ утопіей, потому что признаетъ „несерьезной вещью“ „въ эпоху, когда закрываются абсолютно-мирные, чинные, неполитические профессиональные союзы, считать не утопичнымъ основаніе открытаго полититического рабочаго общества“.

Здѣсь, очевидно, глубочайшее недоразумѣніе: Вл. Ильинъ наивно полагаетъ, будто я основываю свой планъ на попустительствѣ, уступчивости или терпимости правящихъ сферъ. Ничего подобнаго. Я предлагаю агитационную кампанію въ массахъ (см. конецъ ст. моей въ „Нашей Зарѣ“), надѣюсь, что она имѣть въ нихъ почву, слѣдовательно, возбудить ихъ энергию, предполагаю, даже непредвидимые теперь способы проявленія этой энергіи, и, значитъ весь успѣхъ считаю зависящимъ именно отъ энергіи рабочихъ массъ. Марксистъ можетъ считать это утопіей лишь въ томъ случаѣ, если онъ считаетъ рабочихъ въ данный моментъ недостаточно активными для проявленія такой энергіи. Но въ такомъ случаѣ какъ можно мечтать о болѣе прямолинейныхъ проявленіяхъ пролетарской энергіи—о „скаккахъ“ и „буряхъ“?

Заключительнымъ аккордомъ къ статьѣ Вл. Ильина является сравненіе моего отношенія къ ликвидаторству съ отношеніемъ Ю. Ларина къ рабочему съѣзду: какъ Ларинъ довѣръ до абсурда идею рабочаго съѣзда и тѣмъ задушилъ ее, такъ и я „горячими объятіями задушу“ ликвидаторство.

Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ выпадъ служить точное и ясное опредѣленіе моего отношенія къ ликвидаторству и къ мнѣніямъ, высказаннымъ редакціей „Нашей Зари“ въ примѣчаніи къ моей статьѣ.

Ликвидаторство—пестрое и сложное явленіе, въ которомъ замѣтны нѣсколько элементовъ. Къ сожалѣнію не всѣ эти элементы извѣстны и точно опредѣлены. Для меня пока совершенно ясны два элемента: 1) теченіе, представленное Б. Богдановымъ, который заявилъ на страницахъ „Нашей Зари“, что не считаетъ своеевременнымъ „форсировать“ движеніе въ сторону образованія открытой рабочей партіи или „фиксировать“ предполагаемые его результаты, а полагаетъ, что пока нужно въ существующихъ рабочихъ организаціяхъ расширять только базу, подготавливать кадры для будущей партіи; 2) ларинско-аксельродовское теченіе, имѣющее въ виду созданіе широкой рабочей партіи или рабочаго союза изъ существующихъ рабочихъ легальныхъ организацій—профессиональныхъ союзовъ, кооперативовъ, клубовъ и проч.

Что касается до Богданова и его единомышленниковъ, то большого ликвидаторства, чѣмъ ихъ планъ, нельзя себѣ и представить: здѣсь на время начисто ликвидируется не только всякая политическая рабочая организація, но и вообще политическая дѣятельность рабочаго класса: политическое дѣйствіе, столь насущно необходимое, подмѣняется политической пропагандой. Я не отрицаю, конечно значенія пропаганды, но недопустимо подмѣнять ею дѣйствіе и практическую агитацию, недопустимо подставлять на мѣсто политической партіи общество для пропаганды. Конечно, всѣ пути ведутъ въ Римъ, всѣ пути развитія капиталистического общества и всѣ способы организаціи рабочихъ ведутъ въ концѣ концовъ къ обществу будущаго. Ведеть сюда и общество для пропаганды. Но это самый долгій, медленный и болѣзnenный для рабочаго класса путь.

Мы обязаны искать путей ближайшихъ и легчайшихъ. И этому требованію опять таки не удовлетворяетъ и ларинско-аксельродовскій организаціонный планъ, такъ какъ ближайшій и легчайшій путь къ будущему обществу является организація политической рабочей партіи, сознательно и твердо стоящей на почвѣ классовой борьбы пролетариата за свои интересы, а широкая рабочая партія или рабочій союзъ Ларина-Аксельрода имѣеть въ виду объединить рабочихъ обладающихъ въ неодинаковой степени сознаніемъ ихъ классовыхъ интересовъ.

Это расплывчатая, безформенная, идеино-неустойчивая организація.

Тенденціи въ эту сторону проглядываютъ и въ словахъ примѣчанія редакціи „Нашей Зари“ къ моей статьѣ „о политическомъ строительствѣ пролетариата, находящемъ себѣ выраженіе и въ парламентской фракціи, и въ соціалистической прессѣ и въ рядѣ другихъ еще органовъ“. Здѣсь на мѣсто партіи поставлена именно расплывчатая организація, тогда какъ я предлагаю борьбу за открытую принципіально-выдержанную партію. Разногласіе здѣсь между нами весьма глубокое.

Таковы два элемента ликвидаторскаго теченія, для меня совершенно ясные. Я могу вслѣдствіе ихъ ясности и опредѣленности столь же ясно и опредѣленно высказать свое отрицательное къ нимъ отношеніе.

Но главное ядро такъ называемаго ликвидаторства, представляющее Мартовымъ и Даномъ для меня остается неуловимымъ и загадочнымъ. Я не могу понять, чего оно хочетъ, такъ какъ по справедливому замѣчанію Плеханова, ничего конкретнаго Мартовъ, Данъ и ихъ единомышленники не предлагаютъ. Само собой разумѣется, что такая

неуловимость и неясность не можетъ вызывать къ себѣ иного отношенія, кроме отрицательного: получается впечатлѣніе, что люди въ нерѣшимости беспомощно топчутся на одномъ мѣстѣ. Я не знаю положенія худшаго для политическихъ дѣятелей.

Резюмирую еще разъ свои основныя практическія предложенія.

1) Необходимо открыть и провести агитационную кампанію въ рабочихъ массахъ въ пользу борьбы за открытую широкую политическую организацію; способъ этой организаціи и борьбы, теперь предвидимый—обсужденіе вопроса въ печати (въ настоящее время къ великой моей радости оно уже начинается) въ специальныхъ рабочихъ съборніяхъ, созываемыхъ съ этой цѣлью, въ существующихъ рабочихъ организаціяхъ; петиционная кампанія; запросы и специальный законопроектъ въ Думѣ; заявленія въ рядѣ мѣстностей рядомъ группъ рабочихъ въ мѣстныхъ присутствіяхъ объ основаніи политической рабочей организаціи; фактическое осуществленіе послѣдней даже при отказѣ въ регистраціи. Если движеніе разовьется, возможны другіе способы дѣйствія, которые теперь предусматривать было бы рано.

2) Программа и тактика предполагаемой политической рабочей организаціи должна находиться въ тѣсной идеиной связи съ программой и тактикой международного рабочаго движенія, слѣдовательно, и съ прошлымъ русскаго рабочаго движенія за исключеніемъ лишь пункта о неизбѣжности рѣзкаго потрясенія, которое въ силу особыхъ условій, теперь существенно измѣнившихъ, выставлялось у насъ, какъ единоспасающее средство или, по крайней мѣрѣ, какъ самое главное изъ очередныхъ въ данный моментъ средствъ.

Вотъ главное, что я признаю существенно необходимымъ. Быть можетъ, меня спросятъ: почему же я не попытался не только идеино, но и организаціонно связать новое со старымъ. Отвѣчу на это такъ: если бы теперь возможенъ былъ достаточно авторитетный по рабочимъ массамъ, въ немъ представленнымъ, съѣздъ стараго цѣлага, мыслима была бы и попытка установить организаціонную связь новаго со старымъ. Такой съѣздъ теперь невозможенъ. Вотъ почему цѣлесообразно и даже необходимо отъ прямого организаціоннаго преемства отказаться. Въ противномъ случаѣ оставалось бы бездѣйствовать—что хуже всего.

Пора сдѣлать заключеніе: я ничего не ликвидирую, ни отъ чего не отказываюсь; идеиное наслѣдство сохраняется цѣликомъ; лишь организаціонно я предлагаю строить новое, естественно вытекающее изъ всего положенія вещей и представляющее собою кратчайшій и лучшій при современныхъ условіяхъ путь защиты интересовъ рабочаго класса.

Читатель самъ теперь можетъ судить, правъ ли Вл. Ильинъ, пытавшійся изобразить меня какимъ то либеральнымъ пугаломъ, чортомъ вродѣ того, котораго намалевалъ гоголевскій кузнецъ Вакула на стѣнѣ деревенской церкви, и котрымъ матери пугали своихъ дѣтей: „смотри, яка кака намалевана“. Непредубѣждѣнныи читатель—я въ этомъ увѣренъ—можетъ сдѣлать только одинъ выводъ: „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ“. Неправъ, конечно, и Мартыновъ, называющій меня въ „Нашей Зарѣ“ „кающимся большевикомъ“. Въ томъ-то и дѣло, что я ни въ чёмъ не каюсь: не я измѣнился,—измѣнились обстоятельства. Сложись они такъ, какъ прежде,—иная, прежняя была бы и тактическая и организаціонная линія.

Н. Р—ковъ.

О томъ, какъ можно быть неправымъ на оба фронта.

Возражая В. Ильину, Н. Р—ковъ совершенно правильно отводить его недобросовѣстное обвиненіе въ томъ, будто бы Р—ковъ игнорируетъ „классовый характеръ нашей контръ-революціи“. Р—ковъ его не игнорировалъ въ своей статьѣ въ нашемъ журналь. Но онъ представилъ его невѣрно и постольку В. Ильинъ правъ въ многихъ своихъ возраженіяхъ. Правъ, конечно, постольку, поскольку самъ В. Ильинъ въ анализѣ классового содержанія контръ-революціи отступилъ отъ своихъ прежнихъ позицій.

Въ 1907 г. и послѣ того Ильину русская контръ-революція представлялась по своему классовому содержанію продуктомъ объединенія вокругъ монархіи всѣхъ слоевъ имущихъ классовъ, за вычетомъ небольшой части кадетской полу-оппозиціи, существующей, скорѣе рано, чѣмъ поздно, быть поглощенной этимъ блокомъ. Классовый характеръ послѣдняго опредѣлялся, какъ крѣпостническое дворянство (правая) + капиталистическое землевладѣніе (націоналисты) + капиталистическая буржуазія (октябрьисты) и, конечно, бюрократія съ духовенствомъ. Режимъ третьяго июня являлся „шагомъ по пути превращенія“ абсолютизма въ „буржуазную монархію“, имѣющимъ подъ собою основаніе въ взаимномъ компромиссѣ, во взаимоприспособленіи между „феодальными“ и буржуазными элементами блока. Это взаимоприспособленіе совершается въ процессѣ борьбы за власть (или вліянія на власть) между отдѣльными элементами блока (включая и вѣнѣ блока стоящую, свободомыслящую, кадетскую, часть буржуазіи), но общая основа навязанного исторіей компромисса, на которой всѣ онѣ стоять, исключаетъ превращеніе этой борьбы въ политическую борьбу въ широкомъ національномъ масштабѣ, могущую явиться замѣтнымъ факторомъ нового общественного подъема. Не только исходъ ея—прочный компромиссъ всѣхъ группъ имущихъ съ болѣе рѣзко, чѣмъ теперь, выраженной гегемоніей крупной буржуазіи—является предрѣшеннымъ (пока мы остаемся въ предѣлахъ „верхнихъ 30 тысячъ“ современного общества), предрѣшенъ и ходъ этой борьбы вѣнѣ тѣсной связи и вѣнѣ тѣснаго контакта съ движениемъ демократическихъ слоевъ народа, обусловленнымъ стремленіемъ освободиться отъ гнета крѣпостничества.

Поэтому, для В. Ильина „prusso-австрійскій“ исходъ переворота 1905 года являлся вѣроятной перспективой, поскольку демократическимъ слоемъ народа не удастся, опираясь на неспособность контръ-революціи, выполнить поставленныя исторіей задачи буржуазнаго преобразованія всего общественного хозяйства, съвѣчъ историческое развитіе съ намѣтившагося въ 1907 году и разрубить „по американски“ тѣть горліевъ узель противорѣчій между существующими крѣпостническими и буржуазными соціальными отношеніями, которая „по прусски“ пытается распутать феодально-буржуазная контръ-революція.

Н. Р—ковъ остался въренъ основному въ этой большевистской схемѣ. Но, въ качествѣ писателя съ болѣе глубокой, чѣмъ у Ильина, потребностью въ экономическомъ обоснованіи перспективъ общественного развитія, онъ поставилъ себѣ вопросъ о „подпочвѣ“ той почвы, которая, по Ильину, обусловила объективно-намѣчающійся прусскій путь. Ему показалось, что онъ нашелъ эту подпочву въ усиленнымъ темпомъ — послѣ 1905 года — совершающейся „капитализаціи“ сельского хозяйства, въ незамѣтномъ преобразованіи крѣпостническаго дворянства въ классъ капиталистовъ-аграріевъ. Съ этой точки зрѣнія, неизбѣжное движение къ компромиссу между всѣми имущими является уже не простымъ результатомъ такихъ психологоческихъ свойствъ русской буржуазіи, какъ „дряблость“ и „половинчатость“ (далѣе чего въ своемъ „анализѣ“ не подвигается Ильинъ), а неизбѣжнымъ выводомъ изъ измѣненія самой соціальной природы наиболѣе сильной и властной части имущаго блока и, слѣдовательно, измѣненія ея отношенія къ другимъ частямъ его.

А если такъ, если побѣжденная революція 1905 года „незамѣтно“ похоронила русское крѣпостничество, съ словенію диктатуру дворянства, то шансы на новый глубокій общественно-политический кризисъ того же исторического объема и той же глубины падаютъ приблизительно до нуля. Ибо открытое Н. Р.—ко-вымъ измѣненіе соціальной природы искони дирижировавшаго сословія само не могло произойти безъ глубокаго преобразованія всего соціально-экономического строя, безъ далеко зашедшаго впередъ вымирания кабальныхъ формъ земледѣльческаго хозяйства, безъ глубокой дифференціаціи въ нивелированномъ полуѣковымъ господствомъ „продовольственной ренты“ крестьянствѣ, безъ значительной индустриализаціи всего народнаго хозяйства и соотвѣтствующаго значительного перемѣщенія соціального центра тяжести изъ деревни въ городъ. А такая экономическая революція означала бы прежде всего абсолютную невозможность повторенія той комбинаціи общественныхъ силъ, которая обусловила наступленіе 1905 года и въ основѣ которой лежала сословная борьба между нивелированнымъ крестьянствомъ и дворянской усадьбой.

Самъ Р—ковъ всего этого не высказалъ. Напротивъ, говоря въ „Мысли“ о результатахъ Столыпинской аграрной политики, онъ какъ будто — опять таки въ гармоніи съ В. Ильинымъ — стѣрался подчеркнуть, что въ основномъ пунктѣ русскаго народнаго хозяйства контроль-революція оставила все по старому. Но за порогомъ, быть можетъ, его сознанія, внутренняя логическая связь отмѣченныхъ нами моментовъ давила на его прогнозъ. Нынѣ, возражая Ильину, онъ какъ будто неохотно бросаетъ фразу о томъ, что за крестьянствомъ „большой политической активности признать не можетъ“. Трудно въ этой эвфелистической отсылкѣ крестьянъ „къ чорту и статистикѣ“ не замѣтить молчаливаго признанія большевистскаго политика въ томъ, что его схема предполагаетъ упраздненіе крестьянства, какъ продолжавшаго войну съ дворянствомъ сословія.

Все это такъ, скажутъ намъ, но откуда взяль Р—ковъ эту картину быстро совершающейся экономической революціи, растворяющей „историческіе сословія“ въ экономическихъ категоріяхъ

развитаго капиталистического общества, и позволяющей ему социально уподоблять нынѣшняго русскаго крупнаго землевладѣльца прусскимъ „Ольденбургамъ и Гейдебрандтамъ“, которые-де суть „сельскохозяйственные буржуа, хотя и дворяне“?

Въ томъ то и дѣло, что эта картина возникла изъ весьма поченной потребности подвести теоретическій фундаментъ подъ заранѣе данную схему политического развитія. А такъ какъ схема эта сама диктовалась у большевиковъ потребностью объяснить пораженіе 1905—7 г.г. такъ, чтобы изъ сего не вышло никакого умаленія для большевистской „теоріи“, то элементы для залагаемаго имъ фундамента Н. Р—кову приходилось брать не въ дѣйствительности, а вѣя, въ области не сущаго, а чаемаго и ожидаемаго. И В. Ильину было бы очень нетрудно показать Р—кову, что всѣ факты дѣйствительности громко вопіютъ противъ его утвержденій о характерѣ „текущаго момента“.

Можно утверждать (и данныя, приводившіяся, напр., Ю. Ларинъ въ „Дѣлѣ Жизни“ обѣ этомъ свидѣтельствуютъ), что встряска всего общественаго организма, совершенная 1905-ымъ годомъ, сильно двинула впередъ процессъ разложения старыхъ социально-экономическихъ отношеній. Темпъ развитія, опредѣлившагося послѣ 1861 года, сталъ быстрѣе. Предположеніе о томъ, будто неисполненіе демократическихъ требованій 1905 года, приведетъ непосредственно къ остановкѣ всякоаго хозяйственаго развитія, было невѣрно. Развитіе производительныхъ силъ, индустриализація страны, вытѣсненіе кабальныхъ отношеній наемно-капиталистическими, ростовщического капитала капиталомъ „создающимъ“ прибавочную стоимость, все это не только не остановилось, но, послѣ нѣкоторой заминки, пошло ускореннымъ темпомъ, соотвѣтственно воздействиу на физіономію соціальныхъ классовъ и ихъ взаимоотношенія. Политическая, правовая и бытовауя условія, явившіяся резултатомъ борбы 1904—7 гг., благопріятствуютъ—по сравненію съ прежними—ускоренію темпа этого развитія. Но заключать отсюда, что экономическая и соціальная мощь классовъ—носителей этого прогресса уже однімъ своимъ напоромъ разъѣдаетъ старыя сословныя перегородки и тѣмъ самымъ принципіально измѣняетъ характеръ противорѣчій между отдѣльными классами, превращая ихъ въ противорѣчія внутири буржуазнаго общества—нѣтъ. никакихъ серьезныхъ основаній. Исчезновеніе или только существенное „смягченіе“ типа „феодальнаго“ собственника въ „землевладѣльца буржуа, хотя бы и дворянина“ въ тѣхъ странахъ, где оно произошло болѣе или менѣе „органическимъ“ путемъ, (безъ „бури“ или „скакача“) имѣло своей предпосылкой истинно „американскій“ темпъ развитія промышленности и индустриализаціи сельскаго хозяйства. Безъ гигантскаго и очень быстраго роста лодзинской и домбровской промышленности не могло бы совершиться превращеніе польскаго „пана“ въ землевладѣльца-предпринимателя (да и то роль „скаковъ“ въ видѣ совершенныхъ сверху абсолютизмомъ переворотовъ была достаточно велика). Въ сосѣдней Галиціи при замедленномъ темпѣ экономического развитія кабальное землевладѣніе и обусловленныя имъ черты господствующаго класса обнаружили большую живучесть. Пока Н. Р—ковъ не попытался доказать, что перемѣны, внесенные въ народную жизнь 1905 го-

домъ, достаточно глубоки, чтобы сдѣлать возможнымъ подобное „американское“ развитие капитализма, останется непреложной истиной, что измѣненія, дѣйствительно имѣвшія мѣсто, лишь па болѣе широкой плоскости, въ большемъ количествѣ пунктовъ народно-хозяйственного организма враждебно сталкиваютъ существующіе въ немъ элементы сословно крѣпостническаго и капиталистически-буржуазнаго общества и порождаютъ тенденцію къ новому общему ихъ столкновенію по всей линіи, къ новому историческому кризису того же характера, что и пережитый, но на болѣе высокой ступени экономического развитія, съ другимъ взаимоотношеніемъ соціальныхъ силъ, съ болѣе рѣзко выраженной гегемоніей „города“ надъ „деревней“, промышленности надъ землевладѣніемъ, россійского капитала надъ иностраннымъ, „производительныхъ“ слоевъ буржуазіи надъ „интеллигенціей“.

Эта тенденція можетъ встрѣтить и уже встрѣчаетъ противодѣйствіе въ другой, заложенной въ международной обстановкѣ, въ которой развивается Россія, и которая обусловливается тяготѣніе самого современного государства, его въ извѣстной мѣрѣ самостоятельныхъ органовъ власти, къ ускоренію процесса „обуржазиванія“ страны и притупленія противорѣчій между крѣпостническимъ и буржуазнымъ обществомъ путемъ „революціи сверху“, методомъ принужденія старыхъ сословій къ „своевременному компромиссу“ съ буржуазіей, какъ классомъ, и къ примиренію съ экономической, финансовой и общей политикой, активно ускоряющей процессъ превращенія старого собственника въ одну изъ разновидностей единаго капиталистического класса. Словомъ, методъ Бисмарка, который, какъ я неоднократно указывалъ, могъ имѣть успѣхъ лишь при наличности опредѣленной міровой конъюнктуры. Окажется ли онъ возможнымъ и дѣйствительнымъ въ Россіи, будетъ зависѣть отъ условій, выходящихъ за предѣлы возможнаго исторического предвидѣнія. Поэтому, для ближайшаго исторического периода политкъ долженъ исходить какъ изъ возможности нового „скачка“, такъ и изъ наличности сильной тенденціи къ „взаимоприспособленію“ между старыми и новыми общественными силами. Но это значитъ—для марксиста—отвергнуть построеніе тактики на томъ отрадномъ предположеніи, что близкій „компромиссъ между всѣми группами имущихъ неизбѣжнъ“, какъ говоритъ Р-ковъ, и что намъ остается лишь позаботиться, чтобы „отклонить содержаніе этого компромисса возможно влѣво“.

Практическое основаніе, на которомъ строить Р-ковъ, узко, а потому несостоятельно. Компромиссъ „всѣхъ имущихъ“ вовсе не близокъ и путь, который, въ концѣ концовъ, къ нему приведетъ, есть путь соціальной борбы и кризисовъ, вызванныхъ невозможностью „органическаго“ преобразованія соціально-экономическихъ отношеній современности въ законченно-буржуазныя. На этомъ пути неизбѣжными становятся и совершаются попытки приспособленія государственно-правовыхъ формъ къ потребностямъ капиталистического развития, дѣлающія весь режимъ дворянской контр-революціи неустойчивымъ и противорѣчивымъ. Уверенность въ этомъ характерѣ режима, въ исторической невозможности дѣйствительной реставраціи (возможны, конечно, попытки съ временными успѣхомъ)—вотъ что даетъ право и обя-

зываетъ идеологовъ пролетаріата строить свою тактику и организацію на испытанныхъ методахъ международного движенія—отвоевыванія почвы для открытой классовой борьбы и систематического участія пролетаріата во всѣхъ проявленіяхъ общественно-политической жизни.. Именно эта увѣренность, а вовсе не та или иная концепція о конкретномъ ходѣ и исходѣ того пути, который насъ отдаѣтъ отъ конечного пункта—когданибудь имѣющаго наступить „компромисса всѣхъ имущихъ“, коимъ закончится процессъ буржуазнаго преобразованія Россіи. Здѣсь и только здѣсь можно искать обоснованія для „ликвидаторства“ въ кавычкахъ, т. е. для всѣхъ серьезныхъ стремленій къ „европеизаціи“ русскаго рабочаго движенія, для ликвидациіи всѣхъ реакціонныхъ пережитковъ утопизма и анти-пролетарскихъ тенденцій въ русскомъ соціализмѣ.

Когда Ильинъ говоритъ Р—кову: „господами положенія являются Марковы и Пуришкевичи“, а Р—ковъ отвѣчаетъ: „нѣть, не они, а націоналисты съ октябристами“, то чутѣ дѣйствительности обнаруживаетъ не Р—ковъ, а Ильинъ. Послѣдній правъ именно потому, что не отдаѣтъ „Маркова и Пуришкевича“ отъ „націоналистовъ и октябристовъ“ и не противопоставляетъ ихъ взаимно, какъ это дѣлаетъ Р—ковъ, а беретъ ихъ, какъ символъ всей той сословной диктатуры, которую по своему (съ разной степенью уступчивости по отношенію къ буржуазнѣмъ классамъ) выражаютъ собой всѣ эти реакціонныя группы *). „Господами положенія“ является сейчасъ не та или иная думская партія, а земельное дворянство и связанныя съ нимъ бюрократія, какъ сословіе. Декретируемое Р—ковымъ выдѣленіе изъ этого сословія класса „капиталистическихъ аграріевъ“ не имѣетъ мѣста въ дѣйствительности: дворянскій сельско-хозяйственный капитализмъ до такой степени еще поглощенъ сословнымъ землевладѣніемъ, что крупнѣйшій политический представитель такъ тѣсно связанный съ индустрией юго-западнаго латифундіального юнкерства—гр. А. А. Бобринскій—является лидеромъ крайней монархической партіи—партіи Пуришкевичей и Марковыхъ. А его однофамилецъ гр. В. Бобринскій, этотъ типичный представитель „оголтѣлага“ дворянства, вскормленнаго продовольственной арендой и живущаго другого рода „арендами“—этотъ типичный дворянскій Митрофанъ съ аллюрами и политическимъ кругозоромъ земскаго начальника является официальнымъ тамбуръ-мажоромъ той партіи націоналистовъ, которая по Р—кову, должна выражать интересы бессословнаго по своей сущности капиталистического сельскаго хозяйства. Да и вообще: типичное, кабалой и „отрѣзками“ живущее дворянство средней Россіи представлено въ III Думѣ въ такой же мѣрѣ курскими соловьями—Марковымъ и К°—какъ и пензенскими, воронежскими, казанскими, орловскими и иными октябристами и націоналистами. Упоминаемая Р—ковымъ попытка „съѣзда объединенного дворянства“ превратить свою организацію въ „союзъ сельскихъ хозяевъ“ пока есть только попытка, фатально

*) Причемъ, говоря объ октябристахъ, мы имѣемъ въ виду, конечно, основное, вполнѣ опредѣлившееся въ качествѣ помѣщичьяго и чиновничьяго, ядро партіи, а не то менѣшинство капиталистической буржуазіи, которое играетъ роль лакея при дворянскомъ диктаторѣ.

обреченнай на фіаско въ ту эпоху, когда дворянству еще удается отбить даже Столыпино-Щегловитовскія скромныя покушенія на устои сословного господства въ мѣстномъ судѣ и мѣстномъ самоуправлѣніи.

Всѣ другіе, приводимые Р—ковымъ въ защиту его теоріи факты (сближеніе правительства съ прогрессистами, к.-д. съ октябрьстами, неудачи образованія блока между октябрьстами и правыми) могли бы, конечно, разсматриваться, какъ симптомы того процесса развитія, который онъ проводитъ. Но для этого они должны были быть... „дѣйствительными происшествіями“. Ибо трудно придумать болѣе фантастические „факты“, чѣмъ тѣ, которые противъ В. Ильина и насы привидѣть Р—ковъ. Какіе то слухи о будущемъ приближеніи правительства къ прогрессистамъ въ то время, какъ правительство движется по линіи - отъ октябрьстовъ къ националистамъ, а теперь къ союзу послѣднихъ съ крайними правыми! Какія то отдѣльныя сообщенія о несостоявшемся блокѣ октябрьстовъ съ правыми, когда ежедневно газеты сообщаютъ о рядѣ налаживающихся избирательныхъ предириятій по объединенію всей реакціи—отъ Пуришкевича до Гучкова! Киваніе на появленіе „прогрессистовъ“, какъ на симптомъ приближенія оппозиціонной части имущихъ къ линіи компромисса съ „господами положенія“, тогда какъ во всѣхъ сообщеніяхъ объ этомъ „прогрессизмъ“ бывать въ глаза именно повсемѣстность отдѣленія экономически-прогрессивныхъ, далекихъ отъ демократіи, элементовъ, шедшихъ до сихъ поръ за „господами положенія“ и теперь вступающихъ съ ними въ избирательную борьбу, весь смыслъ которой: фактъ владѣнія противъ принципа сословности и привилегій! И т. д., и т. д.

Чтобы покончить съ этой стороной разсужденій нашего автора, надо замѣтить, что, будучи неправъ, когда онъ противъ Ильина защищаетъ свою концепцію соотношенія соціальныхъ силъ, онъ вполнѣ правъ, когда обходитъ вѣжливымъ молчаніемъ концепцію самого В. Ильина—Ленина о „двухъ путяхъ“—„prusскомъ“ и „американскомъ“. Ибо марксисту нечего дѣлать съ этимъ продуктомъ играющаго научными терминами словоблудія, въ сравненіи съ которымъ соціологическая построенія соціалистовъ—революціонеровъ являются и болѣе оригиналными, и менѣе пропитанными утопизмомъ. Н. Михайловскій и В. Черновъ думали, что они отдаютъ должное соціальному материализму, который они хотѣли сочетать съ идеализмомъ, когда, констатировавъ, что въ объективной дѣйствительности развиваются и враждебно сталкиваются два процесса—капитализма и „народнаго производства“, вслѣдъ затѣмъ объявляли, что „намъ“ остается только опредѣлить, какой изъ двухъ процессовъ выгоднѣе для трудящихся и, опредѣливъ, начать „совлекать“ Россію съ одного пути на другой. Ильинъ—Ленинъ констатировалъ, что въ нынѣшней дѣйствительности имѣются взаимно-противорѣчивыя тенденціи къ разрѣшенію основной проблемы хозяйственного развитія „по пруски“ или „по американски“; принеся это жертвоприношеніе Мамонъ материализма, онъ однимъ духомъ заключаетъ во славу бога идеализма: слѣдовательно, тѣ классы, которые заинтересованы въ „американскомъ“ рѣшеніи (по „случайному“ совпаденію, это тѣ самые классы, которые по Чернову, заинтересованы въ „рус-

скомъ" рѣшеніи преодолѣнія капитализма), должны поставить себѣ задачу совлечь реальное развитіе съ "prusскаго" на "американскій" путь. О томъ, что прежде чѣмъ обусловить собою ходъ событий, воля того или иного класса сама должна быть въ своемъ содержаніи и въ своей интенсивности обусловлена развивающейся дѣйствительностью, — что задачи, которая можетъ себѣ ставить классъ, опредѣляются не тѣмъ, что ему, вообще говоря, наиболѣе выгодно, а тѣмъ, что ему навязывается его положеніемъ въ развивающемся хозяйственномъ организмѣ; что поэтому, сдавленное между жерновами столыпинскаго землеустройства и развивающагося капитализма, крестьянство не можетъ противъ всей городской буржуазіи поставить себѣ и разрѣшить въ 20-мъ вѣкѣ завоеваніе диктатуры; что самое движение страны по "prusскому" пути видоизмѣняетъ и взаимоотношеніе отдѣльныхъ соціальныхъ силъ, и ихъ физіономію, и содержаніе ихъ классовой воли, и, слѣдовательно, не позволяетъ ихъ рассматривать подъ угломъ того ихъ общественного поведенія, которое было характернымъ для нихъ въ 1905 году, — обо всемъ этомъ бывшій марксистъ В. Ильинъ какъ будто не подозрѣваетъ.

* * *

Поясняя свое предложеніе объ образованіи общества защиты интересовъ рабочаго класса, Н. Р—ковъ заявляетъ, что нисколько не посягаетъ на идейную преемственность по отношенію къ соціалдемократіи, но, считаясь съ обстоятельствами, признаетъ необходиимъ "отказаться отъ прямого организаціонаго преемства". На нашемъ нынѣшнемъ жаргонѣ такая точка зрѣнія называется "ликвидаторствомъ": люди, которые не идутъ такъ далеко, какъ Н. Р—ковъ, и лишь допускаютъ, что обновленное цѣлое составится изъ организованныхъ остатковъ старого и нѣкоторыхъ новыхъ образованій, — эти люди были ославлены "ликвидаторами" и объявлены "внѣ партіи" — правда, объявлены субъектами, которые давнымъ давно сдѣлали себя невозможными для какой бы то ни было политической партіи, не только для соціалистической.

Однако, высказавъ столь "ликвидаторскія" мысли, Р—ковъ считаетъ необходиимъ отмежеваться отъ "ликвидаторства". Изъ этого "сложнаго" явленія онъ выдѣляетъ два момента. Во 1-хъ, тенденцію временнаго отказа отъ всякаго организаціонно-политического оформленія созрѣвающихъ въ рабочемъ движеніи активныхъ элементовъ, тенденцію къ сохраненію ихъ въ текущемъ состояніи, пригодномъ развѣ только для оторванныхъ политическихъ выступленій отъ случая къ случаю. Выраженіе этой тенденціи Р—ковъ нашелъ въ одной статьѣ Б. Богданова. Нельзя отрицать, что такая тенденція въ меньшевистскомъ (сокращеніемъ въ "ликвидаторскій") лагерѣ была; не знаю, можно ли будетъ найти ея замѣтные слѣды теперь, послѣ опыта послѣдняго года и послѣдніхъ мѣсяцевъ; въ нѣкоторомъ родѣ официально она была преодолѣна въ извѣстныхъ рѣшеніяхъ совѣщанія дѣятелей открытаго движенія въ началѣ прошлаго года, признавшихъ необходимость немедленнаго приступа къ построенію органовъ постояннаго политическаго дѣйствія. Какъ бы то ни было, поскольку эта тенден-

ція встрѣчалась, какъ выраженіе крайней реакціи противъ эсесовъ традиціоннаго организаціоннаго фетишизма и какъ пассивное приспособленіе къ „мизерії“ худшихъ лѣтъ застоя, Н. Р—ковъ правъ въ своей критикѣ ея, поскольку слѣды, пережитки ея могутъ сказываться теперь въ нѣкоторой тягѣ къ „кустарничеству“ въ организаціонной работѣ и политической дѣятельности, отъ этихъ пережитковъ движеніе должно отѣлаться. Не лише, во избѣженіе недоразумѣній, прибавить, что „кустарничество“ въ примѣненіи новыхъ методовъ работы не можетъ быть излечиваемо реставраціей стараго кустарничества кружковаго подполья...»

Далѣе, Р—ковъ выдѣляетъ другой, доступный ему, моментъ въ ликвидаторствѣ: „ларинско аксельродовское теченіе, имѣющее въ виду созданіе широкой рабочей партіи или рабочаго союза изъ существующихъ рабочихъ легальныхъ организацій—профессиональныхъ союзовъ, кооперативовъ, клубовъ и т. д.“.

Здѣсь уже Р—ковъ проявляетъ плохое знаніе дѣла и способенъ только запутать читателя. Ларинъ дѣйствительно пропагандировалъ въ 1907 г. „широкую рабочую партію“; ее отставали и нѣкоторые изъ писавшихъ по вопросу о „рабочемъ съѣздѣ“. Но, во 1-хъ, тотъ же Ларинъ мыслилъ себѣ эту „широкую партію“ составленной не только изъ професіональныхъ и кооперативныхъ обществъ, но и изъ тѣхъ—тогда насчитывавшихся десятками тысячъ—рабочихъ, которые входили въ ячейки демократизированной подпольной партійной организаціи—с. д. и с. р. Во вторыхъ, Аксельродъ, упоминаемый Р—ковымъ, не только не предлагалъ строить партію изъ кооперативныхъ и професіональныхъ союзовъ, но выступалъ противъ соответствующихъ тенденцій части „рабочесъѣздовцевъ“ къ образованію партіи типа Labour Party. Всѣ организаціонно-реформатскія предложения П. Б. Аксельрода, наложившія замѣтную печать на плодотворную, въ общемъ и цѣломъ, работу мысли нашихъ „ликвидаторовъ“, исходили изъ стремленія отобрать (не отрывая отъ массы) и сплотить въ политическую организацію передовыѣ, наиболѣе проникнутые классовой сознательностью, элементы открытыхъ рабочихъ организацій и временныхъ ихъ соединеній. И лишь слѣпой не видѣлъ, что такое объединеніе представляло бы гораздо болѣе однородный по степени соціалистической зрѣлости и по глубинѣ марксистскаго воспитанія слой пролетаріата, чѣмъ тотъ разношерстный конгломератъ рабочихъ и учащейся и буржуазной молодежи на разныхъ ступеняхъ политическаго развитія и соціалистической неразвитости, который представляла собою по необходимости и партійная организація съ того момента, какъ вынужденная „демократизироваться“ и расширяться за предѣлы, поставленные всякой подпольной организаціи самой ея природой, она заполнилась текучими элементами, совершенно случайно и безразборчиво выкачиваемыми изъ массы вербующимъ аппаратомъ ея строго оформленныхъ ячеекъ. На Аксельрода, слѣдовательно, Р—ковъ киваетъ совершенно напрасно, когда говоритъ объ „объединеніи рабочихъ, обладающихъ въ неодинаковой степени сознаніемъ классовыхъ интересовъ“.

Внѣ этихъ двухъ тенденцій Р—ковъ видѣть лишь „неуловимое“, „загадочное“ въ взглядахъ „Мартова, Дана и основнаго ядра“ такъ наз. „ликвидаторства“.

Что наше стремленіе ликвидировать соціалдемократію „неуловимо“—Р—ковъ совершенно правъ. Въ неуловимості уже давно убѣдились Ленинъ, Плехановъ и иные „ловцы“, которымъ до зарѣзу нужно было доказать нашу вредоносность, нашу близость къ ревізіонизму и къ реформизму и которые доказать этого не смогли—и не по недостатку усердія. Но мы собственно никому и не давали обязательства облегчить „уловленіе“ настъ въ дѣяніяхъ и мысляхъ, могущихъ послужить прямymi или косвенными уликами для обвиненія настъ въ стремленіи ликвидировать соціалдемократію. Поэтому, досада Н. Р—кова на нашу „неуловимость“ и „неясность“, которая вызываютъ въ немъ впечатлѣніе „что люди въ нерѣшимости беспомощно топчутся на одномъ мѣстѣ“, настъ только забавляетъ. „Я не знаю, положенія, худшаго для политическихъ дѣятелей“, пишетъ Н. Р—ковъ. Я знаю, по меньшей мѣрѣ, одно худшее: положеніе, въ которое попалъ Р—ковъ, когда, в олю съ „ликвидаторствомъ“, предложилъ такой „планъ“, который мы, „ликвидаторы“ должны были устами редакціи „Н. Зари“ назвать попыткой запрѣтить партію подъ псевдонимомъ и который „антиликвидаторами“ былъ объявленъ послѣднимъ словомъ ликвидаторства.

На справедливое замѣчаніе редакціи „Н. З.“ о томъ, что предлагаемое имъ „общество защиты интересовъ рабочаго класса“—еще не партія, Р—ковъ отвѣтчикъ упрекомъ въ тяготѣніи къ организаціонной „расплывчатости“. Такъ ли это, однако?

Безъ основательной ломки правовыхъ условій, созданныхъ контрь-революціей, реализація въ сколько-нибудь удовлетворительной мѣрѣ лозунга борьбы за открытую партію невозможна. И когда Р—ковъ, въ числѣ средствъ борьбы за открытую политическую организацію, указываетъ: „фактическое осуществленіе послѣдней даже при отказѣ отъ регистраціи“, онъ самъ между моментомъ начала агитациіи и моментомъ ея увѣнчанія ставить нѣчто, по терминології, крайне „расплывчатое“: ибо согласитесь что „фактически осуществляемая“ при условіяхъ сегодняшняго и завтрашняго момента организація лишь очень несовершенно можетъ отвѣтить представленію Р—кова о дѣйствительно-открытой, и дѣйствительно-соціалдемократической, и дѣйствительно пролетарской массовой организаціи. Очевидно, что если подъ „обществомъ“ Р—кова понимать сколько нибудь организованную и централизованную классовую партію, ее надо завоевать процессомъ долгой и сложной борьбы, субъектомъ которой должно быть нѣчто, далекое отъ этой нормальной организаціи. Что-же можетъ быть субъектомъ этой борьбы? Этимъ субъектомъ можетъ быть лишь, по выражению редакціи „Н. З.“, „партія, какъ слагающеся цѣлое“, въ видѣ отдѣльныхъ органовъ политического дѣйствія, тѣсно между собой связанныхъ идѣйно, возможно болѣе при данныхъ условіяхъ тѣсно связанныхъ и взаимно координированныхъ организаціонно, причемъ эта послѣдняя связь будетъ по необходимости болѣе свободной, болѣе loose, менѣе формально централизующей, чѣмъ это было бы нужно съ точки зрѣнія нормального партійнаго организма.

И въ числѣ такихъ постоянныхъ органовъ политического дѣйствія могли бы сыграть свою роль и „общества“ намѣченнаго Р—ковымъ типа, не въ видѣ общества, воплощающаго рабочую партію, которая рисковала бы быть партіей „укороченной“ классовой борьбы, а въ видѣ новыхъ аванпостовъ рабочей партіи на сценѣ открытой политической дѣятельности.

Резюмируемъ:

Если Р—ковъ предлагаетъ намъ давнишній лозунгъ борьбы за открытую рабочую партію реализовать въ борьбѣ за легализацію соціалдемократического по существу политического рабочаго общества,—мы, „ликвидаторы“, не идемъ съ нимъ: ибо на данной стадіи разложенія контрь-революціоннаго режима не имѣется еще предпосылокъ для функционированія такого общества-партіи въ рамкахъ этого режима и его осуществленіе могло бы быть въ лучшемъ случаѣ достигнуто лишь цѣнной не формальналии лишь, а дѣйствительного съуженія задачъ и искаженія методовъ борьбы „укрывающейся за псевдонимъ“ партіи.

Если Р—ковъ, не задаваясь утопической или оппортунистической задачей вмѣстить въ соціалдемократію и все въ дѣятельности соціалдемократіи въ рамки мыслимаго въ ближайшій періодъ легализованнаго общества, предлагаетъ развернуть борьбу, ведущуюся рабочими за открытое проявленіе классового движенія, въ борьбу за легализацію или за допущеніе опредѣленно-политическихъ обществъ,—мы всецѣло съ нимъ и считаемъ эту борьбу не только полезной для дѣла политического воспитанія рабочаго класса, не только могущей сопровождаться извѣстнымъ непосредственнымъ успѣхомъ, но и ведущей наиболѣе вѣрнымъ путемъ къ конечному завоеванію права и возможности открытаго функционированія партіи, какъ нормально функционирующаго и единаго организма политического дѣйствія.

То есть: борьба за частичную легализацію политической самодѣятельности рабочаго класса есть важнѣйшая составная часть борьбы за ея легализацію въ полномъ объемѣ, неразрывно связанную съ значительной демократизаціей общественного строя.

Л. Мартовъ.

Новѣйшія выступленія германскаго ревизіонизма.

(По поводу брошюра Эд. Бернштейна и Гергарда Гильдебрандта).

Появившаяся осенью 1911 года брошюра Бернштейна „Отъ секты къ партії“ представляетъ себой попытку обрисовать эволюцію, которую продѣлала германская соц.-дем. партія въ области основныхъ принциповъ своей дѣятельности. Сектой была, по его мнѣнію, соціалдемократія въ то время, когда, въ лицѣ Либкнекта, тогда еще депутата рейхстага Сѣверо-германскаго Союза, заявляла, что, „борьба въ парламентѣ есть призрачная борьба, комедія... Соціаль-демократія ни при какихъ обстоятельствахъ и ни на какой почвѣ не должна всступать въ

сношенія и переговоры съ противникомъ... столкновываться съ принципіальными противниками—это значитъ приносить въ жертву свои принципы”—и соотвѣтственно этому ограничивалась политикой демократически-революціоннаго протеста; партіей она стала тогда, когда болѣе тѣсная связь ея съ рабочимъ классомъ заставила ее обратить преимущественное вниманіе на такъ называемую „реальнуу политику“—на активную парламентскую, коммунальную, экономическую работу. Съ гордостью приводитъ Бернштейнъ цифры, рисующія колоссальный ростъ численности и материальной устойчивости партіи; число соціалъ-демократовъ—членовъ рейхстага, ландтаговъ, городскихъ и земскихъ гласныхъ, членовъ промысловыхъ судовъ, страховыхъ учрежденій и т. д.; но особенно гордо звучитъ его утвержденіе, что соціалъ-демократія и есть настоящая „имперская“ партія, преслѣдующая не какіе либо частные интересы, а интересы германскаго государства и народа. „Въ настоящее время“, говоритъ онъ, „и въ законодательствѣ, и въ управлѣніи фактически необходима партія, которая не была бы связана въ своихъ решеніяхъ и шагахъ интересами собственности или какихъ-либо отжившихъ учрежденій“ *) и такой партіей является, по его мнѣнію, именно соціалъ-демократія. Желая стать рабочей партіей, соціалъ-демократія стала партіей народной. Когда она была еще сектой, она ставила себѣ задачей завоеваніе государственной власти для совершенія соціального переворота; теперь, благодаря демократизаціи государства, она борется за усиленіе государственной власти, какъ политической, такъ и экономической, являясь сторонницей государственного страхованія и перехода въ руки государства крупныхъ общеполезныхъ предпріятій. Пропитываніе государства соціализмомъ—вотъ чѣмъ представляется Бернштейну совершающейся передъ нами процессъ соціального развитія. Въ доказательство онъ приводить то мѣсто „Коммунистического Манифеста“, где перечисляются мѣры, подлежащія осуществленію въ переходный моментъ диктатуры пролетаріата, указывая, что нѣкоторыя изъ нихъ осуществлены кое-гдѣ уже въ настоящее время... .

Вся брошюра Бернштейна—сплошной гимнъ этой эволюціи современного государства. Въ его изложеніи послѣднее рисуется въ видѣ какой-то вѣнчаной формы,—въ которую можно вложить какое угодно содержаніе, вплоть до соціалистического. Это абстрагированіе государственно-правовыхъ формъ, заслоняющихъ буржуазное общество съ его классовой структурой, доходитъ у Бернштейна до того, что и конечной цѣли соціалъ-демократіи онъ даетъ чисто-юридическую формулировку, совершенно отвлекаясь отъ экономического содержанія соціального переворота: „устраненіе всѣхъ классовыхъ привилегій и привилегій въ силу рожденія, включая сюда династическая права надъ народомъ, и уничтоженіе всѣхъ приобрѣтенныхъ правъ, поскольку они противорѣчатъ самосознанію народа“ **).

Переоцѣнкѣ тѣхъ возможностей, которыя открываютъ соціалъ-демократіи современныя государственные формы, соотвѣтствуетъ и нежеланіе констатировать обостреніе классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы. Приведя на стр. 41—42 данныя, указывающія на поразительно быструю пролетаризацію населенія, ростъ крупныхъ город-

*) „Отъ секты къ партіи“, стр. 43. Von der Sekte zur Partei.

**) Тамъ же, стр. 39.

скихъ центровъ и паденіе народно-хозяйственного значенія земледѣлія, Бернштейнъ въ особомъ приложеніи повторяетъ свои прежнія возраженія противъ изображенія развитія капиталистического общества, которое дано въ „Эрфуртской программѣ“. Въ его схемы не укладываются ни феодализація промышленности ни тѣ острѣе конфликты труда и капитала, свидѣтелями которыхъ мы были въ послѣдніе годы, ни тѣ изысканно-жестокія мѣры, которыя принимаются предпринимателями для подавленія рабочаго движения и уничтоженія рабочихъ организацій. А борьба государства-предпринимателя со своими служащими, или вмѣшательство его въ экономические конфликты, готовящійся въ Германии походъ противъ права коалицій—какія это все прекрасныя иллюстраціи къ теоріи о пропитываніи государства соціализмомъ...

Соответственно своей общей точкѣ зрѣнія, Бернштейнъ видитъ корень разногласій между радикалами и ревизіонистами (или реформистами, какъ онъ предпочитаетъ называть ихъ) не въ общихъ теоретическихъ предпосылкахъ. Онъ заключается, по его мнѣнію, въ не-примиримомъ отношеніи радикализма къ государству. Согласно установившимъ традиціямъ ревизіонизма, Бернштейнъ излагаетъ точку зрѣнія „ортодоксовъ“ такъ, что положенія, въ которыхъ послѣднія видятъ диктуемую всѣмъ ходомъ развитія историческую необходимость (обостреніе классовыхъ противорѣчій, вырываніе реформъ, диктатура пролетаріата и т. п.) представляютъ какъ цѣль, которую они себѣ сознательно ставятъ. Онъ обвиняетъ ихъ въ томъ, что они стоять какъ бы вънѣ государства, желая побороть его извнѣ, и тѣмъ самыми впадая въ непримиримое противорѣчіе съ дѣйствительной партійной дѣятельностью. Ни на шагъ не отступая отъ своей принципіальной позиціи, с.д. партія боролась и борется противъ капиталистического государства, но борется изнутри, внутри его собственныхъ учрежденій, обращая противъ него созданное имъ же самимъ оружіе. Та борьба за непосредственный улучшенія, которую Бернштейнъ считаетъ альфой и омегой соціаль-демократической работы, всегда служила для германской соц.-демократіи исходнымъ пунктомъ ея дѣятельности. Она умѣетъ цѣнить конкретныя завоеванія въ сторону демократизаціи государственного строя и улучшенія соціального законодательства, подчиняя свою борьбу за нихъ высшей принципіальной точкѣ зрѣнія. Эта точка зрѣнія продиктовала ей и ея голосованіе противъ новѣйшаго имперскаго закона о страхованиі („Reichsversicherungsordnung“ 1911 г.), и ея позицію въ вопросѣ объ эльзасъ-лотарингской конституції, которая кажется Бернштейну несовмѣстимыми. Эта точка зрѣнія помогла германской соц.-демократіи теперь, послѣ выборовъ 12-го января, одной изъ всѣхъ политическихъ партій не опуститься до политического шахермахерства, до торга мандатами и въ ущербъ численному росту своей фракціи выдержать до конца основной тонъ избирательной кампаніи—„фронтъ противъ правыхъ“!. Она знаетъ, что потерянные мандаты окунутся сторицей, ростомъ морально-политического вліянія партіи. Она знаетъ, говоря словами Бернштейна, что „въ современномъ механизмѣ политическихъ партій необходимы силы, упорно работающія въ духѣ абсолютныхъ принципіовъ“ *) и что такой силой можетъ и должна быть партія пролетаріата.

Но высказавъ только что приведенное положеніе, Бернштейнъ

*) Тамъ же, стр. 67.

отводить этимъ абсолютнымъ принципамъ очень ограниченную область дѣйствія. Считая большинство политическихъ вопросовъ, напр. бюджетный, исключительно вопросами цѣлесообразности, подлежащими разрѣшенію независимо отъ какихъ-либо принципіальныхъ предпосылокъ, онъ для одного пункта дѣлаетъ исключеніе. Это — международная политика. Его аргументація настолько интересна, что мы приведемъ ее почти цѣликомъ:

„Въ рядахъ соц.-демократовъ реформистовъ есть крыло... исходящее изъ того мнѣнія, что мы еще недостаточно далеко ушли въ сторону интернационализма, что въ большей части государствъ господами положенія еще являются националистические элементы, и что поэтому германская соц.-демократія должна если не прямо поддерживать военные и морскія вооруженія, то все же относиться къ нимъ благожелательнѣй, чѣмъ сейчасъ. Представители этого возврѣнія не относятся также рѣзко отрицательно къ покровительственной таможенной политикѣ Германіи. Другое же крыло реформистовъ въ этихъ вопросахъ „ортодоксально“. Не надо думать, что они совершенно иначе оцѣниваютъ фактическое положеніе дѣль. Они не были бы реформистами, если бы не понимали, что все въ мірѣ относительно, что разоруженіе требуетъ времени, а свобода торговли не панацея. Но что удерживаетъ ее отъ того, чтобы руководствоваться въ этихъ вопросахъ такими соображеніями, это мысль, что здѣсь дѣло идѣтъ о специальной миссіи современного рабочаго класса *). Всей совокупностью жизненныхъ условій рабочій классъ толкается на то, чтобы быть партіей свободного обмѣна и сношеній, партіей международного мира. И если бы партія поддалась противоположнымъ теченіямъ, она потеряла бы свой компасъ и перестала бы быть могущественнымъ факторомъ въ сложныхъ вопросахъ международныхъ отношеній... **).

Все это прекрасно сказано. Но дѣйствительно ли специальная миссія пролетаріата ограничивается тѣмъ, чтобы быть носителемъ международного мира? И не признаетъ ли самъ Бернштейнъ въ заключительныхъ словахъ своей книги, что историческая миссія рабочаго класса звачительно шире, чѣмъ пролетаріатъ, и только онъ одинъ, является носителемъ великаго идеала соціального и духовнаго раскрѣпощенія, соціальной и духовной свободы? А если это такъ, то и по отношенію къ такъ называемой внутренней политикѣ придется сдѣлать то, что сдѣлалъ Бернштейнъ по отношенію къ внѣшней: отказаться руководствоваться той точкой зрѣнія, что „все въ мірѣ относительно“ и признать, что партія пролетаріата, въ полномъ сознаніи исторической миссіи рабочаго класса, всегда и всюду должна „упорно работать въ духѣ абсолютныхъ принципіовъ“. Не какія либо отвлеченные истины имѣемъ мы тутъ въ виду; абсолютность должна пониматься здѣсь въ томъ смыслѣ, чѣмъ вся дѣятельность партіи должна быть подчинена высшей цѣлесообразности и исходить изъ историческихъ задачъ рабочаго класса.

И обратно: если, несмотря на освободительную миссію пролетаріата, возможно оппортунистическое разрѣшеніе имъ вопросовъ внутригосударственныхъ, то почему же дѣлать исключеніе въ вопросахъ международной политики? Дѣйствительно, нѣкоторые германскіе ревизіонисты нашли въ себѣ смѣлость и послѣдовательность сдѣлать и эту послѣднюю позицію, на которой укрѣпился Бернштейнъ. Такимъ смѣльчакомъ оказался Гергардъ Гильдебрантъ, авторъ брошюры: „Соціалистическая международная политика“ ***).

*.) Курсивъ Бернштейна.

**) Тамъ же, стр. 66—67.

***) Прим. ред.: Въ настоящее время поднять вопросъ объ исключenіи Гильдебранда изъ партіи за эту брошюру, противорѣчашую основамъ партійной программы и тактики.

Гильдебрандъ исходитъ изъ того положенія, что стремленіе великихъ державъ къ расширенію своихъ колоніальныхъ владѣній является для нихъ экономической необходимости. Послѣдняя создается тѣмъ, что въ индустріализованныхъ странахъ все болѣе растетъ спросъ на сырье материалы, поставляемые сельскимъ хозяйствомъ отставшихъ въ своемъ капиталистическомъ развитіи странъ и на продукты тропического и подтропического пояса, а удовлетвореніе этого спроса становится все затруднительнѣе. Индустріализація поставщиковъ Европы—Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатовъ, Канады, Россіи, Аргентины, Японіи—создаетъ въ этихъ странахъ внутренній рынокъ для ихъ собственныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и въ то же время ставитъ ихъ въ ряды потребителей тропическихъ и подтропическихъ продуктовъ. При этомъ происходитъ нечто вродѣ географического размежеванія: вывозъ, напр., Кубы, Вестъ-Індіи и южно-американскихъ государствъ все болѣе поглощается Соединенными Штатами, а вывозъ Индокитая, Филиппинъ и даже Индостана—восточно-азіатскими государствами (Японіей) и Австраліей. Такъ, съ начала нынѣшняго столѣтія въ Европу направляется не болѣе половины всего вывоза Британской Индіи; 19⁰⁹/₁₀ г., по сравненію съ 190⁸/₉, вывозъ ея въ Японію увеличился болѣе чѣмъ на 40%, въ Китай почти на 25%, въ Англію же менѣе, чѣмъ на 10%, а въ Германію даже абсолютно упалъ. Такая локализація вывоза естественно ведетъ къ такой же локализаціи ввоза, и западно-европейскому производству становится все труднѣе удержать за собой свои заокеанскіе рынки. Отсюда современный „Drang nach Afrika“ (стремленіе въ Африку) и стремленіе путемъ политического преобладанія закрѣпить за собой экономическую монополію, обеспечить какъ снабженіе своего производства сырьемъ, такъ и сбытъ своихъ фабрикатовъ и полуфабрикатовъ.

Гильдебрандъ полагаетъ, что особенно нуждается въ такомъ обеспеченіи Германія. Въ сравненіи съ колоніальными владѣніями Бельгіи и Голландіи, Англіи и Франціи, ея колоніи непомѣрно малы. Такая экономически отсталая страна, какъ Португалія, обладаетъ колоніями, равняющимися 22,58% ея европейской территории. Для Голландіи то же отношение выражается въ 61,84%, Бельгіи—80,90%, Франціи 12,86%, Германіи же всего 4,91%. Въ то же время импортъ въ Германію изъ тѣхъ странъ, которые являются для нея поставщиками сырья, главнымъ образомъ изъ С.-А. Соедин. Штатовъ, за послѣднее десятилѣтіе почти не возросъ. Сейчасъ главнымъ поставщикомъ Германіи является Россія, но врядъ ли она долго имъ останется. Еще хуже то, что какъ разъ главные поставщики Германіи являются плохими потребителями произведеній ея промышленности, а въ будущемъ эта дисгармонія грозить стать еще рѣзче: Германіи придется обращаться за сырьемъ въ Южную Америку, Африку, Азію, а эти рынки уже захвачены Англіей, Франціей, Бельгіей. „Что будетъ съ нашимъ вывозомъ, нашей промышленностью“, восклицаетъ Гильдебрандъ, „если въ Абиссиніи и въ Марокко, въ португальской Африкѣ и въ Турціи, въ Персіи и въ Сіамѣ и, наконецъ, въ Австралазіи, Англія, Франція и Россія пользуютъ своимъ политическимъ вліяніемъ, не дадутъ намъ возможности, на основѣ равнаго благопріятствованія, завоевывать для нашего вывоза новые рынки!“ *).

*) „Соц. международная политика“, стр. 37. („Sozialistische Auslandspolitik“).

Поэтому Гильдебрандъ признаетъ политику Германіи, направленную на завоеваніе африканскихъ рынковъ, правильной, а желаніе Англіи и Франціи оттѣснить ее отъ нихъ — вониющей несправедливостью. Онъ призываетъ соціалистическую партіи отказатьться отъ своего прежняго принципіально-отрицательного отношенія ко всякой колоніальной политикѣ, понять, что это есть вопросъ экономического прогресса, а въ частности для Германіи вопросъ жизни и смерти. Германскіе рабочіе, по его мнѣнію, такъ же заинтересованы въ успѣхѣ колоніальныхъ притязаній Германіи, какъ и капиталисты:

„Поскольку въ настоящее время наше существованіе поконится на частно-хозяйственномъ приобрѣтеніи и использованіи средствъ производства и производительныхъ силъ, интересы рабочихъ требуютъ расширенія области приложения капитала... Внутри государства это цѣляется само собой, вѣдь его необходимо нѣкоторое содѣйствіе государственной власти. Лишь поскольку послѣдней удастся отстоять равноправіе нашего капитала, возможно уничтоженіе задерживающихъ нашъ вывозъ преградъ. Рабочіе заинтересованы въ томъ, чтобы это было сдѣлано, лишь бы примѣнялись умѣстныя средства“ (*).

Вопросъ именно въ средствахъ, а не въ цѣли. Соціалистическая международная политика, также, какъ и политика господствующихъ классовъ, должна стремиться къ подчиненію европейскому капитализму тѣхъ областей, которая неспособны къ самостоятельному развитію. Но мѣсто свободного соперничества державъ, источника постоянныхъ недоразумѣній, столкновеній и опасныхъ конфликтовъ, должно занять соглашеніе, въ основу которого легъ бы принципъ равномѣрнаго распределенія колоніальныхъ владѣній и сферъ вліянія, соответственно экономическимъ потребностямъ каждой изъ договаривающихся сторонъ. Гильдебрандъ тутъ же излагаетъ проектъ такого соглашенія, причемъ оказывается, что тѣ африканскія области, вокругъ которыхъ идетъ сейчасъ споръ, по справедливости должны достаться Германіи и Италии, а Франція и Англія могутъ вознаградить себя за счетъ... португальскихъ колоній.

Какъ видите, справедливость Гильдебранда нѣсколько своеобразна. Но не въ этомъ слабая сторона его разсужденій. Попытка построить „соціалистическую международную политику“ вполнѣ понятна и законна. Законно желаніе не ограничиваться болѣе афоризмомъ о неизбѣжной связи колоніальныхъ авантюръ съ капиталистическимъ строемъ, а использовать политический вѣсъ и мѣщь пролетаріата для достижения и въ этой, заповѣдной до сихъ поръ области, реального успѣха, реальныхъ улучшеній. Подавляющее большинство нашихъ соціальныхъ языковъ создано капиталистическимъ строемъ и исчезнетъ лишь съ его гибелюю, но соціалъ-демократія давно покинула по отношенію къ нимъ политику голаго протеста; не пора ли сдѣлать это и здѣсь? Однако, какъ разъ съ этой точки зрѣнія Гильдебрандовская „соціалистическая международная политика“ безусловно не выдерживаетъ критики. Это утопія, въ корнѣ противорѣчащая самымъ основнымъ тенденціямъ развитія капиталистического общества, и какъ-то странно даже видѣть, что она вышла изъ-подъ пера одного изъ наиболѣе „трезвыхъ“ ревизіонистовъ. Гильдебрандъ самъ признаетъ, что „Drang nach Afrika“ вытекаетъ изъ присущаго капиталистическому производству стремленія къ безграничному расширенію, не считаясь ни со своимъ базисомъ, ни съ размѣрами потребленія. Всякое договорное распределеніе колоній является попыткой положить предѣлъ такому расширенію и поэтому

*) Тамъ же, стр. 38.

обречено на неудачу. Правда, Гильдебрандъ и самъ не допускаетъ мысли, чтобы промышленный и финансовый капиталъ добровольно пошель на такое самоограниченіе: добиться этого долженъ пролетариатъ путемъ организованнаго давленія. И развѣ мы не видѣли, какъ такое давленіе неоднократно давало желательные результаты? развѣ мы не были, лѣтомъ 1911 г., свидѣтелями того, какъ наиболѣе энергичнымъ факторомъ, приведшимъ къ мирному разрѣшенію мароккскаго конфликта, оказалось Международное Соціалистическое Бюро? Но въ томъ то и дѣло, что то организованное давленіе, которое имѣетъ въ виду Гильдебрандъ, рѣзко отличается отъ „голаго протesta противъ воинствующаго шовинизма и декламацій о мирѣ во что бы то ни стало“ (такими словами онъ характеризуетъ настоящую тактику международнаго пролетариата). Онъ предлагаетъ германскому пролетариату не стоять надъ борющимиися сторонами, какъ было до сихъ поръ, а при мнуть къ одной изъ нихъ и энергично протестовать противъ германофобской политики Англіи, заявляя:

„Мы за миръ, но только за миръ, признающій равноправіе колоніальныхъ притязаній всѣхъ странъ. Во имя будущности нашего народа, нашихъ дѣлъ мы обязаны настаивать на обезпечении колоніями обѣденныхъ народно-хозяйственныхъ организмовъ, и мы добьемся этого, какъ велики бы ни были препятствія и кѣмъ бы они намъ ни ставились“. *)

Гильдебрандъ, повидимому, полагаетъ, что такое заявленіе произвело бы магическое дѣйствіе на недруговъ Германіи. Мы думаемъ, что стоитъ только германской соціалъ-демократіи взять такой тонъ—и международное рабочее движеніе перестанетъ быть факторомъ мира, и осуществленіе „соціалистической международной политики“ больше, чѣмъ когда-либо окажется несбыточной утопіей. Секретъ огромнаго вліянія пролетариата, въ качествѣ сдерживающей и охлаждающей воинственный пыль силы, заключается именно въ томъ, что онъ, стоять надъ борющимиися сторонами, что ни одна изъ отстаиваемыхъ послѣдними комбинацій не соответствуетъ его интересамъ и поэтому ни одна изъ нихъ не можетъ разсчитывать на его поддержку. Онъ является умиротворяющей силой лишь постольку, поскольку противополагаетъ себя, всѣмъ соперникамъ, какъ крѣпко спаянное цѣлое, каждый членъ котораго дорожитъ единствомъ этого цѣлого больше, чѣмъ тѣмъ клюкомъ добычи, который могъ бы достаться ему въ международной грызни. Какъ бы ни иронизировали надъ интернаціонализмомъ соціалъ-демократіи, надъ пролетарской солидарностью, но она—именно является умиротворяющей силой, она заставляетъ господствующіе классы избѣгать европейской войны и волей неволей вырабатывать тотъ или иной modus vivendi. Заявленіе, подобное тому, которое Гильдебрандъ влагаетъ въ уста германскому пролетариату, развязываетъ имъ руки. Правда, германское правительство, имѣя на своей сторонѣ германскій пролетариатъ, готовый отстаивать колоніальное равноправіе Германіи „какъ велики бы ни были препятствія и кѣмъ бы они ни ставились“, становится вдвое и втрое сильнѣе; но отчего бы англійскому и французскому пролетариату не проникнуться тогда тѣми же взглядами? Вѣдь не станетъ же Гильдебрандъ отрицать, что соперничество Англіи съ Германіей является для первой такимъ же неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ея экономического развитія, какъ и для послѣдней, что опасность „задохнуться въ собственномъ жиру“ въ гораздо большей степени грозитъ хозяйственному организму Англіи, чѣмъ Германіи.

*) Тамъ же, стр. 62—63.

Но намъ думается, что Гильдебрандъ не такой ужъ большой утопистъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Онъ прекрасно понимаетъ, что и международное распределеніе колоній и общеевропейскій таможенный союзъ, о которомъ онъ мечтаетъ, такое же далекое и призрачное будущее, какъ всеобщее разоруженіе и вѣчный миръ. Все это для него лишь прекрасная декорація, а квинтъ-эссенція его „соціалистической международной политики“ заключается въ приведенномъ выше „заявлениі“, въ предложеніи признать тожество интересовъ германского капитала и германского народа.

„Тогда“ говорить онъ (т. е. въ случаѣ заявленія германской соціалъ-демократіи о своей готовности отстаивать колоніальную притязанія Германіи), „и широкіе слои германского народа, враждебно относящіеся къ рабочему движению, но все же желающіе культурного подъема рабочихъ, рѣшатся на болѣе тѣсное и продолжительное политическое сближеніе съ рабочимъ движениемъ. Если же германскіе рабочіе-соціалисты не сдѣлаютъ необходимаго шага, то сами будутъ виноваты въ томъ, что не приобрѣтутъ довѣрія въ тѣхъ слояхъ народа, въ союзѣ съ которыми только и можетъ создаться демократическое большинство и надолго должны будутъ довольствоваться ролью партіи меньшинства“. ¹⁾

Въ этихъ словахъ мы узнаемъ Гильдебранда—ревізіониста, узнаемъ послѣдователя Бернштейна. Цѣнной отказа отъ международной солидарности пролетаріата, цѣнной поддержки имперіалистическихъ тенденцій германской государственной власти онъ желаетъ привлечь на сторону соціалъ-демократіи націоналистически настроенные элементы народа, поставить ее во главѣ образовавшагося такимъ путемъ демократического (?) большинства. Это—характерная для ревізіонизма тоска по большинству, желаніе пріобрѣсти это большинство сейчасъ же, еще въ рамкахъ капиталистического государства осуществить своего рода гегемонію пролетаріата. Какъ мы видѣли, Бернштейнъ признаетъ отказъ отъ принципа международной солидарности, отъ миротворческой миссіи пролетаріата слишкомъ дорогой цѣнной. Гильдебрандъ готовъ заплатить ее. Онъ „plus royaliste que le roi m me“ и не на словахъ только, а на дѣлѣ, по цѣлому ряду вопросовъ, показываетъ, что не считаетъ необходимымъ руководствоваться въ области международной политики тѣмъ, что „Бернштейнъ называетъ абсолютными принципами“. Мы уже видѣли, что онъ предлагаетъ Англіи и Франції справедливое вознагражденіе за счетъ португальскихъ колоній. Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ поведеніе Германії, не воспользовавшейся въ 1901 г. китайскими смутами для укрѣпленія своихъ позицій на Тихомъ Океанѣ, „непростительной ошибкой, вызванной боязью вѣсть какими личными свойствами и неумѣстной нерѣшительностью германского правительства“. ¹⁾ И, наконецъ, персидскія дѣла вызываютъ у него такую тираду:

„Если соглашеніе зап. европейскихъ державъ на соціалистической основѣ не состоится, то Германія сама по себѣ или въ рамкахъ тройственного союза не имѣтъ никакихъ оснований изъ-за Персіи впутываться въ непріятности съ Россіей. Если только Россія оставитъ въ покое Турцію и представитъ германской торговлѣ, особенно по окончаніи сооруженія проектируемыхъ желѣзно-дорожныхъ линій, полную свободу, то пусть дѣлаетъ въ Персіи, что ей заблагорассудится. Своя рубашка ближе къ тѣлу, и если Англія по-прежнему будетъ противодѣйствовать всякому расширенію германской сферы вліянія, то пусть справляется одна... Россія намъ тогда ближе Англії“. ¹⁾

Мы привели эти разсужденія для того, чтобы показать, какъ далеко можетъ зайти соціалистъ, разъ отказавшійся отъ основного прин-

¹⁾ Тамъ же, стр. 63.

¹⁾ Тамъ же, стр. 50.

¹⁾ Тамъ же, стр. 54.

ципа соціалистичної тактики—всякій своїй шаґъ, всяку ближайшу цѣль подчинять интересамъ конечной цѣли движенія. Напрасно Бернштейнъ старается возвести искусственную перегородку, по одну сторону которой можно отказаться отъ „абсолютныхъ принциповъ“, можноходить ко двору, вотировать милитаристический бюджетъ, по другую же нужно свято соблюдать строгую ортодоксальность; его соратниковъ эта перегородка не остановитъ. Если реальная политика (въ Бернштейновскомъ смыслѣ) дѣйствительно такъ важна, если въ результатахъ ея современное государство можетъ безъ помощи соціальної революціи пропитаться соціализмомъ, то отчего же отказываться отъ шага, который дастъ соціалъ-демократіи положеніе гегемона новаго демократитескаго большинства?

Брошюра Гильдебранда появилась до январьскихъ выборовъ. Соц.-демократическая партія не послѣдовала его совѣту, не взяла колоніальныхъ притязаній Германіи подъ свое крыльшко—и врядъ ли ей приходится въ этомъ раскаиваться. Ея платформа—безусловный миръ во вѣнѣ, соціальный прогрессъ внутри, непримиримая война со всѣми врагами труда и культуры—оказалась достаточной, чтобы привлечь къ ней прочное довѣріе огромной части германского народа. Исходъ выборовъ показалъ, что германская соціалъ-демократія, не переставая быть классовой партіей пролетаріата, дѣйствительно стала истинно народной партіей, что будучи въ меньшинствѣ, она все же держитъ въ своихъ рукахъ нити политического и соціального прогресса Германіи—во славу своихъ „абсолютныхъ принциповъ“.

А. Семенова.

Інострannое обозрѣніе.

Избирательныя недоразумѣнія.

(Письмо изъ Германіи).

Избирательная тактика всегда была однимъ изъ самыхъ запутанныхъ и трудныхъ партійныхъ вопросовъ. Даже у германской с.-демократіи, которая всегда умѣеть стоять на принципіальной позиції, она вызывала сильная разногласія. Послѣдняя выборная кампанія также повела за собою ожесточенные споры, окончаніе которыхъ нужно ожидать только осенью, на ближайшемъ партійномъ съѣздѣ въ Хемницѣ. На этотъ разъ стороной, на которую обрушилась критика, является... правленіе партіи. Разыгравшійся инцидентъ интересенъ не только для нѣмецкой публики, такъ какъ затрагиваетъ рядъ общихъ вопросовъ: поведеніе на перебаллотировкахъ, обѣ обостреніи классовыхъ противорѣчій, о подталкиваніи части буржуазіи въ вѣтъ и т. п. Суть этого инцидента такова.

12 января происходили выборы въ рейхстагъ. С.-д. получили $4^{1/4}$ мил. голосовъ, но смогли приобрѣсти только 63 мандата; прогрессисты не смотря на свои $1^{1/2}$ мил. голосовъ, не провели ни одного депутата; въ половинѣ избирательныхъ округовъ предстояли перебаллотировки. Ясно, что составъ, будущаго парламента долженъ быть опредѣлиться только на перебалло-

тировкахъ. Уже на следующий день, 13 января, правление партии прогрессистовъ обратилось къ с.-д. съ предложениемъ вступить въ соглашение. Переговоры затянулись на 4 дня, за это время правление с.-д. партии было наводнено запросами изъ округовъ, какой тактики держаться. Наконецъ на пятый день отвѣты были разосланы, причемъ въ 16 округахъ, где с.-д. кандидатъ шелъ въ перебаллотировку съ прогрессистомъ, телеграмма правления гласила: прекратить всякую агитацию, не устраивать больше предвыборныхъ собраній, не распространять листковъ, разрѣшалось только въ день выборовъ, около избирательныхъ помѣщений раздавать записки съ фамилией с.-д. кандидата. Какъ не показалась необычайной и странной эта телеграмма, но желѣзная дисциплина одержала верхъ, только въ одномъ округѣ изъ получившихъ такой приказъ, мѣстная организація вмѣстѣ съ прекращениемъ агитации сняла и партійную кандидатуру, такъ что с.-д. здѣсь въ перебаллотировкѣ не участвовали. Во всѣхъ остальныхъ округахъ, где шла борьба между правительстеннымъ блокомъ и либералами, правление, согласно резолюціи, принятой на партійномъ съездѣ въ Іенѣ, предлагало поддержать прогрессистовъ безусловно, остальныхъ либераловъ—если они примутъ минимальные требования; черно-голубому блоку рекомендовалось не давать ни одного голоса.

Въ особомъ циркуляре правление сообщало, что состоялось предвыборное соглашеніе съ прогрессистами, о чёмъ оно проситъ пока не разглашать, и что подробное объясненіе будетъ дано послѣ выборовъ. Перебаллотировки давно окончились, принеся с.-д. крупный успѣхъ: еще 47 депутатскихъ мѣстъ, но правление молчало и не давало объясненныхъ разъясненій. Тогда изъ рядовъ партіи начались раздаваться голоса протеста. Сперва въ печати (особенно Роза Люксембургъ) по томъ на партійныхъ собраніяхъ въ Бременѣ, Гамбургѣ и подъ Берлиномъ была высказана рѣзкая критика по поводу невиданного еще въ германской соціал-демократіи соглашенія. Наоборотъ, въ „Vorwärts“ Каутскій взялъ на себя трудную задачу защищать проведенную тактику. Наконецъ выступило со своими разъясненіями и правление. Оно воспользовалось собраніемъ берлинской организаціи, на которомъ должна была обсуждаться резолюція, выражавшая сожалѣніе по поводу соглашенія, и послало туда одного изъ представителей—Гаазе, старого, всѣми уважаемаго секретаря Молькенбура и молодого секретаря Брауна. Противъ правления выступили здѣсь Р. Люксембургъ, Ледебуръ, Штадтагенъ и друг. Позиція Каутскаго въ „Vorwärts“ была такова. Во время выборовъ мы ведемъ пропаганду за наши цѣли противъ всѣхъ буржуазныхъ партій безъ исключенія, даже въ тѣхъ округахъ, где у насъ нѣтъ никакой надежды выиграть депутатское мѣсто; на перебаллотировкахъ идеть борьба изъ-за мандатовъ, и наша задача при этомъ заключается въ томъ, чтобы изъ всѣхъ враговъ, противъ которыхъ мы только что воевали, выбрать одного, который является для насъ наименѣшимъ зломъ или который согласится на взаимную поддержку. Мы должны участвовать въ перебаллотировкахъ, съ одной стороны потому, что для общаго политического положенія и для нашей классовой борьбы въ особенности очень важно, побѣдить ли правительство или оппозиція, реакція, стремящаяся силою задавить развитие пролетаріата, или партіи, не ставящія себѣ такой цѣли. Съ другой стороны далеко не безразлично, сколько мѣстъ въ парламентѣ мы сами завоюемъ. Пусть наша законодательная работа не играетъ круп-

ной роли, но даже ея чисто агитационное значение будеть больше при большемъ количествѣ депутатовъ. Даље мы импонируемъ массъ, далеко стоящей отъ с.-д., не нашими конечными цѣлями, а нашей силой, а эту силу индифферентная масса, не знающая статистики, видить не въ числѣ поданныхъ голосовъ, а въ числѣ одержанныхъ побѣдъ, т. е. завоеванныхъ мандатовъ. Такимъ образомъ, принципіально вопросъ о необходимости участвовать въ перебаллотировкахъ не подлежитъ сомнѣнію и не вызываетъ критики, нападки вызвало данное конкретное соглашеніе. Для того чтобы оцѣнить, поскольку эти нападки правильны, надо разсмотрѣть общее политическое положеніе, создавшееся передъ выборами.

Изучая данныя о выборахъ за послѣднія 25 лѣтъ, мы видимъ, что результаты перебаллотировокъ для с.-д. прогрессивно ухудшались, и въ 1907 г. с.-д. одержали побѣду только въ 15% округовъ, въ которыхъ они участвовали въ перебаллотировкахъ. Отдѣльные течения буржуазіи, повидимому, по мѣрѣ роста соціалъ-демократіи, все больше объединялись противъ общаго врага. Поэтому велико было наше изумленіе, когда немедленно же послѣ нашей блестящей побѣды 12 января прогрессисты сами обратились къ намъ съ предложеніемъ о взаимной поддержкѣ. Вмѣсто испуга и перехода на сторону реакціи они выразили желаніе перейти на нашу сторону. Былъ ли это простой избирательный маневръ, надежда добиться такимъ способомъ возможно большаго количества мандатовъ?—Никоимъ образомъ. Прогрессисты свободно могли расчитывать, что реакціонныя партіи будутъ голосовать за нихъ противъ с.-д., какъ за меньшее зло, а въ поддержкѣ с.-д. они были увѣрены послѣ Іенского партійнаго съѣзда. Наоборотъ этимъ своимъ шагомъ они отталкивали реакціонеровъ, давали тѣмъ оружіе противъ себя. Такимъ образомъ, объясненіе поведенія прогрессистовъ надо искать совсѣмъ въ другомъ. Каутскій думаетъ, что причина лежить въ новомъ либерализмѣ, новомъ среднемъ сословіи *).

Новый либерализмъ интеллигенціи и служащихъ въ предпріятіяхъ воодушевляется успѣхами соціалъ-демократіи, дѣлается благодаря этимъ успѣхамъ, радикальнѣе въ противоположность старому. Вполнѣ опредѣленно поэтому можно сказать, что прогрессисты, заключая соглашеніе, гораздо больше ставили себѣ цѣлью пораженіе реакціоннаго блока, чѣмъ погоню за мандатами.

Что могло сулить соглашеніе с.-демократамъ? Мы тоже ставили себѣ цѣлью разрушить реакціонный блокъ, создать рѣшительно либеральное большинство и поставить правительство въ невозможность править вопреки волѣ оппозиціи. Мы могли бы пріобрѣсти болѣе 20 мандатовъ, и либерализмъ былъ бы безсиленъ безъ нашей поддержки; благодаря соглашенію, остальная буржуазнья партія стали бы во враждебное отношеніе къ прогрессистамъ и сдѣлалась бы безнадежной всякая попытка создать блокъ всей буржуазіи противъ с.-д., о чёмъ мечтаютъ и чего хотятъ реакціонеры. Такова была возможная ситуація, съ которой приходилось считаться.

Правда, намъ могутъ указать на примѣръ Франціи и Англіи, где рабочіе и либералы выступили совмѣстно противъ реакціи, а результаты получились печальные: не смотря на сильно развитую политическую жизнь, не смотря на то, что соціалисты дѣлались даже мини-

*) См. статью его, переведенную нами въ № 3 „Нашей Зари“ за 1912 г.

страми, рабочее движение развивалось тамъ очень слабо, и социалисты отъ соглашения не выиграли, а пожалуй только проиграли. Но почему это такъ?—Потому что и въ Англии и во Франціи сильная либеральная организация противостояла мало сплоченной рабочей партии, и послѣдняя превратилась въ либеральный придатокъ. Въ Германии, наоборотъ, въ первый разъ въ міровой исторіи явилась бы возможность либерально-социалистического большинства, въ которомъ преобладали бы с.-д., и это преобладаніе обуславливалось бы не только благодаря численному превосходству с.-д. депутатовъ, но гораздо больше благодаря сплоченности, единству и рѣшительности с.-д. партии.

Коренной ошибкой социалистовъ во Франціи и въ Англіи была политика блоковъ, соглашений съ либералами. Этой политикой социалисты связывали себя, принимая на себя всѣ либеральные грѣхи и не будучи къ состоянію рѣшительно выступать противъ своихъ буржуазныхъ союзниковъ. Въ рейхстагѣ, при германскихъ условіяхъ нечего было опасаться создания такого блока. Съ другой стороны, получи лѣвые большинство, значеніе соціаль-демократіи, какъ самой сильной лѣвой группы, возросло бы еще больше. Она стала бы центральнымъ пунктомъ всей германской политики, она сдѣлалась бы носительницей всѣхъ чаяній и ожиданій широкихъ массъ народа, и сила с.-д. агитации и пропаганды должна была бы неизмѣримо увеличиться.

Съ такими возможностями приходилось считаться при заключеніи соглашения. Онъ не осуществились. Но для политика, особенно для революціонера очень опасно сообразовать свою тактику съ результатами, которыхъ добился, а не съ возможностями, которыхъ заключались въ данной ситуациіи. Въ политикѣ, какъ на войнѣ, можно и должно считаться съ вѣроятностями, и кто хочетъ быть только безъ промаха, тотъ рискуетъ никогда не двинуться съ мѣста.

Въ данномъ случаѣ результаты не вполнѣ оправдали ожиданія, и лѣвая не получила рѣшительного большинства, но все-таки многое достигнуто. Прежде всего правая потеряла столько мандатовъ, что тоже не имѣть теперь прочного большинства: далѣе исходить перебаллотировокъ былъ очень благопріятенъ для с.-д., и с.-д. стали самой сильной фракціей въ рейхстагѣ. Наконецъ, с.-д. оторвали прогрессистовъ отъ реакціи и, благодаря соглашенію, отрѣзали имъ путь, по крайней мѣрѣ на первое время, къ переходу направо. Однимъ словомъ, безъ соглашенія с.-д. выиграли бы гораздо меньше, чѣмъ при соглашеніи.

Читатель видитъ, какъ широко и глубоко захваченъ Каутскимъ вопросъ съ теоретической стороны. Съ практической стороны объясненія членовъ партійного правленія сводились къ слѣдующему. Мы всегда поддерживали прогрессистовъ на перебаллотировкахъ, не требуя отъ нихъ никакихъ взаимныхъ обязательствъ. Благодаря этому, они въ однихъ округахъ получали помошь отъ с.-д. противъ реакціонеровъ, въ другихъ—отъ послѣднихъ противъ с.-д. Вступая въ соглашеніе, мы обязывали ихъ отказаться отъ помоши реакціи. По уставу ихъ партіи центральный комитетъ не имѣть формального права устанавливать тактику на перебаллотировкахъ, такое право принадлежитъ мѣстнымъ организаціямъ. Все, что они могли слѣдить, это разослать на мѣста призывъ голосовать за с.-д. Конечно, с.-д. правленіе знало, что въ цѣломъ рядъ округовъ прогрессисты не послушаются своего центра и отдадутъ голоса реакціи, за то въ цѣломъ рядѣ другихъ округовъ они приняли общій лозунгъ, и с.-д. выиграли на перебаллотировкахъ столько мѣстъ, какъ никогда раньше.

Такъ какъ прогрессисты понимали, что благодаря своему лозунгу, они потеряютъ въ рядѣ округовъ голоса реакціонеровъ, то они потребовали, чтобы въ тѣхъ округахъ, где они имѣютъ шансы пройти и где они стоятъ въ перебаллотировкахъ съ с.-д., послѣдніе не развивали бы слишкомъ сильной агитациі.

С.-д. правленіе заранѣе установило, что ни одного округа, въ которомъ есть малѣйшіе шансы на побѣду, уступлено не будетъ. Послѣ тщательного обсужденія оказалось, что въ 16 округахъ можно прекратить агитацию, такъ какъ вѣроятность побѣды здѣсь незначительна. И дѣйствительно только въ одномъ изъ этихъ 16 округовъ прошелъ с.-д. по совершенно непредвидѣннымъ обстоятельствамъ: антисемиты отдали свои голоса с.-д. кандидату, къ тому же еврею. Въ остальныхъ 15 округахъ, какъ и слѣдовало ожидать, с.-д. остались въ меньшинствѣ, причемъ число поданныхъ за с.-д. голосовъ на перебаллотировкахъ во многихъ случаяхъ было больше, чѣмъ на главныхъ выборахъ, т. е. притупленіе агитациі не отразилось на результатахъ.

Тѣмъ не менѣе соглашеніе вызвало очень сильное раздраженіе и неудовольствіе въ рядахъ партіи, особенно пунктъ о „притупленіи“ агитациі. На берлинскомъ собраниі очень выпукало причины этого неудовольствія выразилъ М. Грунвальдъ: „Вы думаете что наши партійные товарищи и члены профессиональныхъ союзовъ поймутъ этотъ пунктъ? — Жестоко ошибаетесь. Къ чему намъ работать, когда противники не почувствуютъ этого? Къ чему стараться, когда результаты нашихъ стараній достанутся партіи, съ которой мы на ножахъ, какъ со всѣми другими партіями? Боевая классовая логика пролетаріата сильнѣе всѣхъ желаній партійнаго правленія. Правда, первый шагъ пока не опасенъ, но если мы и дальше будемъ такъ дѣйствовать, то результаты будутъ очень печальные, худшіе даже, чѣмъ отъ примѣненія реформистской тактики“.

Въ словахъ Грунвальда характерно намѣчена точка зрѣнія мѣстного работника. Для правленія и Каутскаго важнѣйшимъ является общая постановка дѣла, общая политическая ситуациа, и съ этой точки зрѣнія они видѣли себя вынужденными принять соглашеніе и отдатьные его пункты. Грунвальдъ и многіе изъ возражавшихъ выражали взгляды мѣстныхъ работниковъ, непосредственно соприкасающихся съ массами и цѣлкомъ отражающихъ ихъ психологію. Несмотря на выступленія Гаазе, Молькенбура и Брауна, несмотря на защиту Каутскаго, подавляющее большинство берлинскаго собранія приняло резолюцію, осуждающую соглашеніе за притупленіе агитациі въ 16 округахъ. Не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что такой же прѣмъ оно встрѣтитъ и на общепартійномъ съездѣ. Тонкіе и сложные расчеты верховъ партіи разбились о непоколебимое настроеніе массъ, къ которымъ эти верхи предъявили непомѣрно большія требованія. Дѣйствительно, въ тотъ моментъ, когда уже большая часть трудной и тяжелой работы продѣлана, когда осталось всего нѣсколько дней до конца борьбы, правленіе предписываетъ бросить дѣло незаконченными, сдѣть позиціи. Пусть вопросъ шелъ только о тѣхъ округахъ, где по мнѣнію правленія, почти зуевѣренностью можно было сказать, что все равно с.-д. не прошелъ бы въ депутаты; но время выборовъ есть наилучшій моментъ для агитациі и, теряя хотя бы часть его добровольно, с.-д. вредятъ сами себѣ. Съ этой понятной психологіей мѣстныхъ работниковъ правленіе въ данномъ случаѣ мало считалось, за что и получило серьезное напоминаніе отъ самыхъ вліятельныхъ организацій.

Женское избирательное право въ шведскомъ парламентѣ.

Вопросъ о женскомъ избирательномъ правѣ давно уже пересталъ поглощать вниманіе исключительно женщинъ. Но мѣрѣ пріобщенія женщинъ ко всѣмъ сферамъ и отраслямъ труда; по мѣрѣ того, какъ женщины, гонимыя не столько „жаждой эмансирації“, сколько прізракомъ материальной необеспеченности, занимаютъ мѣста на всѣхъ ступеняхъ іерархической трудовой лѣстницы, боевой кличъ передовыхъ женщинъ различныхъ слоевъ населенія, превращается въ одинъ изъ будничныхъ моментовъ борьбы между старо-феодальнымъ режимомъ, въ той или иной мѣрѣ удерживающимся во всѣхъ почти европейскихъ странахъ, и демократическими тенденціями враждебныхъ ему классовъ. Этотъ постоянно повторяющійся конфликтъ между интересами старофеодального міра, съ его враждебностью къ каждому новому завоеванію демократіи, и стараніями „оппозиції“, либеральной и рабочей, пробить толстую стѣну феодального господства, снова наглядно сказался въ Швеціи при обсужденіи и рѣшеніи вопроса о предоставлении женщинамъ избирательныхъ правъ въ Парламентѣ. Съ прошлаго 1911 года шведскія гражданки пользуются, „на равныхъ основаніяхъ съ мужчинами избирательнымъ правомъ въ коммунальныхъ, городскихъ и сельскихъ самоуправліеніяхъ“ (*). Это „равное съ мужчинами“ право, однако, устраниетъ въ коммунахъ наименѣе обеспеченную часть женского населенія отъ избирательныхъ урнъ и, хотя это устраненіе происходитъ „на равныхъ съ мужчинами основаніяхъ“, для женщины, годовой доходъ которой въ сельской общинѣ ниже 500 кр. (250 р.), а въ городѣ даже 800 кр. (400 р.)—такого рода „равноправіе“ едва ли утѣшительно.

Девятнадцатаго мая въ обѣихъ палатахъ шведскаго парламента состоялись заключительные дебаты по вопросу о новомъ, правительственномъ, законопроектѣ, распространяющемъ избирательное право на женщинъ, опять таки „на равныхъ съ мужчинами основаніяхъ“, въ центральный, законодательный органъ (обѣ палаты) страны. Законопроектъ внесенъ былъ въ январѣ текущаго года либеральнымъ министерствомъ, находящимся въ настоящее время у власти. Это была одна изъ тѣхъ немногихъ реформъ, съ помощью которой либеральное министерство „отмежевывало“ себя отъ феодальной Швеціи, „дипломатический ходъ“, долженствовавшій доказать населенію его демократическая симпатіи. Консервативная Швеція, чувствуя, что почва еще не ушла изъ подъ ея ногъ, не особенно злобствовала и не волновала. Она разсчитывала „на благоразуміе“ своихъ согражданъ, которые не пожелаютъ-де послѣдовать высокопоучительному примѣру Финляндіи и, предоставлениемъ избирательныхъ правъ женщінамъ, не усилить число „красныхъ голосовъ“. Но, если „правые“ оставались сравнительно спокойными, то, наоборотъ, въ рядахъ „лѣвыхъ“, среди соціалдемократіи, правительственное предложеніе породило бурные споры и разногласія.

*) При первыхъ выборахъ избрано было 40 женщинъ членами коммун-самоуправліеній.

Правительственный законопроектъ составленъ былъ въ полномъ созвучіи, съ требованіемъ буржуазныхъ равноправокъ, этихъ друзей и единомышленницъ либеральной партіи въ Швеціи. Излюбленный принципъ феминистокъ: „политическая права на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ покоится избирательное право мужчинъ“—соблюденъ былъ въ законопроектѣ въ полной мѣрѣ. Правда, въ отличіе отъ коммунальныхъ избирательныхъ правъ, парламентскій избиратель въ Швеціи, а слѣдовательно, и избирательница, не обязанъ отвѣтить какому-либо минимуму имущественного ценза; въ основу, дѣйствующаго въ 1911 г. избирательного закона, давшаго возможность послать въ парламентъ свыше 60 соціалистическихъ депутатовъ, положенъ „принципъ“ въ сеобщаго избирательного права. Каждый гражданинъ (а по правительльному законопроекту и каждая гражданка), которому исполнилось 24 года пользуется активнымъ и пассивнымъ правомъ избранія во вторую Палату (для первой Палаты существует имущественный и весьма высокій цензъ *). Это, такъ сказать, „въ принципѣ“. Фактически же, какъ дѣйствующій законъ, такъ и внесенные правительствомъ дополненія и измѣненія къ нему, устанавливаются въ § 16 цѣлый рядъ ограниченій, значительно сокращающихъ число полноправныхъ гражданъ и гражданокъ Швеціи.

Не касаясь вопроса о высокой возрастной границѣ—24 года—для включенія въ число полноправныхъ гражданъ, остается еще цѣлый рядъ ограничительныхъ пунктовъ, устраняющихъ отъ избирательныхъ урнъ, преимущественно рабочее и вообще неимущее населеніе. Въ пунктѣ е § 16 указывается, что только лицо, уплатившее за послѣдніе 3 года всѣ лежавшіе на немъ государственная и коммунальная повинности, пользуется избирательнымъ правомъ; въ пунктѣ f добавлено, что замужняя женщина (если по брачному контракту не существует раздѣльности имущества) также лишается своихъ правъ, если мужъ ея не заплатилъ полагающихся съ него налоговъ. Избирательного права лишаются, кромѣ того, всѣ лица, которыхъ либо сами для себя, либо для членовъ своей семьи, пользовались въ какой бы то ни было формѣ пособіемъ или поддержкой со стороны мѣстныхъ органовъ „попеченія о бѣдныхъ“ **). Кромѣ того, права голоса лишаются лица, находящіяся подъ опекой, отбывающія воинскую повинность, вообще военные, и т. д.

Всѣ эти ограничительные пункты, тщательно сохраняемые въ новомъ законопроектѣ, навели шведскихъ соціалдемократокъ на тяжелое раздумье. Со времени Копенгагенской международной соціалистической женской конференціи, выработавшей основы соціалдемократической тактики въ борьбѣ за женскія политическія права, борьба шведскихъ соціалистокъ велась подъ знаменемъ общедемократического лозунга: устраненіе изъ существующаго закона всѣхъ ограничительныхъ пунктовъ и распространеніе избирательного права на всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ и женщинъ. Противъ боевого клича феминистокъ,—о представлениі женщинамъ права голоса на тѣхъ же основахъ, какъ у мужчинъ, организованнаго въ партію женщины,—энергично возставали.

*) Требуется наличность имущества, равнаго 50,000 кронъ или годовой доходъ минимумъ въ 3,000 кр.

**) При послѣдніхъ выборахъ были случаи, когда рабочихъ устраивали отъ выборовъ на томъ основаніи, что при родахъ женъ они пользовались бесплатной акушеркой и медицинской помощью для жены со стороны „попечительствъ“.

Однако, предложенный правительствомъ законопроектъ, переносъ вопросъ въ совершенно иную плоскость: стадія борьбы за реформу оказывалась законченной, пройденной; законопроектъ находился въ стѣнахъ парламента и отъ исхода голосования депутатовъ зависѣла теперь судьба взрослыхъ гражданокъ Швеціи: стать или не стать полноправными? Мнѣнія по вопросу о томъ, какую позицію должна занять соціалдемократія въ эту критическую минуту, раздѣлились. Одна часть соціалистокъ настаивала на томъ, что существующіе въ законѣ ограничительные параграфы урѣжутъ главнымъ образомъ права женщинъ изъ рабочаго класса и на этомъ основаніи предлагали соціалистическимъ депутатамъ голосовать противъ правительственного законопроекта. На многолюдномъ женскомъ митингѣ въ апрѣлѣ въ Стокгольмѣ мнѣніе это нашло свое выраженіе въ резолюціи, предложенной „лѣвымъ крыломъ“ соціалистокъ. Въ резолюціи требовалось: 1) добиваться уничтоженія всѣхъ ограниченій существующаго закона, стоящихъ на пути къ осуществленію действительного всеобщаго избирательного права, 2) предлагалось депутатамъ энергично противиться введенію избирательныхъ правъ для женщинъ на тѣхъ основаніяхъ, какими ими пользуются мужчины. Точка зрѣнія эта диктовалась отчасти и тѣмъ соображеніемъ, что проведеніе женскаго избирательного права, при сохраненіи ограничительныхъ параграфовъ, надолго отодвинетъ коренную реформу избирательной системы.

Другая часть соціалистокъ и среди нихъ такой испытанный, старый боецъ, какъ Ката Дальстремъ, популярнѣйшая соціалистическая агитаторша въ Швеціи, защищали иную точку зрѣнія. Они настаивали на томъ, чтобы соціалистические депутаты подали въ парламентѣ голосъ за правительственный законопроектъ. Первая стадія борьбы за данную реформу закончена, борьба велась неуклонно подъ истинно-демократическимъ лозунгомъ; теперь стадія вторая, когда парламентскимъ представителямъ рабочаго класса предстоить дѣлать выборъ между меньшимъ и большимъ „зломъ“—отклонить законопроектъ, вмѣстѣ съ голосами реакціонеровъ, или принять реформу, хотя бы въ неполномъ, урѣзанномъ видѣ? Разногласія въ женскомъ соціалистическомъ лагерѣ разгорались. Защитницамъ голосованія за законопроектъ много вредила позиція, занятая центральнымъ женскимъ органомъ партіи („Mongonbris“), не сумѣвшимъ со всей отчетливостью отмежеваться отъ той тактической линіи, какую вели по данному вопросу феминистки и запутывавшій положеніе „примирительными“ нотами по отношенію къ буржуазнымъ равноправкамъ. „Правымъ“ отвѣчали горячіе голоса работницъ, объявлявшія готовность во имя общеклассовыхъ интересовъ отказаться отъ завоеваній „женскихъ правъ“...

Однако, въ самомъ дѣлѣ, требовалъ-ли интересъ рабочаго класса въ цѣломъ отклоненія правительственного законопроекта? На этотъ вопросъ отвѣтить было не такъ легко и просто. Поскольку статистическая выкладки,—а подсчеты въ такихъ случаяхъ всегда носятъ весьма приблизительный характеръ—позволяли судить, реформа, предлагаемая правительствомъ, все же являлась шагомъ впередъ по пути демократизации избирательной системы. Даже при сохраненіи ограничительныхъ параграфовъ новый законъ распространялъ бы избирательное право на миллионъ съ небольшимъ женщинъ. По подсчету статистика Виделля, на каждые 1.000 мужчинъ-избирателей при проведеніи реформы приходилось бы 1.107 избирательницъ. По народной переписи 1910 г. въ Швеціи насчитывалось 1,520.661 женщинъ и 1,349.201 муж-

чинъ въ избирательномъ возрастѣ (24 года и выше); но, фактически, ввиду существующихъ ограничений, правомъ голоса стали бы пользоваться всего 1,180.098 женщинъ и 1,066.200 мужчинъ. Такимъ образомъ политическихъ правъ лишились бы, при сохраненіи действующихъ законоположеній, 340.000 женщинъ и всего 290.000 мужчинъ, другими словами: опасенія лѣвыхъ соціалистокъ подтверждались; введеніе избирательныхъ правъ для женщинъ, на равныхъ съ мужчинами основанихъ—урѣзalo бы прежде всего права женщинъ и главнымъ образомъ женщинъ изъ рабочаго класса. Растижимый пунктъ о полученіи вспомоществованія отъ попечительства о бѣдныхъ, условіе уплаты, какъ коммунальныхъ, такъ и государственныхъ налоговъ, наконецъ пунктъ, о томъ, что замужняя женщина лишается право голоса, если ея мужъ оказался неисправенъ по части платежей налоговъ, „проступокъ“ весьма обычный для рабочаго съ непостояннымъ заработкомъ, съ почти неизбѣжными періодами безработицы—всѣ эти „запѣки“ въ законѣ, являлись бы существенными пунктами преткновенія для „гражданки“, принадлежащей къ классу неимущихъ и вызывали естественные протесты со стороны соціалистокъ.

Голоса изъ праваго соціалистического лагеря отвѣчали на это цифрами. Интересы „класса“ не пострадаютъ, такъ какъ, поскольку приблизительный подсчетъ позволяетъ судить о возможномъ исходѣ выборовъ, распределеніе голосовъ и мандатовъ, при участіи женщинъ въ голосованіи, останется почти неизмѣннымъ. Если подача голосовъ состоялась бы въ томъ же размѣрѣ, какъ при послѣднихъ выборахъ 1911 г., то измѣненія произошли бы лишь въ слѣд. размѣрѣ:

Число голосовъ при подачѣ голоса:
однихъ мужчинъ, мужчинъ и женщинъ.
(въ процентахъ).

консерваторы	31,3	31,4
либералы	40,2	39,3
соціаль-демократы	28,5	29,3

Соціалисты, какъ видно, ничего бы не потеряли, скорѣе бы выиграли. Если же принять во вниманіе, что, какъ это показываетъ практика другихъ странъ съ действующимъ избирательнымъ правомъ женщинъ, число неголосующихъ всегда выше среди буржуазныхъ женщинъ, чѣмъ среди работницъ, можно предположить, что выигрышъ этой былъ бы еще выше. Эти соображенія заставили соціалистическихъ депутатовъ въ день рѣшенія судьбы законопроекта въ обѣихъ палатахъ (19-го мая) подать за него голосъ.

Внесенная лѣвымъ соціалистомъ, бургомистромъ Стокгольма, К. Линдгагеномъ, мотивированная „пропозиція“ къ измѣненію всѣхъ существующихъ ограничительныхъ пунктовъ, при включеніи въ число полноправныхъ гражданъ и женщинъ—была отвергнута безъ голосованія. Предложенная лидеромъ соціалистовъ Брантингомъ поправка, требовавшая устраненія пункта f (лишеніе замужней женщины избирательного права, вслѣдствіе неплатежа налоговъ со стороны мужа) тоже не встрѣтила поддержки, за нее голосовало всего 74, противъ 110. Послѣ долгихъ и горячихъ дебатовъ судьба правительственного законопроекта была рѣшена въ смыслѣ благопріятномъ для „старой“ феодально-реакціонной Швеціи.

Правительственный законопроектъ былъ отклоненъ въ первой палатѣ 86 голосами (за голосовало 58 человѣкъ). Несмотря на то, что во второй палатѣ за законопроектъ подало голосъ 140 человѣкъ и про-

тивъ всего 66, первая палата стоящая на стражѣ интересовъ старой Швеціи, наложила свое veto на реформу „либерального“ министерства и этимъ подчеркнула еще разъ, что пока „соціальный сдвигъ“ не совершился въ сторону либеральной буржуазіи, пока крѣпки еще устои феодально монархической Швеціи, пока живы еще старыя традиціи, либеральной власти придется волей-неволей гнуть спину передъ „старыми господами“, истинными властителями Швеціи...

Участъ законоопроекта о женскомъ избирательномъ правѣ рѣшена, законоопроектъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ своемъ видѣ, похороненъ. Однако самый вопросъ объ избирательномъ правѣ женщинъ далеко не снятъ съ очереди. Онъ лишь вернулся въ свою первичную стадію: приходится начинать сначала борьбу за демократизацію избирательной системы и вести ее подъ знакомъ пятычленной избирательной формулы, работать снова по линіи намѣченной Копенгагенской резолюціей. Шведскимъ соціалисткамъ не приходится напоминать, что борьба за неограниченное избирательное право для обоихъ половъ отвѣчаетъ одинаково и ихъ женскимъ, и обще-классовымъ интересамъ. Та работа, какую въ подготовительной стадіи вели до сихъ поръ шведскія соціалисты дышитъ достаточной принципіальностью. Но въ виду того, что уже разъ бывшая ситуація можетъ повториться, что правительство или другія партіи могутъ снова, хотя и въ иной формулировкѣ, предънести парламенту реформу въ пользу женскихъ политическихъ правъ, важно выяснить теперь же позицію, какую должна въ такомъ случаѣ занять соціалдемократія. Этотъ вопросъ имѣть актуальное значеніе не для одной Швеціи, но и для цѣлаго ряда странъ, гдѣ реформа избирательной системы въ пользу женщинъ стоить въ порядкѣ дня. Не одна страна переживаетъ „конфліктъ“ подобный только что бывшему въ Швеціи.

Позиція парламентскихъ рабочихъ представителей въ вопросѣ о реформѣ избирательной системы въ пользу женщинъ носить все еще колеблющійся характеръ, въ виду тѣхъ „сложныхъ“ и, все же постоянно повторяющихся комбинацій, при проведеніи реформы. Въ свое время вопросъ о тактикѣ парламентскихъ представителей рабочаго класса при разсмотрѣніи законоопроекта о распространеніи коммунальныхъ правъ на женщинъ вставалъ въ Швеціи, въ Англіи, въ Даніи, въ Норвегіи; въ Норвегіи тотъ же вопросъ возникалъ по поводу введенія политическихъ избирательныхъ правъ для женщинъ, при сохраненіи принципа имущественного ценза. Въ настоящее время тотъ же вопросъ волнуетъ умы англійскихъ парламентскихъ представителей рабочихъ.

Копенгагенская резолюція, принятая на женской конференціи, даетъ, правда, указанія подъ какимъ знаменемъ и какими путями добиваться политического равноправія женщинъ, но она совершенно не затрагиваетъ вопроса о заключительномъ разсмотрѣніи реформы въ стѣнахъ парламента. Включеніе этого пункта въ порядокъ дня предстоящей въ 1913 году третьей конференціи соціалистокъ имѣло бы несомнѣнно большое значеніе. За эти годы вопросъ о женскихъ политическихъ правахъ сильно подвинулъся впередъ; изъ области принципіальныхъ пожеланій, онъ переносится все чаще и чаще на практическую почву осуществимой соціальной реформы. Какъ ни разнообразны условія, при которыхъ въ различныхъ странахъ намѣчается проведеніе избирательной реформы въ пользу женщинъ, основныя положенія постоянно повторяются: проведеніе реформы при сохраненіи тѣхъ или

иныхъ ограничительныхъ установлений, отзывающихся въ той или иной мѣрѣ на интересахъ избирателей обоего пола.

Само собою разумѣется, что намѣчая „линію поведенія“ и тактики, соціалистамъ приходится не упускать изъ вида одного весьма существенного момента: вліяніе данной реформы на дальнѣйшіе успѣхи соціалистического движения. Если съ одной стороны, защита принципіальной позиціи въ вопросѣ реформы избирательного права—облегчаетъ агитационную работу, „упрощающа“ задачи агитаторовъ, то, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что пріобщеніе женщинъ къ числу избирателей, даже при сохраненіи нѣкоторыхъ ограничений и „урѣзывающихъ“ права демократіи параграфовъ, имѣть для общаго рабочаго движения еще гораздо болѣе важное значеніе. Соціалисты не могутъ рассматривать вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ, какъ самодѣлывающую цѣль.

Женское избирательное право для соціалдемократовъ не является также способомъ увеличить число мандатовъ; для нихъ, съ точки зрѣнія задачъ, стоящихъ на очереди передъ рабочимъ классомъ, женское политическое равноправіе (разумѣется если оно, какъ въ Швеціи, дѣйствительно распространяется на широкія массы, а не ограничивается кругомъ „высоко-имущественныхъ“ гражданокъ)—это нѣчто несравненно болѣе важное. И прежде всего это одинъ изъ могущественныхъ способовъ вывести работницъ изъ ихъ современного политического индиферентизма, нарушить то покорно-дремотное состояніе, въ которомъ пребываютъ миллионы экономическо и соціально закабаченныхъ рабынь, средство заставить женщину активно пріобщиться къ общественной жизни и занять свое мѣсто въ политической борьбѣ. Только политически-правоспособная гражданка явится тѣмъ сознательнымъ товарищемъ-борцомъ съ существующимъ соціальнымъ неустройствомъ, какой желаютъ ее видѣть соціалисты...

Этого существенного момента не слѣдуетъ упускать изъ вида, намѣчая тактику соціалистовъ при разсмотрѣніи реформы въ пользу женскихъ избирательныхъ правъ въ ея заключительной парламентской стадіи.

Александра Коллонтай.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ «Лены»...

Грандіозныя политическія забастовки въ связи съ ленской трагедіей и днемъ 1-го мая, несомнѣнно, отмѣчаютъ себою поворотный пунктъ не только въ рабочемъ движеніи Россіи, но и въ политическихъ судьбахъ страны.

Впервые послѣ 1905 года такое громадное количество рабочихъ—не менѣе полумилліона—демонстрировало одновременно и открыто свое глубокое недовольство существующимъ положеніемъ и свою рѣшимость бороться съ нимъ. Летаргія, сковавшая рабочій классъ подъ двойнымъ

гнетомъ политического пораженія и экономического кризиса, очевидно, пришелъ конецъ, и на исторической сценѣ снова появляется масса.

Конечно, историческая драма, характеризуемая этимъ появлениемъ, не должна и не можетъ протекать безъ антрактовъ. Быть можетъ, перерывы между отдельными актами ея будутъ довольно продолжительными. Быть можетъ, и даже—навѣрно, огромный запасъ энергіи, обнаруженный рабочимъ классомъ въ апрѣльскіе и майскіе дни, будетъ временами находить себѣ исходъ въ непрерывной цѣпи экономическихъ забастовокъ: недаромъ, вѣдь, на столбцахъ газетъ снова замелькала забытая было рубрика подъ заголовкомъ „Забастовки“. Но всѣмъ этимъ не устраниется и не ослабляется тотъ фактъ, что массовая борьба снова становится могучимъ факторомъ русской политической жизни.

Общественные силы, для которыхъ возрожденіе этого фактора поистинѣ—„ножъ вострый“, пытались было отрицать очевидность и свести все дѣло къ тѣмъ же злосчастнымъ „зачинщикамъ“ и „подстрекателемъ“. Еще послѣ ленской забастовки онѣ старались утѣшать себя иллюзіей, будто реакція массъ на бойню есть просто случайное и преходящее явленіе, объясняемое исключительно изъ ряда вонъ выходящимъ чудовищностью совершенного надъ ленскими рабочими преступленія. „Россія“ иронизировала надъ учащеюся молодежью, будто бы тщетно старавшуюся втянуть въ демонстрацію рабочихъ. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени“ думалъ, что для тушенія пожара достаточно водянистыхъ разсужденій въ извѣстномъ жандармско-либеральномъ стилѣ о неизбѣжности такихъ явленій, какъ демонстраціи, въ „конституціонномъ“ строѣ. Словомъ, работа сводилась къ тому, что дѣло, въ сущности, вовсе не такъ серьезно...

День 1-го Мая оборвалъ эту пастораль. Слишкомъ очевидно стало, какая сила снова вступаетъ въ политическую борьбу. „Россія“ внезапно прозрѣла и признала огромное „вліяніе“ соціаль-демократіи на рабочія массы и—конечно, провозгласила необходимость безпощадной борьбы съ ней. Меньшиковъ изъялъ немедленно изъ сферы вліянія своего охранного „либерализма“ демонстраціи, устраиваемыя элементами „анти-государственными“, и довольно недвусмысленно намекнулъ на необходимость подрѣзать дѣятельность соціаль-демократіи въ корнѣ, закрывъ ей доступъ въ Государственную Думу.

Но не только въ газетной публицистикѣ контрь-революціи,—и въ практикѣ ея первые же шаги массового политического движенія успѣли уже дать себя знать. Трудно не замѣтить связи между этими шагами и неожиданно-быстрымъ прохожденіемъ въ Государственномъ Совѣтѣ закона о страхованиі рабочихъ съ тѣмъ параграфомъ о возложеніи на предпринимателей лечения рабочихъ, который вчера еще казался неустранимымъ камнемъ преткновенія для всѣхъ „непримиримыхъ“ членовъ Совѣта и, особенно, представителей промышленности. Трудно также не замѣтить связи между этими шагами и внезапнымъ подъемомъ интереса къ „соціальному законодательству“ въ правительственный сферахъ, съ одной стороны, а съ другой—столь же внезапнымъ возобновленіемъ старыхъ взаимныхъ перекоровъ между бюрократіей и промышленниками на тему о томъ, въ чемъ причина броженія среди рабочихъ: въ ихъ политическомъ безправіи или экономическомъ порабощенії?

Конечно, господствующія силы третье-іюньскаго режима были бы не прочь и дальше снимать съ очереди этотъ неудобный вопросъ тѣми „патріотическими“ средствами, которыя въ самомъ широкомъ масштабѣ

практиковались за послѣдніе 5—6 лѣтъ и получили такое блестящее примѣненіе на Ленъ. И врядъ ли найдется оптимистъ, который увѣрить себя, что Лена — это послѣдній опытъ разрѣшенія „соціального вопроса“ трещенковскимъ „истинно-русскимъ“ способомъ. Тѣмъ знаменательнѣе тотъ фактъ, что уже теперь несомнѣнныя поклонники этого „способа“ вынуждены начать снова учитывать рабочее движеніе, какъ политическую силу, видѣть въ немъ не только объектъ воздействиія политіи, какимъ онъ былъ въ ихъ глазахъ послѣдніе 5 лѣтъ, но и факторъ политики.

Это — характерный симптомъ того, какое значеніе для судебъ всего режима въ цѣломъ имѣть возрожденіе рабочаго движенія. Вѣдь, сущность этого режима заключалась и заключается именно въ томъ, что обезсиленныя, раздавленныя народныя массы были скинуты со счетовъ политики и переданы въ исключительное вѣдѣніе полиціи, мундирной и штатской, духовной и свѣтской, казенной и добровольной. А на фонѣ неподвижности массъ и въ интересахъ ея увѣковѣченія неизбѣжно притуплялись всѣ внутреннія противорѣчія господствующихъ силъ режима.

Съ появлениемъ на сценѣ народныхъ массъ всей этой идилліи приходитъ конецъ. Необходимость считаться съ ними, апелировать къ нимъ и даже попытки политика и демагогически обойти, обмануть ихъ — все это неминуемо расширяетъ плоскость конфликтовъ и треній въ средѣ господствующихъ силъ, углубляетъ ихъ противорѣчія вынуждая къ рѣзкой постановкѣ вопросовъ тамъ, где до сихъ поръ сравнительно легко удавалось сглаживать острые углы. Тѣмъ самымъ неустойчивость режима усиливается до послѣдней степени и на очередь встаетъ вопросъ о самомъ дальнѣйшемъ существованіи его. И притомъ встаетъ не только объективно, но и субъективно — въ сознаніи рабочихъ массъ, значительно повышая ихъ воспріимчивость къ проповѣдѣ соціальдемократіи. Ибо врядъ-ли надо еще доказывать, что въ обстановкѣ современной Россіи массовая борьба, въ какія бы формы она ни отливалась, съ разныхъ концовъ, но одинаково неизмѣнно будетъ подводить рабочій классъ къ постановкѣ вопроса о третьеіюньскомъ режимѣ во всей его полнотѣ, будетъ толкать мысль пролетариата отъ частнаго къ общему.

Такимъ образомъ начало ликвидациіи контрь-революціоннаго режима — совершенно несомнѣнно. Невозможно, конечно, съ увѣренностью дѣлать предсказанія о томъ, въ какихъ формахъ и когда завершится эта ликвидациія. Да это и не нужно.

Необходимо только учесть основныя тенденціи и движущія силы совершающагося на нашихъ глазахъ исторического процесса, его направление, и свою тактику строить такимъ образомъ, чтобы и на извѣлиствомъ пути медленнаго подтачиванія режима и на прямомъ — его быстрой ликвидациіи, рабочій классъ одинаково былъ „подкованъ“ одинаково могъ съ наибольшей полнотою отстоять свои интересы, свою „линію“.

* * *

Основной причиной возрожденія рабочаго движенія и въ его политическихъ проявленіяхъ служить, конечно, нѣкоторый экономической подъемъ, смѣнившій длительную полосу застоя. Рядъ экономическихъ стачекъ, сопутствовавшихъ этому подъему съ самого начала, показалъ рабочимъ, что борьба становится опять не безнадежною, вселилъ въ

нихъ извѣстную бодрость и вѣру въ свои силы. Съ другой стороны, каждая такая экономическая стачка неизбѣжно приводила рабочія массы—какъ это было и при старомъ режимѣ—къ столкновенію со всѣмъ аппаратомъ третье-юнѣской „государственности“. Столкновенію не всегда столь трагическому по своимъ формамъ, какъ это случилось на Ленѣ, но всегда столь же вразумительному по своему смыслу. Рабочій встрѣчалъ безпощаднаго и упорнаго врага въ избалованномъ предшествующимъ пятилѣтіемъ предпринимателъ, выступавшемъ въ походѣ во имя „прибыли“. Но еще болѣе безпощаднаго и свирѣпаго врага встрѣчалъ онъ въ своей чисто-экономической борьбѣ въ представителяхъ „государственности“, выступившей на защиту своего специфическаго, контрь-революціоннаго „порядка“. И, конечно, не одна стачка была сломлена не экономическою мощью капитала, а политическимъ давленіемъ этой „государственности“, разрушавшей всѣ зачатки боевой организаціи рабочихъ.

Но объектъ этой „дѣятельности“—рабочій классъ—былъ уже совершенно инымъ, чѣмъ въ добroe старое, до-октябрьское время. Ему уже не надо было продолжительной выучки, чтобы уразумѣть и обобщить смыслъ этого „государственного вмѣшательства“. И пережитая эпоха бурь, и дѣятельность трехъ Думъ съ соціальдемократическимъ представительствомъ въ нихъ, и прессы, ставшая потребностью для широкихъ массъ, и непрерывное пятилѣтнєе функционированіе хотя бы зародышевыхъ „открытыхъ“ организацій, и рядъ проведенныхъ „кампаний“ въ связи съ общественными сѣездами, дѣятельностью Думъ и т. д.,—все это значительно повысило уровень политической воспитанности массы и способность ея къ планомѣрнымъ, организованнымъ дѣйствіямъ.

Бросается въ глаза та стройность и дисциплинированность, съ которою прошло грандіозное движеніе и съ которою проходятъ теперь нѣкоторыя экономическія забастовки. И это — при полномъ почти отсутствіи сколько-нибудь прочной организаціи!

Очевидно, сама рабочая масса накопила въ себѣ уже столько элементовъ организованности, что ея состояніе напоминаетъ какъ бы насыщенный растворъ: одинъ толчокъ,—и текучая, безформенная жидкость застынетъ въ правильные многогранные кристаллы. И въ этомъ накопленіи элементовъ организованности, въ воспитаніи ряда лицъ, группъ, ячеекъ, способныхъ вносить въ движеніе своего класса планомѣрность, стройность, дисциплинированность, немалая доля заслуги принадлежитъ, несомнѣнно, той „ликвидаторской“ работѣ, которая, естественно, поносилась и поносится идеологами пережитыхъ стадій партійнаго развитія, опиравшихся на безформенное состояніе массы и „стихійность“ ея порывовъ.

Но, если таковы причины возрожденія политического движенія рабочихъ, то нельзѧ не видѣть также и тѣхъ особыхъ условій, которыя сдѣлали данный моментъ особенно благопріятнымъ для ихъ выступленія. Эти условія заключаются въ состояніи самихъ господствующихъ силъ третье-юнѣскаго режима. Какъ ни вяло и медленно развивались противорѣчія этихъ силъ, они во всякомъ случаѣ достигли такой степени, что извнутри расшатали режимъ, ослабили его сопротивляемость напору извнѣ. А ихъ обостреніе—прямое слѣдствіе все того же промышленнаго подъема, неизбѣжное наступленіе котораго было давно очевидно для всякаго, кто видѣлъ, что и подъ крышей третье-юнѣскаго режима капиталистическое развитіе страны идетъ впередъ.

Какъ известно, меньшевики, еще 4 — 5 лѣтъ тому назадъ строили свои расчеты на политическое оживленіе именно на хозяйственномъ развитіи, прогрессѣ страны и на неизбѣжности подъема, въ противоположность большевикамъ, въ то время ожидавшимъ, — совсѣмъ по по блаженной памяти Н — ону! — наступленіе бури вслѣдствіе остановки и невозможности развитія, общаго хозяйственнаго упадка и раззоренія.

Врядъ-ли кто либо станетъ отрицать теперь, что именно въ настоящее время въ рядахъ буржуазіи замѣчается стремленіе къ политическому самоопредѣленію, т. е. къ признанію недостаточности тѣхъ формъ закулиснаго воздействиія „на политику“, о которыхъ говорить въ своихъ статьяхъ А. Ермакскій, и къ борьбѣ за оформленное участіе въ осуществленіи политической власти. И врядъ-ли также кто-либо рѣшится отрицать прямую связь этой эволюціи съ наступившимъ промышленнымъ подъемомъ, заставившимъ быстрѣе пульсировать всѣ артеріи страны. Не надо, вѣдь, забывать, что въ число явленій этого промышленнаго подъема входитъ и оживленіе стачечнаго движенія.

Пока царить застой, крутая расправа съ этимъ движениемъ по „истинно-русскому“ способу, представляя огромныя выгоды для капитала, — поскольку рѣчь идетъ о неспособной къ упорному сопротивленію масѣ, — сравнительно мало нарушаетъ другіе его интересы. Иное дѣло — эпоха промышленнаго подъема, которую надо спѣшить утилизировать и которую можно утилизировать въ интересахъ капитала, не превращая пролетаріатъ въ „классъ каторжниковъ“, какъ съ невольною мѣткостью выразился какой то „голосъ справа“ во время одной изъ недавнихъ рѣчей деп. Кузнецова. При такихъ обстоятельствахъ вмѣшательство Держиморды въ тонкую механику экономической жизни во имя „порядка“ способно временами служить сильнѣйшимъ тормозомъ накопленію „прибыли“, вызывая рѣшительное неудовольствіе капиталистовъ. И до-октябрьская Россія видѣла протесты промышленниковъ, возникавшіе на этой почвѣ. Въ Россіи современной, съ ея значительно подвинувшимся впередъ капиталистическимъ развитіемъ и соціальнымъ самоопредѣленіемъ классовъ буржуазнаго общества, антагонизмъ между интересами этого боевого „порядка“ контрѣ-революціи и интересами буржуазіи сказывается еще острѣе *).

„Порядокъ“ политическаго кладбища становится для нея равносильнымъ внесенію величайшаго безпорядка въ экономическую жизнь. Вотъ почва, на которой ленскія события всколыхнули такъ называемое „общественное мнѣніе“, когда то питавшееся исключительно настроениями земско-дворянскихъ круговъ, а теперь — тоже характерный симптомъ соціального перерожденія страны! — все больше и больше получающее импульсъ изъ капиталистическихъ сферъ. Это „общественное мнѣніе“ съ полнымъ равнодушіемъ взирало на ужасы, не меньшіе, чѣмъ совершенные на Ленѣ. И только за послѣдніе 1 — 1 $\frac{1}{2}$ года началъ замѣчаться нѣкоторый поворотъ. Но соотношеніе силъ начало измѣняться, и Ленское преступленіе, ударило какъ громъ, — вѣроятно, къ немалому удивленію его вдохновителей и исполнителей, которые и

*.) Нѣкоему „Читателю“ „Невской Звѣзды“ (см. № 5) пришлось, повидимому, потратить не мало усилий, чтобы прикинуться непонимающимъ этой простой вещи и получить возможность изобличать въ „либерализмѣ“ Ст. Ивановича за попытку подчеркнуть отличие третье-юнскаго „порядка“ отъ того обычнаго, европейскаго порядка, который буржуазія, со своей точки зрѣнія, имѣть всѣ основанія отстаивать.

раньше безнаказанно подобная „дѣла дѣлывали“. Но безнадежно гибнущій режимъ неспособенъ учитывать измѣненія соціально-политической „ситуаціи“. Онъ „претъ“ напроломъ, куда влечетъ его логика его возникновенія и развитія, и... неожиданно оказывается передъ пропастью.

Три-четыре года тому назадъ ленская бойня вызвала бы десятокъ-другой слезливыхъ передовыхъ въ либеральныхъ газетахъ, и сотни людоѣдскихъ статей въ „патріотической“ печати всѣхъ оттѣнковъ, и затѣмъ была бы „забыта“. Теперь негодующія статьи, описанія, взаимныхъ обвиненій, препирательства и пр. заполнили всю прессу, вплоть до самой крайней правой. Вѣсть о преступлении, совершенномъ—кто говорилъ, властями, кто—капиталистами, кто даже „еврейскими“ или „англійскими“ капиталистами,—была разнесена до самыхъ глухихъ угловъ страны. И какъ бы кто ни объяснялъ совершившееся, въ одномъ сходились чуть не всѣ поголовно: совершено преступление, и совершено надъ рабочими. Нужно-ли пояснять, какъ способствовало такое положеніе дѣла публичному оказательству протesta, который нахипалъ въ груди пролетаріевъ, но, при другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, не нашелъ бы себѣ демонстративного выхода? И нужно-ли прибавлять, какое огромное значеніе для успѣшности этого оказательства имѣла атмосфера, если не сочувствія, то хоть дружественнаго нейтралитета, впервые послѣ 5-6 лѣтъ создавшаяся въ широкихъ не-пролетарскихъ кругахъ по отношенію къ пролетарскому выступленію? А успѣхъ „ленскаго“ движенія обеспечилъ грандіозный характеръ майскаго празднованія, ибо неожиданно для самихъ рабочихъ массъ напомнилъ и показалъ имъ ихъ собственную силу.

Такъ рабочее движеніе, возрождающееся въ силу законовъ своего собственного развитія и дающее новый мощный толчокъ разложенію контрѣ-революціоннаго режима, само, въ свою очередь, пытается этимъ разложеніемъ, получаетъ импульсъ отъ процессовъ, происходящихъ въ буржуазныхъ сферахъ. Похороны Муромцева, смерть Толетого, реакція молодежи на самоубійство Сазонова, повысившаяся „оппозиціонность“ выступлений буржуазныхъ партій въ Думѣ и т. д. и т. д. и вплоть до возмущенія, вызванного въ „общественномъ мнѣніи“ ленскими разстрѣлами,—все это служило и служитъ симптомомъ нѣкотораго поворота въ настроеніи „общества“, поворота, создающаго болѣе благопріятныя условія для борьбы рабочаго класса.

Но вотъ, что необходимо отмѣтить: всѣ эти благопріятныя условія цѣликомъ создаются пока процессами, протекающими въ городѣ. Читатель, знакомый съ политическими проблемами, выдвигаемыми жизнью и тактическими спорами по ихъ поводу *), пойметъ, почему отмѣтить это въ высшей степени важно. Крестьянская „Улита“, несомнѣнно, „ѣдетъ“ и когда-нибудь—можетъ быть даже въ очень недалекомъ будущемъ—„будетъ“. Но пока, въ начальныхъ стадіяхъ политического оживленія, рабочему классу, прежде всего, приходится считаться съ городскими движеніями и своею тактикою пытаться ихъ учесть въ свою пользу. Въ то время, какъ городскіе классы такъ или иначе политически реагировали и реагируютъ на измѣнившуюся „ситуацію“, крестьянство не только до сихъ поръ не дало ни малѣйшаго политического „оказательства“, но и въ экономической борьбѣ своей не про-

*) См. объ этомъ, м. пр., мою статью „Тактика лѣваго блока“ и т. д. въ 3-й кн. „Н. З.“ за текущ. годъ.

явило пока никакихъ болѣе широкихъ формъ активности, чѣмъ кооперація: „оживленіе“ не сказалось еще въ крестьянствѣ даже обострѣніемъ борьбы за землю! И, конечно, понадобится еще много толчковъ, исходящихъ изъ города, чтобы вывести изъ оѣѣнѣнія деревню и сдѣлать ея движеніе активнымъ факторомъ борьбы за политический прогрессъ. Нужно быть поистинѣ слѣпымъ, чтобы не учитывать въ своей тактикѣ, какъ на дѣлѣ начинается процессъ отмирания контрреволюціоннаго режима и совершается накопленіе силъ, способныхъ нанести ему смертельный ударъ.

* * *

Такова та историческая среда, въ которой совершается возрожденіе политического движенія пролетаріата. Протекая въ атмосферѣ значительно подвинувшагося впередъ—по сравненію съ 1900—5 гг.—процесса самоопредѣленія всѣхъ слоевъ буржуазнаго общества, это движеніе само носитъ значительно болѣе опредѣленный классовыи характеръ. Не по конечной цѣли своей только, и не по непосредственнымъ экономическимъ требованіямъ, и даже не по той программѣ минимумъ, которую выдвигаетъ, какъ задачу ближайшаго исторического периода, а по всему складу своей „политики“, по своимъ формамъ и приемамъ, по занимаемому мѣсту въ движеніи другихъ соціальныхъ силъ.

Этотъ ярко выраженный классовый характеръ современного движенія русскихъ рабочихъ такъ очевиденъ, что его впервые вынуждены открыто признать даже специалисты по части „внѣ-классовой“ и „над-классовой“ политики. „Русскіе рабочіе“, пишетъ „Рѣчь“ въ № отъ 11 мая, „уже сознаютъ себя отдѣльнымъ „классомъ“ и ихъ выступленія носятъ рѣзко опредѣленный классовый характеръ. Они противополагаютъ себя остальному обществу и нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что теоріи, наиболѣе рѣзко подчеркивающія это классовое обособленіе и противоположеніе, пользуются среди нихъ наибольшимъ успѣхомъ“.

„Рѣчь“ благоразумно умалчиваетъ о второй половинѣ картины. Если рабочіе противополагаютъ себя остальному „обществу“, то и это „общество“ противополагаетъ себя пролетаріату. И если среди рабочаго класса „наибольшимъ успѣхомъ“ пользуются ученія, подчеркивающія это противоположеніе, то и среди „общества“, отъ имени котораго говорила „Рѣчь“, теперь пользуются успѣхомъ совсѣмъ иная „ученія“, чѣмъ въ 1905 г. Нѣть уже и рѣчи о тѣхъ романтическихъ порывахъ, которые заставляли идеологовъ этого „общества“ стремиться смыщать свое дѣло съ дѣломъ пролетаріата и которые дѣлали всѣхъ болѣе или менѣе „социалистами“. Возросшей классовой зрѣлости пролетаріата соотвѣтствуетъ и возросшая классовая зрѣлость буржуазныхъ круговъ. И то „сочувствіе“, которымъ теперь до извѣстной степени окружено рабочее движеніе, имѣть мало общаго съ тѣмъ туманнымъ романтическимъ сочувствіемъ, которое заставляло въ 1905 г. „Освобожденіе“ восклицать: „какая прелесть рабочіе!“—а г. Струве торжественно заявлять: „у насъ нѣть враговъ слѣва“.

Пролетаріатъ безповоротно пересталъ быть „прелестью“ для буржуазнаго „общества“, и „сочувствіе“ этого общества которое ограничено тѣми именно предѣлами, въ которыхъ пролетарское движеніе является необходимымъ факторомъ его собственнаго освобожденія.

Жалѣть объ этомъ исчезновеніи или ослабленіи романтическихъ „вѣѣ-классовыхъ“ и „надѣ-классовыхъ“ иллюзій не приходится. Дѣлая для буржуазнаго общества учеть рабочей борьбы историческою необходимостью, приобрѣтенная имъ „трезвость“ тѣмъ самымъ даетъ залогъ силы возрождающемуся „освободительному движенію“, залогъ его конечнаго торжества. Но въ то же время она, несомнѣнно, дѣлаетъ болѣе трудными и затяжными начальные шаги движенія, процессъ расшатки контрѣ-революціонныхъ твердынь и занятія крѣпкихъ позицій для ихъ обстрѣла. Координація усиливъ разнородныхъ общественныхъ силъ съ разнородными и противорѣчивыми интересами труднѣе достигается—хотя и становится неизмѣримо плодотворнѣе—на основѣ политического расчета и сознаніи политической необходимости, чѣмъ на основѣ ни кѣ чому не обязывающихъ и затушевывающихъ дѣйствительныя противорѣчія романтическихъ порывовъ, громкихъ фразъ и красивыхъ жестовъ. Рабочему классу нуженъ огромный энтузіазмъ для совершенія возложеннаго на него исторіей великаго дѣла, но дѣло это достаточно велико, чтобы пролетарскій энтузіазмъ могъ позволить себѣ роскошь свободы отъ романтики, всегда идущей, въ концѣ-концовъ, на пользу классовымъ врагамъ рабочихъ.

А между тѣмъ несомнѣнно романтической иллюзіей было бы игнорированіе всѣхъ трудностей переживаемаго подготовительнаго периода и стремленіе однимъ прыжкомъ перескочить черезъ него прямо къ „штурму“. Наоборотъ. Чѣмъ внимательнѣе и вдумчивѣе будутъ учтены всѣ эти трудности, тѣмъ больше рабочій классъ окажется подготовленнымъ и ко всякому неожиданному благопріятному обороту событий. Какъ бы они ни развернулись, совершенно очевидно, что рабочій классъ тѣмъ больше наложитъ на нихъ свою печать, тѣмъ больше будетъ не „использованъ“ буржуазнымъ „обществомъ“, а самъ „используетъ“ процессъ освобожденія „общества“ въ своихъ интересахъ, чѣмъ больше посреди другихъ классовъ, спѣшно организующихся, самъ будетъ представлять самостоятельную классовую силу.

Но сила дается организаціей. И не случайно право коалицій было въ послѣдніхъ манифестаціяхъ выдвинуто рабочимъ классомъ рѣшительно повсюду, гдѣ онъ не ограничивался выраженіемъ протеста, а формулировалъ и свои очередныя политическія требования. Требованіемъ свободы стачекъ, союзовъ, собраній пестрѣли рабочія резолюціи послѣдніхъ дней (*). И можно сказать, что, если до сихъ поръ борьба за право коалицій, такъ удачно выдвинутая „петиціонной“ кампаніей, походила болѣе на маневръ, на подготовительную пропаганду, то теперь она впервые становится дѣломъ массъ. И есть всѣ основанія ожидать въ ближайшемъ будущемъ самаго широкаго развитія ея.

Требованіе свободы коалицій, какъ очередная задача рабочаго движения, продиктована рабочимъ вѣрнымъ классовымъ инстинктомъ, подсказывающимъ имъ, что отъ степени организованности пролетаріата

*) Какъ это ни невѣроятно, но нѣкоторые бѣки считали, повидимому, возможнѣмъ замалчивать непріятный имъ „лозунгъ“, связанный съ „петиціонной кампаніей“ и другими проявленіями работы „ликвидаторовъ“. Такъ, и „Звѣзда“, и петерб. „Правда“ лишь глухо упоминали о принятіи „соответствующихъ резолюцій“ на тысячныхъ митингахъ 7—8 мая за Московской заставой, между тѣмъ какъ буржуазная печать приводила текстъ этихъ резолюцій, требовавшихъ свободы коалицій.

зависить и его собственная судьба въ ходѣ надвигающейся ликвидациіи третье-іюньской полосы и ходѣ и исходѣ этой ликвидациіи. Ибо съ этого именно конца третье-іюньская „государственность“ давить рабочихъ всего больше, слѣдовательно, съ этого же конца приходится вести и наступленіе на нее.

И въ тоже время въ этомъ именно пунктѣ, по существу для него наиболѣе опасномъ, безформенный и насыщенный противорѣчіями „обновленный строй“ наиболѣе уязвимъ и податливъ, наименѣе защищены и способенъ къ сопротивленію систематическому напору. Опасность завтрашняго дня для него все же болѣе „пріемлема“, чѣмъ малѣйшій отказъ отъ „прерогативъ“ сегодняшняго. При первыхъ же признакахъ массового движенія министерскій офиціозъ началь взыскать о „христіанскихъ“ и зубатовскихъ „рабочихъ союзахъ“, которые на худой конецъ можно будетъ использовать для отведенія рабочаго движенія въ русло экономической борьбы. И врядъ-ли мы ошибаемся, предположивъ, что и среди капиталистовъ найдутся не менѣе хитрые стратеги, которые станутъ лелѣять мечты объ отведеніи рабочаго движенія въ русло „политики“.

Рабочій классъ, конечно, посмѣется надъ этими затѣями, но учтеть эту повторяющуюся исторію, какъ симптомъ особой неустойчивости всего режима въ этомъ пунктѣ, и съ еще большею энергіею будетъ добиваться свободы своей классовой организаціи—экономической и политической одинаково—и признанія факта своего классового движенія, какъ реакциею, такъ и оппозиціею.

Борьба за свободу коалицій фактически окрашивается и должна еще больше окрасить всю наступающую фазу развитія русской общественности. Наряду съ стремлениемъ къ созданію своего классового представительства въ Думѣ, какъ могучаго орудія своей классовой политики; наряду съ стремлениемъ вырвать Думу изъ рукъ реакціи, чтобы тѣмъ самимъ еще болѣе обострить противорѣчія и конфликты господствующихъ силъ и создать еще болѣе благопріятную атмосферу для своего собственного движенія; наряду съ этимъ—требование свободы коалицій должно занять центральное мѣсто въ избирательной кампаніи пролетариата.

Это не значитъ, что всѣ другія демократическія требованія должны быть замолчаны или забыты. Наоборотъ. Подъемъ политическихъ интересовъ, связанный съ послѣдними событиями, конечно, обострилъ воспріимчивость массъ къ демократической проповѣди. Но въ то время, какъ другія демократическія требованія с.-д.—ой платформы лишь постепенно усваиваются массами, свобода коалицій выдвигается, какъ очередная задача дня, за выполнение которой уже сегодня массами ведется активная борьба и съ которой должны быть связаны всѣ остальные демократическія требованія.

Ф. Данъ.

Прогрессисты и кадеты передъ выборной кампанией.

Выборная кампания уже, несомнѣнно, началась. Но она имѣеть пока довольно односторонній характеръ. Изъ разныхъ мѣстъ получаются свѣдѣнія о шумныхъ собраніяхъ и съѣздахъ націоналистовъ и союзниковъ. Повсюду идетъ организаціонная работа духовенства. Епископы съ специальными посланіями обращаются къ священникамъ, рекомендуя имъ, конечно, голосовать за націоналистовъ и правыхъ. Оппозиціи же въ выборной кампани, пока, не слышно, конечно, не по ея винѣ. И самыми замѣтными выступленіями оппозиціи были до сихъ поръ только предвыборные конференціи прогрессистовъ и кадетовъ. Остановимся же на нихъ. Выступленіе прогрессистовъ особенно заслуживаетъ вниманіе. Это—въ извѣстномъ смыслѣ новая политическая группа. Она ведетъ свою родословную отъ группы прогрессистовъ, дѣйствовавшей въ III-й Думѣ, но составъ ея пополнился нѣкоторыми новыми общественными дѣятелями, и затѣмъ она вступила въ тѣсную связь съ группой московскихъ промышленниковъ... Эта связь съ московскимъ промышленнымъ міромъ кладетъ прежде всего яркій отпечатокъ на новую политическую группу. Въ то время, когда въ Петербургѣ засѣдалъ съѣздъ представителей промышленности и торговли, въ Петербургѣ же состоялась конференція прогрессистовъ. И это совпаденіе было не случайно. По сообщенію „Русского Слова“ петербургскій комитетъ прогрессистовъ сознательно пріурочилъ созывъ конференціи къ тому времени, когда долженъ былъ собраться въ Петербургѣ съѣздъ представителей промышленности и торговли, находя, что это „дастъ возможность промышленникамъ и прогрессистамъ столкнуться насчетъ совмѣстныхъ шаговъ избирательной кампани въ четвертую думу“.

И дѣйствительно, на собраніи, состоявшемся у г. Брянчанинова, приняли участіе почти всѣ московскіе представители коммерческаго міра, участвовавшіе въ съѣздѣ.

Но не смотря на тѣсную связь съ московскимъ промышленнымъ міромъ было бы ошибочно считать новую политическую группу партіей только городской промышленной буржуазіи. Значительная часть новой партіи тяготѣеть къ земской средѣ, къ той средѣ передовыхъ землевладѣльцевъ, подъ вліяніемъ которой находилось старое дореволюціонное земство. Эта среда, какъ показали кое гдѣ земскіе выборы послѣднихъ лѣтъ, снова поднимаетъ голову, снова пріобрѣтаетъ вліяніе въ земскомъ самоуправлѣніи и она несомнѣнно сыграетъ замѣтную роль и при выборахъ въ новую четвертую думу. Одинъ изъ вождей прогрессистовъ, Н. Н. Львовъ, на конференціи выдвинулъ даже въ качествѣ главной задачи новой политической группы—„организацію земской среды, надлежащаго выразителя которой, по его словамъ, такъ недостаетъ въ настоящей государственной думѣ“.

Итакъ, торгово-промышленная буржуазія, съ одной стороны, передовые землевладѣльцы съ другой, вотъ та основа, на которой строится новая партія.

Но вѣдь это приблизительно та же классовая основа, на которую опиралась до сихъ поръ партія октябристовъ. Октябристы, вѣдь, тоже представляли собой блокъ части крупной буржуазіи съ частью землевладѣльцевъ, и именно передовыхъ землевладѣльцевъ, проникнутыхъ конституціонными стремленіями. Въ чемъ же тогда смыслъ образованія новой партіи? Стремится ли она за-воевать ту же среду, которой владѣли раньше октябристы, какими нибудь новыми программными требованіями, какой нибудь новой платформой?

„Какъ на ближайшія задачи законодательной дѣятельности, какъ на реформы, подводящія фундаментъ подъ обновленный строй, говорилъ на конференціи И. Н. Ефремовъ, мы указываемъ на укрѣпленіе правъ и значенія Гос. Думы, на установление законности и правовыхъ началъ въ государственной жизни, на развитіе мѣстного самоуправленія, на распространеніе образованія и др.“.

Въ области такихъ же общихъ конституціонныхъ пожеланій оставался и М. М. Ковалевскій, выступавшій съ докладомъ на второмъ совѣщаніи прогрессистовъ (у г. Шубинъ-Поздѣева). Онъ говорилъ тамъ объ „обеспеченіи законности и защитѣ отъ административнаго произвола“, объ „осуществленіи... гражданскаго равенства“, объ „осуществленіи началь всеобщаго и дарового обученія“ и т. п. Къ этимъ общимъ конституціоннымъ и культурнымъ пожеланіямъ онъ добавилъ не менѣе общія экономическая пожеланія, напр. о „привлеченіи иностранныхъ капиталовъ для разработки нашихъ богатствъ“ или „защиты торговыхъ договоровъ, въ равной мѣрѣ направленныхъ въ пользу деревни, фабрикъ и заводовъ“ и т. п.

И въ итогѣ мы не получаемъ какъ будто ничего, что въ области избирательной платформы отличало бы прогрессистовъ отъ октябристовъ. Но есть у прогрессистовъ одинъ отрицательный лозунгъ, который проводить замѣтную демаркаціонную линію между ними и октябристами. „Противъ націонализма“ пишутъ на свое мѣсто знамени рѣшительно и опредѣленно прогрессисты. А націонализмъ какъ разъ былъ основной осью нашей внутренней политики въ послѣднее время.

Враждой къ инородцамъ бюрократія сплачивала разношерстные элементы думскаго большинства, разжиганіемъ этой вражды она стремилась отвлечь вниманіе населенія отъ неотложныхъ задачъ обновленія Россіи.

И прогрессисты прежде всего отправляются отъ сознанія несовмѣстимости этого зоологического націонализма съ осуществленіемъ политической свободы.

Свою рѣчь на первомъ собраніи прогрессистовъ г. Ефремовъ началъ съ „осужденія современной націоналистической политики“. Точно также и М. М. Ковалевскій на второмъ собраніи прогрессистовъ въ качествѣ первого тезиса выставилъ необходимость— въ интересахъ всѣхъ классовъ общества—„свободной отъ національного пристрастія, племенной и религіозной ненависти какъ вѣнчаней, такъ и внутренней политики“.

Но бороться противъ націоналистической политики и за дѣятельное осуществленіе элементарныхъ конституціонныхъ началъ, обѣщанныхъ манифестомъ 17 октября, это значитъ вступить

въ непримиримый антагонизмъ съ націоналистами и правыми. И этотъ практическій выводъ дѣлаютъ прогрессисты.

Съ него началъ свой докладъ И. П. Ефремовъ на первомъ собраниі прогрессистовъ. „Задача нашей организаціи, говорилъ онъ (по отчету „Рѣчи“)—объединеніе прогрессистовъ, чтобы побѣдить правыхъ и націоналистовъ и сдвинуть Россію съ мертвай точки безнадежнаго топтанія на мѣстѣ въ сферѣ стараго безправія и произвола“.

Итакъ, та же приблизительно классовая основа, что и у октяристовъ, та же программа и избирательная платформа, но только безъ націонализма и съ новой тактикой—тактикой рѣшительного равненія нальво къ союзу съ теперешней оппозиціей и рѣшительной борьбы съ правыми и націоналистами, вотъ въ общихъ чертахъ физіономія новой политической группы. И тотъ фактъ, что въ рядахъ этой группы при самомъ ея зарожденіи оказались вліятельные московскіе промышленники придаетъ появленію новой партіи на политической аренѣ огромное симптоматическое значение.

Партія октяристовъ расцвѣла во время паники, которая охватила имущіе классы подъ вліяніемъ революціи. Конституціоннымъ элементамъ среди землевладѣльцевъ и городской буржуазіи октяристы объѣщали одновременно и побѣдоносную борьбу съ революціей и проведеніе въ жизнь конституціонныхъ началъ, при этомъ то и другое въ тѣсномъ союзѣ съ правящей бюрократіей.

Октяристы, какъ всѣмъ теперь ясно, оказались банкротами. Въ тѣсномъ союзѣ съ нашей бюрократіей можно дѣлать все что угодно, но только не осуществлять начала политической свободы. Съ другой стороны паника среди имущихъ классовъ прошла, а начинаяющееся на почвѣ промышленного подъема движение рабочихъ массъ убѣждаетъ кромѣ того самыи нагляднымъ образомъ и въ томъ, что борьба съ этимъ движениемъ старыми средствами ни къ чemu привести не можетъ.

И появленіе на сценѣ новой партіи, какъ будто говоритъ о томъ, что тѣ слои, которые шли за октяристами, чувствуютъ теперь потребность опереться, говоря словами Н. Н. Львова, „на болѣе радикально настроенные слои общества“, въ цѣляхъ политического обновленія Россіи. Конечно если эти „болѣе радикально настроенные слои“ поступятся кое чѣмъ изъ своихъ прежнихъ радикальныхъ требованій. Равненіе нальво однихъ и равненіе направо другихъ, и въ итогѣ — вмѣсто дружнаго выступленія огромнаго большинства землевладѣльцевъ и приблизительно половины гор. курій подъ знаменемъ контрѣ-революціи, бюрократіи угрожаетъ на новыхъ выборахъ солидарное выступленіе городскихъ избирателей (I и II курій) съ значительнымъ меньшинствомъ землевладѣльцевъ подъ знаменемъ дѣйствительного осуществленія манифеста 17 октября.

Осуществится ли это солидарное выступленіе? Иначе говоря, смогутъ ли пойти рука объ руку на предстоящихъ выборахъ прогрессисты съ кадетами и притомъ такъ, чтобы не отпугнуть отъ себя широкіе слои городской буржуазіи и землевладѣльцевъ?..

На этотъ вопросъ уже дали и дали опредѣленный положительный отвѣтъ послѣднія выступленія кадетовъ. „Мы должны,

говорилъ Н. Н. Львовъ на конференції прогрессистовъ, объединить и болѣе радикально настроенные слои общества, понимающіе, что въ настоящее время вопросъ идетъ не объ осуществлениіи радикальныхъ программъ".

И онъ, какъ эхо въ данномъ случаѣ повторилъ то, что недавно писалъ вождь кадетовъ г. Милюковъ въ „Ежегодникѣ Рѣчи“: „Рѣчь идетъ вѣдь теперь не объ осуществлениіи одной изъ радикальныхъ программъ, продиктованныхъ, общественнымъ настроениемъ въ виду политической конъюнктуры 1905 и 1906 гг.“.

Тотъ же лейтъ-мотивъ прозвучалъ и на кадетской конференції, правда не вполнѣ единодушно, при сильной оппозиції лѣвыхъ кадетовъ. Въ то время какъ наиболѣе правые элементы на конференції звали кадетовъ чуть не къ полному сліянію съ прогрессистами, лѣвые элементы, судя по сообщенію въ „Киевской Мысли“ Е. Ш., гнули палку въ противоположную сторону, высказывая полное недовѣріе къ прогрессистамъ. Но судя по официальному изложению результатовъ конференціи въ „Рѣчи“, недовѣріе къ прогрессистамъ во всякомъ случаѣ не одержало побѣды. Вступленіе отдѣльныхъ членовъ партіи к.-д. въ организацію прогрессистовъ было признано недопустимымъ, но въ то же время было признано желательнымъ „участіе въ совѣщаніяхъ по вопросамъ мѣстныхъ выборовъ делегацій обѣихъ группъ, а также, въ случаѣ необходимости, созданіе на мѣстахъ смѣшанныхъ избирательныхъ комитетовъ“.

Подъ давленіемъ, затѣмъ, лѣвыхъ кадетовъ избирательная платформа, принятая конференціей, начинается съ заявленія, что партія народной свободы остается вѣрной требованіямъ, выдвинутымъ въ адресѣ первой думы и что „она будетъ неотступно добиваться осуществленія тѣхъ условій, безъ которыхъ нельзя надѣяться на осуществленіе завѣтовъ первой Думы: всеобщаго избирательного права и устраненія препятствій для дѣятельности народнаго представительства, создаваемыхъ безотвѣтственностью Министерства и Гос. Совѣтомъ въ его современномъ видѣ“. Удовлетворивши—такимъ образомъ свои лѣвые элементы платформа сейчасъ же оговаривается относительно „неотложныхъ очередныхъ задачъ“, выдвигаемыхъ властно жизнью примѣнительнс уже къ „современнымъ условіямъ решенія законодательныхъ вопросовъ“. И дальше идутъ тѣ общія требованія вродѣ: „искорененіе произвола и безправія“, „отпора воинствующему націонализму“, „гражданскаго равноправія“, „защиты и расширенія правъ Гос. Думы“, которыхъ выставляются на своеѣ знамени и прогрессисты. Эти „неотложныя, очередныя задачи“ и являются на самомъ дѣлѣ избирательной платформой кадетовъ, по существу ничѣмъ почти не отличающейся отъ избирательной платформы прогрессистовъ.

Этотъ компромиссъ, которымъ закончилась кадетская конференція, даетъ кадетамъ возможность, не раскалываясь и не отрѣзывая себѣ пути къ равненію нальво, когда этого потребуетъ новое политическое положеніе, сейчасъ дружными рядами пойти на встрѣчу прогрессистамъ, желающимъ, какъ мы видѣли, опереться на „болѣе радикальные слои населенія“. Солидарное выступленіе кадетовъ и прогрессистовъ на новыхъ выборахъ такимъ образомъ обеспечено, и не исключена возможность, что про-

грессистамъ вмѣстъ съ кадетами удастся отвоевать отъ октябрьстовъ добрую половину ихъ избирателей изъ землевладѣльцевъ и I гор. куріи и, въ новой думѣ образуется прогрессистско-кадетское большинство.

Случись это, появление на политической аренѣ, не смотря на избирательный законъ 3 юна, оппозиціонной Госуд. Думы, внесеть, конечно, сильнѣйшее разстройство въ ряды бюрократіи и крайне затруднить ея борьбу съ поднимающимъ вновь голову общественнымъ движениемъ.

Новая дума во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она будетъ рѣшительно и опредѣленно сталкиваться съ бюрократіей и старымъ режимомъ можетъ, конечно, заранѣе разсчитывать на поддержку со стороны рабочей демократіи. Но само собою разумѣется, что этимъ не ограничится участіе рабочей демократіи въ назрѣвающемъ общественномъ кризисѣ. Она постараится и постарается, начиная съ выборовъ, чтобы рядомъ съ умѣренными либеральными лозунгами прогрессистовъ и кадетовъ въ движениі рабочихъ массъ зазвучали громко и опредѣленно рѣшительные демократические лозунги. Поддерживая новую думу во всѣхъ случаяхъ ея рѣшительного выступленія противъ старого режима, представители рабочей демократіи будутъ въ то же время разоблачать передъ широкими народными массами ограниченность и недостаточность ея требованій для дѣйствительного обновленія Россіи. При содѣйствіи новой думы или противъ ея воли будетъ подготовлена, такимъ образомъ, замѣна ее дѣйствительно демократическимъ и полновластнымъ народнымъ представительствомъ.

Н. Череванинъ.

Одннадцатый съездъ польской соціалистической партіи (Р. Р. С.).

Когда въ концѣ 1906 г. на 9-мъ съездѣ старой польской соц. партіи, существовавшей съ 1893 г., произошелъ расколъ,—его привѣтствовали всѣ передовые элементы россійской соціалдемократіи. Въ органахъ м—ковъ въ Петербургѣ и Москвѣ, въ органѣ Бунда указывалось все значеніе этого раскола для польского рабочаго движенія; новой Р. Р. С. „лѣвицѣ“, избавившейся отъ боевистскихъ и националистическихъ элементовъ, которые образовали такъ называемую „революціонную фракцію“,—выражались самыя лучшія пожеланія. И „лѣвица“ не обманула возлагавшихся на нее надеждъ. Въ то время, какъ

„революц. фракція“ выродилась въ авантюристско-экспропріаторскую группу, въ своемъ націонализмѣ докатившуюся до антисемітизма и вносишую лишь развратъ въ рабочія массы, Р. Р. С.—„лѣвица“ сразу стала на путь марксистской, чисто классовой политики. На первомъ послѣ раскола, 10-мъ съѣздѣ (въ 1908 г.) она рѣзко осудила боевизмъ и націонализмъ, приняла новую программу, въ которой, вмѣсто прежніаго лозунга „независимости Польши“, поставлено было требование широкой автономіи; съѣздъ отказался отъ тактики бойкота 3-ей Думы, призналъ с.-д. фракцію единственной представительницей польского пролетаріата въ Думѣ и рѣшилъ всѣми мѣрами содѣйствовать ея работе. Наконецъ, съѣздъ рѣшилъ энергично приняться за созданіе безпартійныхъ и легальныхъ профессіон. союзовъ (въ противоположность Соц. Дем-и. Царства Польскаго и Литвы,—которая признавала лишь союзы партійные) и вообще поставилъ себѣ цѣлью стремленіе къ открытой и массовой работе, къ объединенію открытыхъ и иныхъ формъ движенія и организаціи.

Первое время послѣ съѣзда партіи пришлось работать при безконтактно тяжелыхъ условіяхъ: репрессіи безпощадно разрушали все, до-бытое въ годы революціи. „Цѣлые партійные комитеты, цѣлые мѣстныя организаціи шли въ тюрьму и ссылку, отъ огромныхъ професс. союзовъ едва сохранились жалкіе остатки. Изъ 39 делегатовъ 10-го съѣзда трое погибли осужденные военнымъ судомъ, 1 умеръ въ ссылкѣ, 1—въ эмиграціи, нѣсколько пошло на каторгу, почти всѣ перебывали въ тюрьмѣ“ *). Къ этому надо присоединить тяжелый экономіческій кризисъ, общественную реакцію и апатію въ широкихъ массахъ, а также необходимость вести непрерывную идеиную и организаціонную борьбу на два фронта: съ боевиками и авантюристами „револ. фракціи“, не стѣснявшимися въ средствахъ (захватъ партійнаго архива и т. п.) и съ озлобленной и безнадежной кружковщиной заправилъ С. Д. Ц. П. и Л. (польскихъ с.-д., входящихъ съ 1906 г. въ россійскую соціалдемократію). Тѣмъ не менѣе, со второй половины 1909 г., лишь только начался нѣкоторый подъемъ въ польскомъ рабочемъ движеніи, сперва въ формѣ экономическихъ забастовокъ, польская соц. партія стала оживлять и расширять свою дѣятельность, стараясь направлять ее и на открытые формы движенія, на легальную рабочую печать, просвѣтительныя общества и т. д., на сколько позволяли поліцейскія условія въ Польшѣ, стараясь дѣлать то же, что дѣлали русскіе с. д. дѣятели открытаго раб. движенія, т. н. „ликвидаторы“. Въ прошломъ году партія начала кампанію за право коалицій, организовала собираніе подписей подъ петиціей, но и тутъ встрѣтила рѣзкое противодѣйствіе со стороны руководящаго кружка польскихъ с.-д., которые, по выраженію отчета о съѣздѣ, дѣйствовали въ этомъ случаѣ „по штрейкбрехерски“.

*.) Отчетъ объ 11-мъ съѣздѣ, стр. 6.

Такимъ образомъ, Р. Р. С. фактически стала лишь второй фракціей польской соціалдемократіи, болѣе чуткой къ запросамъ времени, болѣе жизнеспособной и правильно понимающей задачи рабочей партіи, чѣмъ группа, носящая формально имя соціалдемократической. Естественно, что остро всталъ вопросъ объ объединеніи польского рабочаго движенія, о созданіи въ Польшѣ единой с.-д. партіи. Р. Р. С. шла на встречу этому объединенію, жѣлали его и многіе рабочіе изъ П. С.-Д., его проповѣдывала и небольшая литературная группа польскихъ с.-д. („рабочая солидарность“), но руководители П. С.-Д. употребляли всѣ мѣры, чтобы не дать этому объединенію осуществиться.

Русскіе м—ки внимательно слѣдили за всѣми этапами совершающейся съ Р. Р. С. эволюціи и уже на конференціи 1908 г. предложили объединиться съ ней. Большевики и представители П. С.-Д. отвергли это предложеніе бѣзъ дебатовъ. Но это не помѣщало, конечно, м—камъ поддерживать дружескія сношенія съ этой болѣе передовой частью польского соціализма.

При такихъ условіяхъ собрался недавно одиннадцатый съездъ Р. Р. С. Впервые въ исторіи этой партіи на съездѣ были приглашены представители важнѣйшихъ теченій и нац. организацій россійской соціалдемократіи, и большинство ихъ охотно приняло это приглашеніе. Меньшевики послали ветерана русской с.-д., П. Б. Аксельрода; были на съездѣ также представители „Правды“ *), Бунда и латышской с.-д.їи; представитель группы „Впередъ“ не попалъ лишь по причинамъ техническаго характера. Редакція издаваемаго Плехановымъ „Дневника С.-Д“ прислала привѣтствіе съѣзду. На съездѣ было 33 делегата съ рѣшающимъ голосомъ, изъ нихъ 8 изъ Варшавы, 1 изъ пригородовъ ея, 9 изъ Лодзи, одинъ изъ Томашева, одинъ изъ Пабляницъ, три изъ Домбровскаго каменно-угольнаго района, по одному изъ Ченстохова, Радома, Люблина. Остальные были представители центр. ком. и заграничныхъ организацій партіи. Было выбрано еще 12 делегатовъ изъ разныхъ мѣстъ, но они не могли попасть на съездѣ вслѣдствіе техническихъ затрудненій.

Съездъ произвелъ пріятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ на немъ гостей серьезностью и дѣловитостью своихъ дебатовъ, самостоятельностью и зрѣлостью делегатовъ-рабочихъ (большинство ихъ — старые дѣятели рабочаго движенія), которые не разъ подвергали рѣзкой, хотя всегда дѣловой и товарищеской критикѣ работу центральныхъ учрежденій партіи. При этомъ въ теченіе 7 дней, въ которые засѣдалъ съездъ, былъ исчерпанъ весь разнообразный порядокъ дня, обнимавшій чрезвычайно серьезные и злободневные для польского рабочаго движенія вопросы (о выборахъ въ Думу, объ экономич. борьбѣ и профессіон. союзахъ, объ использованіи новыхъ законовъ по страхованию).

*) На Петербургской, конечно. Ред.

рабочихъ, о городскомъ самоуправлениі въ Польшѣ, о борьбѣ съ национальнымъ гнетомъ и объ отношеніи къ Р. С. Д. Р. П.).

Изъ отчетовъ Центр. комит. и мѣстныхъ организаций видно, что партія въ настоящій моментъ имѣеть окружные комитеты въ цѣломъ рядѣ мѣстъ, а также комитеты фабричные, кружки самообразованія, дискуссионные и организационные,—наконецъ, школы агитаторовъ. Но число членовъ, входящихъ въ организаціи, далеко не обнимаетъ всей массы членовъ партіи, составляющихъ „lose organisationen“ (неоформленныя организаціи) и мобилизуемыхъ при всякой политической кампаніи. Нѣкоторымъ указаніемъ на сферу вліянія Р. Р. С. можетъ служить распространеніе ея органа который (нелегально), расходится въ количествѣ 2000—2200 экземпляровъ.

Не безъ вліянія партіи протекаетъ дѣятельность профессіональныхъ союзовъ, культурно-просвѣтит. учрежденій и кооперативовъ. При этомъ характерной чертой современаго момента является повышение самодѣятельности партійныхъ организацій, увеличеніе самостоятельной инициативы рабочихъ, а „общей тенденціей“—построеніе и приспособленіе организаціи „для проведенія широкихъ массовыхъ кампаній, политич. и экономическихъ, и расширеніе организаціи въ процессѣ проведенія этихъ кампаній“ *). Послѣ дебатовъ о современномъ политическомъ положеніи и общихъ тактическихъ задачахъ партіи съѣздъ принялъ рядъ положеній, часть которыхъ потомъ была разбита по отдѣльнымъ вопросамъ порядка дня. Особое значеніе имѣетъ положеніе о необходимости организовывать массовыя политическія кампаніи, главнымъ образомъ, въ борьбѣ за право коалицій такъ какъ лишь путемъ массовой и открытой борьбы пролетаріатъ добьется возможности открыто дѣйствовать и организовываться. Эта борьба за право коалицій должна вестись непрерывно и вѣми способами, обеспечивающими ей въ наибольшей мѣрѣ массовый и открытый характеръ, особенно путемъ собиранія подписей подъ петиціями и протестами. Какъ только соберется 4-я Дума она немедленно должна быть осаждена „требованіемъ свободы коалицій, поддержанымъ широкимъ движениемъ пролетаріата всей страны“ **). Въ области экономической борьбы надо, по мнѣнію съѣзда, внушать рабочимъ убѣженіе, что при современныхъ условіяхъ „солидарная и стойкая борьба можетъ разсчитывать на победу“. И лучшимъ средствомъ для этого служить созданіе открытыхъ классовыхъ професс. союзовъ, такъ какъ лишь въ открытыхъ, слѣдов., легальныхъ союзахъ могутъ принимать дѣятельное участіе сами массы. Поэтому съѣздъ рекомендуется безпрестанныя попытки легализаціи союзовъ и массовую агитацию вокругъ каждого отказа, каждого закрытія союза. Въ этой работѣ партіи придется преодолѣть упорное сопротивленіе П. С. Д., которая внушаетъ

*) Отчетъ, стр. 18.

**) Тамъ же, 37.

рабочимъ недовѣріе ко всякаго рода легальнымъ организаціямъ; вынужденная послѣ долгой борьбы признать легальность профес. союзовъ, П. С.-Д. предлагаетъ отдавать ихъ „подъ надзоръ“ тайнымъ партійнымъ союзамъ, обнаруживая этимъ вполнѣ свою боязнь рабочей самодѣятельности даже въ экономическихъ организаціяхъ.

По поводу законопроектовъ о страхованиі рабочихъ съездъ рекомендуетъ неодинаковую тактику по отношенію къ страхованиі отъ несчастныхъ случаевъ и къ страхованиі отъ болѣзней. Въ то время, какъ противъ первого законопроекта, значительно ухудшающаго дѣйствующее право, необходимо вести непрерывную войну, законъ о больничныхъ кассахъ, когда онъ войдетъ въ силу, при всѣхъ его недостаткахъ, можетъ и долженъ послужить новой операционной базой для организаціи рабочаго класса. Поэтому сознательные рабочие „должны решительно отбросить мысль о бойкотѣ этихъ кассъ“ *) и, наоборотъ, постараться забрать ихъ въ свои руки и сдѣлать ихъ орудіемъ защиты интересовъ пролетаріата. Рабочіе должны стараться выбирать своихъ лучшихъ представителей въ правленіе, добиваться, чтобы предсѣдателемъ его былъ рабочій и чтобы касса находилась въ рукахъ правленія, а не фабриканта. Въ случаѣ неутвержденія какихъ-либо рабочихъ делегатовъ губернской администраціей, ихъ слѣдуетъ отстаивать всѣми мѣрами, до забастовки включительно. При всемъ этомъ, само собою разумѣется, надо продолжать борьбу за дѣйствительное и демократическое страхование рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, инвалидности, старости и безработицы.

Такова же, по мнѣнію съезда, должна быть тактика партіи и по отношенію къ будущему городскому самоуправлению въ Польшѣ. Продолжая протестовать противъ этой карикатуры на самоуправлѣніе и противъ польского коло въ Думѣ, которое приложило къ этой карикатурѣ свою печать, польскій пролетаріатъ въ то же время долженъ зорко слѣдить за будущимъ хозяйственіемъ господствующихъ классовъ въ городскомъ самоуправлѣніи, предъявлять имъ конкретныя требованія, поддержаныя широкой агитаціей и, насколько возможно, самъ долженъ принимать участіе въ выборахъ.

Изъ этого бѣглого обзора важнѣйшихъ рѣшеній, принятыхъ съездомъ, въ достаточной мѣрѣ видно, что хотя Р. Р. С. формально еще не входитъ въ составъ россійской соціалдемократіи, но по существу она гораздо ближе къ дѣйствительно марксистскимъ ея элементамъ, чѣмъ П. С.-Д. И вопросъ объ объединеніи съ Р. С.-Д. Р. Р. занялъ особенно важное мѣсто на съездѣ. Напомнимъ, что еще конференція Р. Р. С. 1909 г. признала необходимость объединенія пролетаріата всѣхъ народностей Россіи въ одну партію, и указавъ, что до сихъ поръ объединенію Р. Р. С. съ Р. С.-Д. Р. П. значительно

*) Тамъ же, 40.

мѣшала фракціонная раздробленность послѣдней, — съѣздъ отмѣтилъ попытку объединенія всѣхъ теченій россійской соціалдемократіи, предпринимаемую въ послѣднее время попытку, отъ которой, кромѣ П. С.-Д., отстраняются лишь ленинцы, „поклоняющіеся старымъ кружковымъ традиціямъ и отжившимъ тактическимъ методамъ“ *). При этомъ тактическая линія объединяющихся элементовъ Р. С.-Д. Р. П.—какъ разъ та же, которую въ послѣдніе годы выработала и Р. Р. С. Поэтому съѣздъ поручилъ Ц. К. вступить въ соглашеніе съ руководящими учрежденіями россійской соціалдемократіи относительно совмѣстныхъ выступленій, имѣющихъ общегосударственное значеніе (выборы, кампанія за свободу коалицій, вопросъ о больничныхъ кассахъ и т. д.), равно какъ принимать участіе въ совѣщаніяхъ, созываемыхъ для обсужденія этихъ вопросовъ. Дальнѣйшимъ этапомъ должны быть шаги для полнаго организаціоннаго сліянія обѣихъ партій, на основѣ автономіи Р. Р. С. въ польскихъ дѣлахъ. Первую подобную попытку соглашенія и дѣлаетъ Р. Р. С., предлагая теперь же заключить общий предвыборный блокъ тремъ дѣйствующимъ въ Польшѣ соц.-дем. организаціямъ: Р. Р. С., П. С. Д. и Бунду. Однако, если принять во вниманіе комично-высокомѣрный отказъ руководителей П. С. Д. по поводу предложенія Бунда вести совмѣстно съ нимъ и съ Р. Р. С. кампанію о городскомъ самоуправленіи въ Польшѣ,—надо думать, что кружокъ, хозяйствующій въ польской с.-д., и на этотъ разъ не захочетъ подчинить свои смѣшныя притязанія или свою сектантскую озлобленность интересамъ всего пролетариата Польши. Тогда мы увидимъ въ Польшѣ то, чѣмъ ленинцы грозятъ Россіи: двойныя кандидатуры въ одной и той же с.-д. средѣ...

Б. И. Горевъ.

*). Т. же стр. 57.

— НОВАЯ КНИГА —

А. Коллонтай.

По рабочей Европѣ.

СИЛУЭТЫ и ЭСКИЗЫ.

(Изъ записной книжки лектора).

Цѣна 1 р. 35 коп.

Складъ изданія въ С-Петербургѣ: у издателя: Тверская 4, кв. 18 и въ Книжномъ складѣ „Прометей“—Поварской, 10 и „Земля“—Невскій 55.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

А. Коллонтай. По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы. (Изъ записной книжки лектора). Изд. М. И Семенова. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 35 к.

Д. Д. Галанинъ. Образованіе и обученіе. М. Ц. 50 к.

Экономический статистический сборникъ. Вып. IV (Статистич. отд. Москов. уѣздн. Зем. Управы). М. 1912 г. Ц. 1 р.

І. М. Гольдштейнъ. Русско-Германскій торговый договоръ и задачи Россіи. (Труды комиссіи по пересмотру торгов. договора съ Германіей. Подъ редакц. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Вып. IV). Спб. 1912 г.

В. А. Мукоствъ. Статистическая характеристика русско-германского товарообмѣна въ 1909 г. въ связи со ставками тамож. тарифа. (Труды Комиссіи... Вып. V.) Спб. 1912 г.

Проектъ положенія о кооперативныхъ товариществахъ и ихъ союзахъ, принятый всеросс. съѣздомъ въ СПБ. 10—16 марта 1912 г. Харьковъ 1912 г.

Отчетъ правленія Екатеринославскаго О-ва взаимопомощи въ торговыхъ, промышленныхъ заведеніяхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ—за 1911 г. Екатеринославъ. 1912 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

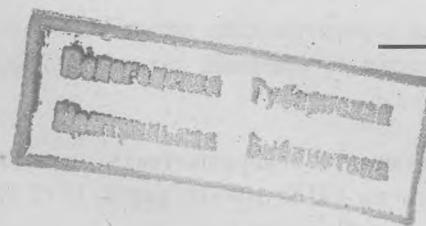
	Стр.
Ортодоксъ. О посмертныхъ художественныхъ произведеніяхъ Л. Н. Толстого	3
Н. Троцкій. Принципы и предразсудки. (Къ вопросу о борьбѣ за свободу коалицій)	11
Н. Р—ковъ. На два фронта (Отв. В. Ильину и Ред. „Н. Зарі“)	28
Л. Мартовъ. О томъ, какъ можно быть неправымъ на оба фронта.	33
А. Семенова. Новѣйшія выступленія германскаго ревизіонизма.	42

Иностранные обозрѣніе.

Я. Пилецкій. Избирательныя недоразумѣнія. (Письмо изъ Гер- маніи)	50
А. Коллонтай. Женское избир. право въ Шведскомъ парламентѣ.	55

Политическое обозрѣніе.

Ф. Данъ. Послѣ „Лены“	60
Н. Череванинъ. Прогрессисты и кадеты передъ выборной кам- панией	69
Б. И. Горевъ. Одипнадцатый съездъ Р. Р. С.	73

24414

Редакторъ-Издатель Ф. С. Станилевичъ.

Типографія И. Лурье и К°, Гороховая 48.